

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2026

Периодичность: 1 раз в квартал

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список»

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции отделения «Высшая школа правоведения» юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, РАНХиГС (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О.** – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – доктор юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Академический департамент Школы права и управления, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Бакинский инженерный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душакова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н.** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Овсебян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического института, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмаилов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В.** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

16+

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления
(верстка, дизайн, макет), 2026

"To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives"

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 3, 2026

The frequency is 1 time per quarter

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the "White List"

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Department of the Higher School of Jurisprudence, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Doctor of Law, Associate Professor, Tyumen State University, Academic Department of the School of Law and Management, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionals of Russia, member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia" (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Baku Engineering University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsagid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor of the Department of History of State and Law, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Institute of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambulat H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address

344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

<http://vestnik-uriu.ranepa.ru>

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	9
<i>П.П. Баранов</i>	
Проблемы совместимости искусственного интеллекта, права и правового сознания	9
<i>С.В. Иванов</i>	
Соотношение и разграничение публично-правовых институтов искусственного интеллекта и автоматизированных административных процедур.....	25
<i>П.А. Курочкин</i>	
Пределы технической конкретизации принципов права в сфере регулирования искусственного интеллекта.....	40
<i>Р.З. Махмадиев</i>	
«Юрист-архитектор» как новейший тип профессиональной субъектности и продукт правового антропоцентризма в условиях цифровой революции общества.....	55
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	68
<i>О.П. Тряев, Д.Р. Зайнутдинов</i>	
Правовые основы советской модели стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг в 1917–1991 гг.	68
<i>А.С. Бердичевская</i>	
Структура и особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.)	80
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА	91
<i>Д.А. Авдеев</i>	
Форма современного государства: новый взгляд на организацию публичной власти	91
<i>М.А. Каплюк</i>	
Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования института государственной аккредитации в сфере высшего образования	105
<i>О.С. Бездольный</i>	
Административная ответственность за нарушение режима пребывания: проблема разграничения между нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище	116
ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА	127
<i>О.Г. Зубарева</i>	
Участие несовершеннолетних в создании медиаконтента: проблемы формирования и защиты цифровой идентичности ребенка в нормах семейного законодательства.....	127
<i>Э.Н. Бондаренко</i>	
Непосредственно связанные с трудовыми отношения в предмете трудового права.....	137
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	145
<i>Ю.И. Блохин</i>	
Критический анализ признаков системы в перечне наказаний: куда ведет лестница наказаний?.....	145
<i>Ю.Б. Чупилкин</i>	
Гарантии прав уголовно преследуемого лица: от нормативного идеала к динамической системе	156
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	172

CONTENT

ISSUES IN THE LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	9
<i>Pavel P. Baranov</i>	
Problems of compatibility of artificial intelligence, law and legal consciousness.....	9
<i>Sergey V. Ivanov</i>	
Correlation and differentiation of public law institutions of artificial intelligence and automated administrative procedures.....	25
<i>Panteleymon A. Kurochkin</i>	
The limits of technical concretization of legal principles in artificial intelligence regulation.....	40
<i>Rustam Z. Makhmadiev</i>	
The lawyer-architect as a novel type of professional agency and a product of legal anthropocentrism in the context of the digital revolution in society	55
ISSUES IN THE HISTORY OF LEGAL REGULATION IN SOVIET SOCIETY.....	68
<i>Oleg P. Tryaev, Dinar R. Zaynutdinov</i>	
Legal foundations of the soviet model of standardization and ensuring the safety of goods, works and services in 1917–1991	68
<i>Anastasia S. Berdichevskaya</i>	
Structure and features of functioning of the legal mechanism for protecting the fundamentals of the state system of the USSR (1946-1991).....	80
ISSUES IN THE CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW	91
<i>Dmitry A. Avdeev</i>	
The form of the modern state: a new look at the organization of public authority	91
<i>Maksim A. Kapliuk</i>	
Problems and prospects for improving the legal regulation of the institution of state accreditation in the sphere of tertiary education	105
<i>Oleg S. Bezdolny</i>	
Administrative liability for violating stay regulations: the problem of distinguishing between illegal migrants and asylum seekers.....	116
ISSUES IN FAMILY AND LABOR LAW	127
<i>Olga G. Zubareva</i>	
Participation of Minors in the Creation of Media Content: Problems of Forming and Protecting a Child's Digital Identity in the Framework of Family Law	127
<i>Elvira N. Bondarenko</i>	
Directly related to labor relations in the subject of labor law	137
ISSUES IN CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE	145
<i>Yuri I. Blokhin</i>	
A critical analysis of the system's features in the list of punishments: where does the ladder of punishments lead?	145
<i>Yuri B. Chupilkin</i>	
Guarantees of the rights of a criminally prosecuted person: from the normative ideal to a dynamic system.....	156
REQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	172

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 9–24
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(3):9–24

Научная статья

УДК 34.01

EDN: KFXOWV

Проблемы совместимости искусственного интеллекта, права и правового сознания

Павел Петрович Баранов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
baranov-pp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-5266>

Аннотация

Введение. Искусственный интеллект представляет собой появившуюся новую цифровую реальность, которая неотвратимо изменяет нашу существующую реальность. Технологии весьма быстро и активно проникают в юридическую сферу. Но вместе с этим процессом возникают и различные технические, этические и правовые проблемы.

Цель. Выявить существующие в настоящее время проблемы совместимости искусственного интеллекта с правом и правовым сознанием, а также обозначить направления работы в сфере нормативно-правового регулирования разработки и использования искусственного интеллекта.

Теоретико-методологическую основу работы составили анализ действующего законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта, труды отечественных исследователей в области исследования развития искусственного интеллекта в России и за рубежом.

Результаты и выводы. Показано, что Российская Федерация, как и другие ведущие державы, стоит перед необходимостью выработки устойчивых и взвешенных методологических решений в области права применительно к алгоритмическим системам.

Автором предложены следующие направления работы в сфере правового регулирования разработки и использования искусственного интеллекта:

1. Развитие научной дискуссии по проблеме правового регулирования искусственного интеллекта; активное междисциплинарное обсуждение с участием юристов, специалистов по искусственному интеллекту, этике, а также философов и экспертов в социально-экономических вопросах.
2. Внимательное изучение существующего иностранного опыта нормотворческой деятельности в этой сфере.
3. Активное привлечение представителей бизнеса в процесс создания различных нормативно-правовых актов и документов, регулирующих процессы создания и развития искусственного интеллекта.
4. Разработка четких стандартов, устанавливающих, что алгоритмы должны быть непредвзятыми, безопасными и исключаящими элементы дискриминации, а человек сохранял за собой финальный контроль над процессом принятия решений.
5. Защита государством персональных данных человека через системы обезличивания данных и установление механизма контроля за утечками информации.

6. Правовое закрепление положения о том, что ответственность за ущерб, который причиняется алгоритмом искусственного интеллекта, несет разработчик или оператор. Параллельно необходимо определить правовой режим для контента, созданного ИИ.

7. Защита государством цифровых прав граждан, которые должны быть такими же базовыми, как социальные или трудовые.

8. Создание эффективного механизма установления и обеспечения четких юридических рамок со стороны государства для безопасного использования ИИ при поиске равновесия между инновациями и ответственностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое сознание, законодательное регулирование искусственного интеллекта, экспериментальный правовой режим, этика применения искусственного интеллекта, интеллектуальные права, самосознание, мыслительные задачи

Для цитирования: Баранов П.П. Проблемы совместимости искусственного интеллекта, права и правового сознания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 9 - 24. EDN: KFXOWV

Original article

Problems of compatibility of artificial intelligence, law and legal consciousness

Pavel P. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, baranov-pp@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7062-5266>

Abstract

Introduction. Artificial intelligence is a new digital reality that has emerged, which inevitably changes our existing reality. Technologies are rapidly and actively penetrating the legal field. But along with this process, various technical, ethical and legal problems arise.

Purpose. To identify the current problems of compatibility of artificial intelligence with law and legal consciousness, as well as to identify areas of work in the field of regulatory regulation of the development and use of artificial intelligence.

The theoretical and methodological basis of the work was the analysis of current legislation in the field of artificial intelligence regulation, the works of domestic researchers in the field of research on the development of artificial intelligence in Russia and abroad.

Results and conclusions. It is shown that the Russian Federation, like other leading powers, faces the need to develop stable and balanced methodological solutions in the field of law in relation to algorithmic systems.

The author suggests the following areas of work in the field of legal regulation of the development and use of artificial intelligence: 1. Development of scientific discussion on the problem of legal regulation of artificial intelligence; active interdisciplinary discussion with the participation of lawyers, specialists in artificial intelligence, ethics, as well as philosophers and experts in socio-economic issues. 2. Careful study of the existing foreign experience of standard-setting activities in this field. 3. Active involvement of business representatives in the process of creating various regulatory legal acts and documents regulating the creation and development of artificial intelligence. 4. The development of clear standards that establish that algorithms should be unbiased, safe and exclude elements of discrimination, and the person retains final control over the decision-making process. 5. Protection of personal data by the state through data anonymization systems and the establishment of a mechanism to control information leaks. 6. The legal consolidation of the provision that the developer or operator is responsible for the damage caused by the artificial intelligence algorithm. In parallel, it is necessary to define the legal regime for the content created by AI. 7. Government protection of citizens' digital rights, which should be as basic as social or labor rights. 8. Creation of an effective mechanism for establishing and ensuring a clear legal framework on the part of the state for the safe use of AI in the search for a balance between innovation and responsibility.

Keywords: artificial intelligence, legal consciousness, legislative regulation of artificial intelligence, experimental legal regime, ethics of artificial intelligence application, intellectual rights, self-awareness, mental tasks

For citation: Baranov P.P. Problems of compatibility of artificial intelligence, law and legal consciousness. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3):9 – 24. (In Russ). EDN: KFXOWV

Введение

Связь искусственного интеллекта с теоретико-философскими проблемами многогранна и довольно глубока. Развитие искусственного интеллекта заставляет философов серьезно переосмыслить такие фундаментальные понятия, как сознание, разум, субъектность, свобода воли, творчество. Кроме того, ставятся вопросы о месте технологий в картине мира. Теоретические и философские проблемы, связанные с искусственным интеллектом, охватывают весьма широкий спектр вопросов, включающих не только фундаментальные вопросы философии, но и онтологии, этики и теории познания.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) представляет собой появившуюся новую цифровую реальность, которая неотвратимо изменяет нашу существующую реальность. Он постепенно превращается в невидимого судью и строителя в ключевых моментах жизни человека (прием на работу, написание различных документов и т.д.). Связь между ИИ и правом весьма разносторонняя и взаимопроникающая.

Технологии весьма быстро и активно проникают в юридическую сферу. Но вместе с этим процессом возникают и различные технические, этические и правовые проблемы. ИИ берет на себя многие рутинные вопросы и задачи, которые стоят перед юристами: анализ документов, извлечение данных, структурирование и резюмирование документов, работа с судебной практикой, генерация различных черновиков [1; 2].

Важно помнить, что возраст человеческой цивилизации составляет около 10 тысяч лет, возраст законодательства и правовых систем – около 4 тысяч лет, а возраст искусственного интеллекта – около 80 лет. Но все дело в том, что в последние 8-10 лет ИИ развивается фантастически гигантскими темпами. Это происходит из-за того, что компьютеры сейчас способны обрабатывать за секунды огромные объемы информации, появились гигантские массивы данных в интернете, на которых нейросети могут обучаться, возникли новые алгоритмы, позволяющие перейти от простых запрограммированных правил к машинному обучению.

Однако в настоящее время развитие ИИ идет по пути помощника человека, готового взять на себя стандартные функции.

Теоретические основы

Как и при помощи каких механизмов сознание человека и ИИ отражают действительность? Известно, что сознание, отражая действительность, создает субъективно внутреннюю картину мира, формирует ее субъективный образ. Причем сознание работает комплексно. Оно обобщает, использует различные психологические инструменты – ощущение (чувственный уровень), мышление (рациональный уровень), эмоции, память, внимание. Кроме того, сознание не только фиксирует, но и оценивает отраженное, вплетая в этот процесс желания, ценности и цели. Сознание является одним из ключевых понятий, характеризующих сущность человека и выступающих в качестве основы личности. Через него мы ставим цели, мысленно строим план действий, предвосхищаем результат (прогнозируем последствия) и на этой основе регулируем свое поведение. Важной функцией сознания является самосознание – способность взглянуть на самого себя как бы со стороны. В его основе лежит так называемая Я-концепция, то есть устойчивый внутренний портрет личности, в котором переплетаются знания о себе, убеждения, эмоциональные оценки собственных черт, талантов, внешности, места в социуме и исполняемых ролей.

Все перечисленные психологические механизмы испытывают мощное воздействие таких важных факторов, как личный опыт человека, установки, убеждения и ценности, эмоциональное состояние в момент отражения и различные физиологические факторы.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что сознание – это не просто зеркало, в котором человек видит себя, но и архитектор собственного внутреннего мира, ответственный за его строение и постоянное обновление. И в эпоху стремительных социокультурных сдвигов, когда границы размываются, а новые смыслы рождаются едва ли не ежедневно, понимание механизмов формирования самосознания становится не просто академической задачей, но и насущной потребностью для каждого, кто стремится к целостности и гармонии в этом сложном мире.

Если же обратиться к искусственному интеллекту, то здесь мы сталкиваемся с совершенно иным способом отражения действительности. Искусственный интеллект представляет собой способность компьютера или программы выполнять творческие и мыслительные задачи, которые до этого мог делать только человек. При этом ИИ действует не по принципу простого исполнения команд, а способен выявлять скрытые закономерности в данных и самостоятельно выстраивать логику ответа [3].

Как известно, в ИИ главную роль играют алгоритмы как четкий набор пошаговых инструкций, выполнив которые компьютер решает поставленную задачу и приходит к результату. Алгоритмы служат «мышцами» и «мозгом» всех систем ИИ. По своей сути, алгоритмы – это математические инструкции, указывающие компьютеру, как обрабатывать данные, искать в них закономерности, обучаться на основе опыта и принимать решение. Важным способом, инструментом ИИ служат нейросети, представляющие собой особый тип технологий ИИ, способных адаптироваться и обучаться. Нейросети являются методами машинного обучения, которое является частью искусственного интеллекта. Механизм, связующий ИИ и нейросети, выглядит так: ИИ включает машинное обучение, машинное обучение включает глубокое обучение, а глубокое обучение основывается на нейросетях [4].

В целом же искусственный интеллект представляет собой широкое понятие для любых технологий, которые имитируют разумные действия человека. А нейросеть – это только один из эффективных инструментов для создания ИИ, который работает по принципу мозга человека.

Зададим себе вопрос: как ИИ видит окружающий мир? Ответ общеизвестен. Он получает информацию через сенсоры, камеры, датчики и микрофоны в роботах, данные с серверов. Затем, когда ИИ учится, он вырабатывает внутри себя определенное внутреннее «представление» в виде векторов чисел, которые кодируют объекты, связи и закономерности из данных. Решая конкретные задачи (генерирование текста, диагностика заболевания, предсказание погоды), ИИ не столько отражает объективную истину, сколько строит вероятные модели для данных целей. Кроме того, некоторые современные системы ИИ умеют подстраиваться под новые модели и решения, которые не были изначально заданы.

Результаты и обсуждение

Связь искусственного интеллекта с правом весьма многогранна и включает как фундаментальные правовые вопросы, так и применение технологий в юридической сфере и защиты прав граждан. Связь ИИ и права выступает как постоянное взаимодействие и контакты между технологическим прогрессом и правовой системой. Право не может игнорировать эти технологии и не должно без веских причин тормозить их развитие. Рассматриваемое взаимодействие настоятельно требует, чтобы в этой динамичной сфере были выработаны сбалансированные подходы, которые позволят защитить интересы граждан, обеспечить безопасность и создать условия технологического развития общества.

Направлениями такого взаимодействия, на наш взгляд, могут быть следующие:

1. Влияние права на развитие систем ИИ и технологий. Право формирует рамки для создания, использования и безопасности ИИ.

Общеизвестно, что на сегодняшний день уже в более чем 60 странах приняты национальные стратегии развития искусственного интеллекта.

Например, в России в 2019 г. Указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.¹, в которой обозначены цели, основные задачи, принципы и приоритетные направления развития и использования технологий ИИ в Российской Федерации.

Анализ указанных стратегий, принятых в разных странах, позволяет выявить различные подходы государств к развитию технологий ИИ. В связи с этим, представляется весьма ценным и содержательным исследование, которое выполнили Камолов С.Г., Варос А.А., Крибиц А., Алашкевич М.Ю. [5]. Авторы обнаружили причины различных подходов государств к развитию технологий ИИ и представили оценку среднесрочных перспектив развития национальных стратегических программ в мире.

2. Право регулирует вопросы безопасности и рисков. Автономные системы могут принимать такие решения, которые влияют на права и свободы граждан.

3. Право устанавливает экспериментальные правовые режимы. В РФ принят и действует закон, который позволяет тестировать решение ИИ в особых условиях².

4. Право обеспечивает защиту данных. Законы ограничивают сбор данных и обязывают разработчиков удалять персональную информацию из обучающих систем.

5. Право защищает человека от алгоритмической дискриминации путем установки регуляторных ограничений на системы, которые принимают решения, так называемый запрет на предвзятость.

6. Право закрепляет требования по маркировке получаемого ИИ контента, защищает общество от возможной дезинформации.

7. Право обеспечивает использование ИИ в качестве инструмента для юристов, прежде всего, практиков.

Искусственный интеллект, открывая новые возможности, в то же время создает серьезные вызовы для правовой системы, основные из которых, на наш взгляд, можно свести к следующему:

- возможная выдача предвзятых дискриминационных решений, так как алгоритмы машинного обучения обучаются на массивах исторических данных, которые могут содержать социальные перекося, необъективные данные;

- возможные нарушения права на неприкосновенность частной жизни, так как сбор и обработка персональных данных при обучении ИИ допускают утечку личной информации;

- создание возможных проблем с авторскими правами, так как существуют сложности регулирования произведений, произведенными автономным ИИ;

- возможные риски в юридической деятельности, так как использование ИИ в юриспруденции сопряжено с серьезными рисками. Например, неправильная интерпретация правовых норм, «галлюцинации» нейросетей, когда генерируются недостоверные факты или несуществующие судебные акты;

- возможные сложности с распределением ответственности, так как с одной стороны отсутствуют четкие правовые нормы, а с другой – существует сложность установления причинно-следственных связей при определении вреда, наступившего от работы ИИ. Отметим, что данная проблема в силу ее многогранности широко исследуется учеными в ряде научных публикаций. Так, в качестве примера можно привести, на наш взгляд, значимые исследования Апостоловой Н.Н. [6], Балалаевой Ю.С. [7], Василевской Л.Ю. [8], Мельниковой Е.Н. [9], Никитенко С. В. [10].

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/72838946/>

² Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // <https://base.garant.ru/74451176/>

- возникновение возможных проблем прозрачности («черный ящик»), когда человеку порой сложно понять результат принятого решения. Если процесс непрозрачен, то нарушается право гражданина, например, на справедливое разбирательство;

- возможное негативное влияние на профессиональную этику, так как применения ИИ меняют существующие практики. Например, когда ИИ генерирует типовые шаблоны, это может привести к снижению гибкой оценки нюансов конкретного дела;

- возможные сложности с оценочными юридическими понятиями. В праве употребляются гибкие формулировки («малозначительность», «уважительные причины» и т.д.) с подтекстом и контекстуальным пониманием которых, ИИ пока еще плохо справляется;

- возможны случаи и проявления дегуманизации права, так как чрезмерная алгоритмизация может приводить к ситуациям, когда машина будет подменять человека в принятии решений, где возможна моральная оценка;

- возможны случаи злоупотреблений технологиями, когда ИИ используется во вред человеку. Например, создание дипфейков, кибератаки и т.д.

Кроме того, ИИ несет целый ряд рисков для правового сознания общества, которые, на наш взгляд, можно свести к следующим позициям:

- создание у людей ложных представлений, что технологии знают все и могут решать любые задачи, а это ведет к иллюзии всезнания и пренебрежительному отношению к законам;

- общее снижение доверия к праву, когда при решении сложных юридических вопросов алгоритмы ИИ допускают ошибки. У людей могут возникать сомнения в справедливости правовой системы государства;

- алгоритмы ИИ могут целенаправленно воздействовать на поведение человека, подталкивая его к определенным решениям, ставя под угрозу личную автономию и манипулируя его действиями;

- появляющееся размывание границ между правом и этикой в процессе, когда ИИ принимает решения в различных сферах – госуправлении, правосудии, медицине, где затрагиваются права человека, и где стираются грани между представлениями о справедливости и ответственности;

- возникающая депрофессионализация юридической помощи, когда ИИ, с одной стороны, упрощает доступ к праву, но одновременно создает риски снижения качества юридических консультаций, снижение роли юриста как независимого эксперта;

- существующая сложность в понимании ИИ и контроля за его решениями. Внутренние процессы ИИ сложны для интерпретации, человек не всегда может понять его решения.

Необходимо подчеркнуть, что в эпоху цифровизации, искусственного интеллекта и робототехники право и правовое сознание прямо сталкиваются с новыми вызовами и требуют своей адаптации к быстро изменяющимся условиям. Конечно же, развитие ИИ открывает перед обществом новые возможности, но и ставит перед людьми задачи по обеспечению справедливости, безопасности и прав граждан в условиях цифровизации общества. Все эти процессы требуют разработки новых прав и свобод граждан. Причем, речь в основном идет не о появлении отдельной категории прав граждан, а о расширении уже существующих, но в цифровой среде.

В свете вышесказанного отметим, что в 2019 г. федеральным законом закреплены цифровые права граждан РФ, которые вошли в ст. 141.1 ГК РФ¹. «Цифровыми правами признаются ... обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100012.

установленным законом признакам¹. К таким правам относятся: позитивные (цифровые финансовые активы – ЦФА, утилитарные цифровые права – УЦП, гибридные цифровые права – ГЦП) и Естественные (личные неимущественные) права – право на доступ (свобода подключения к Интернету и получения информации), право на приватность (защита персональных данных); право на самовыражение (создание, публикацию и распространение цифрового контента).

По нашему мнению, защита граждан от ИИ требует закрепления, обеспечения и охраны таких прав граждан РФ, как:

1. Право граждан на информацию об использовании ИИ, когда решения, затрагивающие его права, принимаются не человеком, а алгоритмом.

2. Право граждан на получение услуг без использования ИИ, а в обычном, стандартном, ручном режиме.

3. Право граждан на компенсацию вреда, наступившего от неправомерного использования ИИ.

4. Право граждан на обжалование в досудебном порядке решений, которые приняты с помощью ИИ.

5. Право граждан на прозрачность, ясность и объяснимость решений алгоритма (ИИ).

6. Право граждан на защиту от возможной алгоритмической предвзятости к ним.

7. Право граждан на маркировку получаемого с помощью алгоритма контента, чтобы они ясно представляли весь процесс решения вопроса.

8. Право граждан на защиту персональных данных при использовании ИИ.

Требуют своей разработки и такие две группы интеллектуальных прав граждан, как интеллектуальные права на различные технологии ИИ и интеллектуальные права на произведения, которые создаются самим ИИ. Причем, надо иметь в виду, что существуют совершенно различные технологии ИИ – робототехническая машина, программа для ЭВМ, инновационный алгоритм, для которых, как для объектов интеллектуальных прав, существуют разные режимы защиты.

Следует, на наш взгляд, предусмотреть и закрепить еще три группы прав. Это права разработчика (создателя) на модель ИИ. В эту группу прав должны быть включены такие права, как право на интеллектуальную собственность; право на доступ к данным, на которых обучалась модель, если это необходимо для улучшения модели и проверки ее безопасности; право на документацию, в которой есть чертежи, расчеты, указания на возможные риски и ограничения моделей ИИ.

Вторая группа прав должна относиться к правам оператора, запускающего и эксплуатирующего систему. В эту группу должны входить право на управление эксплуатацией моделью ИИ; право на информацию, которое заключается в предоставлении пользователям сведений о функционировании системы; право на контроль и безопасность, заключающиеся в обязанности оператора не допускать использование системы в противозаконных целях; право на взаимодействие с другими участниками процесса.

Третья группа прав относится к правам владельца сервиса ИИ. К ним должны быть отнесены: право на включение в пользовательское соглашение на основе договоренностей условий о том, кому принадлежат права на итоговый материал – сохраняется за ним, разработчиком моделей или пользователем; право на принятие мер, чтобы сервис не использовался в противоправных целях; право на информирование пользователей о том, что они взаимодействуют с ИИ; право на маркировку контента, который создан системой ИИ (аудио, видео, и т.д.).

Отметим, что указанные проблемы разработки интеллектуальных прав получили широкое освещение в ряде научных исследований. Выделим работы: Борисовой Л.В. [11],

¹ "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). Статья 141.1. Цифровые права // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/

которая в своей статье рассмотрела основные подходы к определению правового режима созданных искусственным интеллектом произведений в отечественной юридической доктрине и зарубежном законодательстве; Каштановой П.А. [12], основной целью которой послужил поиск наиболее благоприятного режима защиты произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в РФ.

В свете рассматриваемой проблематики представляет также интерес, на наш взгляд, научное исследование Гурко А.В. [13], в задачи которого входили: обобщение существующих подходов к решению вопроса правовой охраны генерируемых системами искусственного интеллекта объектов, выявление их недостатков, определение наличия или отсутствия элементов творчества человека в работе с системами искусственного интеллекта, а также автор в своем исследовании решает задачу поиска оптимального режима охраны генерируемых системами искусственного интеллекта объектов. В завершение своей работы автор формулирует ряд выводов, среди которых отметим такой: «...считаем возможным выделить четыре элемента творчества в работе человека с системами ИИ: целеполагание; подготовка материалов для обработки системой ИИ в процессе генерации нового объекта; формулировка и настройка запроса; обработка полученного результата. Это означает признание охраноспособности в соответствии с гл. 70 ГК РФ объектов, генерируемых системами ИИ. Автором следует признавать лицо, которое осуществило указанные выше действия творческого характера. Поскольку к ним относится в том числе целеполагание, таким лицом следует считать пользователя системы ИИ, инициировавшего создание объекта» [13, с. 75].

На наш взгляд, отдельной важной проблемой в рассматриваемой области является изучение и всесторонний учет зарубежного опыта правового регулирования искусственного интеллекта.

В настоящее время в мировой практике можно выделить четыре подхода к такому регулированию, которые отличаются уровнем вмешательства государства и выделяемыми приоритетами.

Первый подход – это адаптивный и отраслевой подход, который существует в Китае. Суть его состоит в жестком и поэтапном регулировании ИИ.

Основные черты, отличающие китайский подход к регулированию искусственного интеллекта, были обстоятельно охарактеризованы в исследовании Филиповой И.А.: «... 1) оперативность регулирования (быстрое реагирование на технологические вызовы, когда создается документ, включающий некоторые общие принципы, позволяющие понять разработчикам, инвесторам и пользователям, как относиться к соответствующей технологии); 2) итеративность регулирования (государственные органы принимают акт, «проверяют» его на практике, через некоторое время принимают новый акт либо новую версию прежнего акта в зависимости от полученных результатов, постепенно конкретизируя правила); 3) секторальность регулирования (отсутствует закон, охватывающий нормы, комплексно регулирующие всю сферу, для решения разных проблем в сфере искусственного интеллекта принимаются отдельные нормативные правовые акты); 4) идеологический контроль (наличие цензуры, в частности, цензурирование алгоритмов); 5) наличие широких полномочий у органов государственного управления по изданию подзаконных нормативных актов, устанавливающих множество исключений и изъятий из норм права, содержащихся в законах» [14, с. 56].

Второй подход – это инновационный подход в США, где отсутствует единый федеральный закон, а действуют законы отдельных штатов. При этом основной упор делается на деятельность профильных ведомств и добровольные обязательства различных технологических компаний, работа которых должна обеспечивать развитие инноваций и глобальное лидерство США.

Особенности и принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США обстоятельно охарактеризованы в научной работе Шейкина А.Г. [15].

Третий подход – это риск-ориентированный подход, существующий в Европейском союзе. В основе здесь лежит принятый в 2021 году и вступивший в силу в 2024 году Закон Европейского союза об искусственном интеллекте (EU AI Act). Этот закон классифицирует все системы ИИ по уровням риска. Системы с «недопустимым риском» полностью запрещены, а системы высокого риска (прием на работу, образование, медицина) требуют аудита, оценки и контроля. Две последние категории риска – ограниченный риск (требование прозрачности) и минимальный риск (без ограничений).

Обстоятельная характеристика данного Закона с выделением его достоинств и недостатков была проведена в исследовании проф. Овчинникова А.И., который отметил, что принятый «Регламент является базовым законодательным актом, юридическая сила которого превосходит все иные нормативные и доктринальные акты, регулирующие отдельные аспекты ИИ» [16, с. 208].

Четвертый подход – это подход «мягкого права» и гибких режимов, который применяется в Российской Федерации и развивающихся странах. Суть этого подхода состоит в создании экспериментальных правовых режимов (ЭПР) и появлении корпоративных этических кодексов.

В России деятельность в сфере ИИ не регулируется общим единым федеральным законом, а регламентируется отдельными законами, указами, регламентами, экспериментальными правовыми режимами, отраслевыми стандартами (ГОСТами).

Основополагающим стратегическим документом является Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490)¹. Следующим документом является Федеральный проект «Искусственный интеллект»², включенный в национальный проект «Экономика данных» и продленный до 2030 года, который направлен на ускоренное внедрение ИИ-технологий, стимулирование научных исследований и подготовку кадров.

Другим значимым документом является Федеральный закон № 123-ФЗ от 24.04.2020³, который определяет условия эксперимента по внедрению технологии ИИ на территории Москвы. Очень важным документом, регулирующим отношения в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, является Федеральный закон от 26.07.2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴, в котором определены понятийный аппарат, общие принципы регулирования ИИ, полномочия государственных органов.

В связи с тем, что ИИ постоянно обучается и работает с большими массивами данных, значимыми документами в этой области являются Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ и Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных»⁶.

И наконец, следует указать на такой важный документ, как Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который был подписан в 2021 году крупнейшими

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/72838946/>

² <https://национальныепроекты.рф/new-projects/ekonomika-dannykh/iskusstvennyy-intellekt/>

³ Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/

⁴ Федеральный закон от 26.07.2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/53467>.

⁵ Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

⁶ Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

ИТ-компаниями (Яндекс, Сбер и др.)¹. «Кодекс является рекомендательным документом для участников отношений в сфере ИИ (российских и иностранных компаний, государственных структур) и провозглашает принципы ответственности, информационной безопасности, контроля рекурсивного самосовершенствования систем искусственного интеллекта» [17, с. 370-371].

Каково взаимодействие искусственного интеллекта и правового сознания?

Правовое сознание как система знаний, убеждений и установок, определяющее отношение человека к правовой реальности и включающее в себя понимание основных правовых принципов, уважение к закону и осознание своих прав и обязанностей, находится с ИИ в тесной взаимосвязи.

На формирование правового сознания общества ИИ оказывает как положительное, так и отрицательное влияние.

Несомненно, что ИИ способствует более полному и глубокому освоению различных юридических образовательных программ, совершенствованию информационно-поисковых систем, развитию профессионального правосознания юристов-практиков.

Как известно, технологии очень активно проникают в юридическую практику. ИИ служит инструментом автоматизации рутинных задач (анализ судебной практики, прогнозирование исходов дел, генерирование черновиков документов и др.). В этой связи следует отметить, что нейросети могут иногда выдавать ошибки. Поэтому финальную проверку, естественно, должен осуществлять человек.

Перед правосознанием развитие ИИ ставит целый ряд вызовов. Прежде всего речь идет об обеспечении безопасности и правовой защиты данных, которые используются для обучения ИИ. Необходимо создавать механизмы защиты данных от несанкционированного доступа и использования. Далее, необходимо создавать механизм прозрачности, отслеживания и контроля за деятельностью ИИ. Также надо иметь в виду, что развитие ИИ может привести к возникновению новых видов преступлений и правонарушений, которые связаны с использованием искусственного интеллекта.

С другой стороны, ИИ может создавать у людей иллюзию всезнания, что может привести к пренебрежению правовыми знаниями, нормами.

В эпоху развития ИИ появляются новые смыслы в правовом сознании общества. Наверное, следует углублять понимание таких традиционных понятий, как правда, ответственность, справедливость, совесть. Появляется необходимость четкого определения ответственного лица за действия ИИ, обеспечения справедливости между машинами и людьми.

Вполне можно согласиться с Хабриевой Т.Я., которая в своем научном исследовании «Технологические императивы современного мира и право» отметила, что «Задачей современного правоведения является выявление условий для реинтеграции значительных слоев населения в систему позитивного «государственного» права и сужение поля псевдоправовой мифологии, порождаемой надеждами на чудодейственный потенциал новых технологий, якобы способных создать новую парадигму правоотношений. Предстоит критически пересмотреть ценностные ориентиры современного права и, не отрицая нормативно-позитивистского подхода, обратить большее внимание на социальные, нравственные и культурные основания права» [18, с. 10].

В свете вышесказанного отметим, что требует своего переосмысления и правовая доктрина. С развитием ИИ в правовой системе как бы появляется новый третий элемент – платформа. С приходом цифровых платформ и встроенного в них ИИ возникает новая среда, которая сама формирует правила взаимодействия и меняет саму структуру правоотношений. Пока право во многом опирается на классические категории, а платформа

¹ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.) // <https://base.garant.ru/406862712/>

и ИИ не всегда в них хорошо вписываются. Поэтому идея «третьего элемента» – это не просто формальное добавление новой статьи в кодекс, а это осознание того, что появилась новая весьма сложная среда, которая вызывает необходимость своего адаптированного правового подхода.

У искусственного интеллекта не может быть правовой идеологии и правовой психологии в том смысле, в каком эти элементы имеются в сознании человека. Большинство отечественных и зарубежных ученых считают, что искусственный интеллект не обладает сознанием, правоспособностью и дееспособностью. У него нет свободной воли, собственных правовых интересов, способности нести ответственность за свои действия [19–22].

Общеизвестным является тот факт, что недостаток ИИ состоит в том, что он не может, как это делает правовое сознание человека, работать со смыслами, генерируя их. ИИ через текст может воспроизводить смыслы, узнавать их, но генерировать не умеет. При самых широких возможностях для самообучения искусственный интеллект не может и не умеет проводить тонкие сравнения смыслов, что является ключевой функцией правового сознания человека.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в большинстве правовых систем мира искусственный интеллект не является субъектом права. ИИ по своей сути является сложным комплексом технологий. Он не является носителем субъективного опыта или личных интересов в том смысле, в каком они есть у человека. Поэтому большинство юристов считают, что ИИ является только объектом права. Хотя отдельные ученые и выдвигают идею об ИИ как «электронном лице», «цифровой личности» или лице, которое имеет «частичную правоспособность». Все эти идеи требуют осмысления правовым сознанием общества и правовой наукой.

Существующая концепция сильного искусственного интеллекта как гипотетического ИИ, обладающего собственным разумом, самосознанием, способного решать любые интеллектуальные задачи наравне с человеком, конечно же, ставит задачу прогнозирования правового регулирования функционирования такого ИИ. Сильный искусственный интеллект в отличие от существующих сейчас узких программ способен рассуждать, обучаться, планировать и применять знания без предварительных инструкций, обладает высоким уровнем риска для граждан и безопасности государства. Поэтому, на взгляд автора настоящей статьи, следует законодательно закрепить положение о том, что такой сильный ИИ следует рассматривать в качестве объекта правоотношений, обладающего всеми признаками источника повышенной опасности.

Многие изложенные положения показывают, что существует масштабное воздействие технологий ИИ на всю современную отечественную юридическую науку, которое не просто добавляет новые инструменты, но и заставляет переосмысливать суть многих правовых явлений. На наш взгляд, главными направлениями развития юридической науки под влиянием ИИ могут быть обозначены следующие.

Во-первых, пересмотр методологии и изменение методов работы с правом. Актуальность приобретает междисциплинарность, сотрудничество юристов с IT-специалистами, биотехнологами, социологами и т. д. Наблюдается взрывной рост изменения цифровых методов, включающих анализ больших данных. Юридическая наука тесно интегрируется с лингвистикой, информатикой, математическим моделированием. Для проведения анализа различных правовых явлений стали использовать нейросети, например, для обработки естественного языка – NLP при анализе структуры нормативно-правовых актов. Мы видим, что возникла междисциплинарность нового порядка.

Во-вторых, возникновение новых объектов и предметов исследования. Возникли целые направления, в которых право анализируется через призму ИИ – право и технологии, право и большие данные, право и блокчейн, правовое регулирование кибербезопасности. Юристы изучают, например, как алгоритмы влияют на справедливость и права человека.

В-третьих, трансформация правопонимания и пересмотр традиционных правовых категорий. В юридической науке происходит процесс переосмысливания таких фундаментальных категорий, как вина и ответственность, правосубъектность, авторское право. Появление таких новых явлений, как смарт-контракты, дипфейки, криптовалюты, и др. ставят перед учеными задачу адаптировать эти понятия под новую правовую реальность.

В-четвертых, появление новых форматов научных исследований. Возникают специализированные платформы и инструменты. Например, системы, которые помогают быстро искать научную литературу и генерировать краткие резюме по найденным работам.

В-пятых, автоматизация стандартных рутинных задач, таких как поиск нормативных актов, систематизация и резюмирование документов судебной практики, выявление противоречий в правоприменительных решениях.

В-шестых, трансформация юридического образования и юридической подготовки кадров. Вузы повсеместно совершенствуют учебные программы, включая в них модули, которые учат студентов-юристов работать с ИИ-инструментами, формируют у них цифровые компетенции, позволяющие им применять технологии на практике.

Заключение

Проведенный анализ взаимных связей и взаимного влияния ИИ, права и правового сознания показывает, что Российская Федерация, как и другие ведущие державы, стоит перед необходимостью выработки устойчивых и взвешенных методологических решений в области права применительно к алгоритмическим системам.

На наш взгляд, необходимо сосредоточиться на следующих направлениях работы в сфере правового регулирования разработки и использования ИИ.

1. Развитие научной дискуссии по проблеме правового регулирования ИИ. Активное междисциплинарное обсуждение – с участием юристов, специалистов по ИИ, философов, этиков и экспертов в социально-экономических вопросах – позволяет не только формировать новые теоретические подходы (например, по вопросу правосубъектности ИИ или распределению ответственности), но и критически анализировать существующие нормы: выявлять пробелы, коллизии, риски, которые в нормативных текстах либо не прописаны, либо решены недостаточно четко.

2. Внимательное изучение существующего иностранного опыта нормотворческой деятельности в этой сфере. Анализируя зарубежный опыт, мы можем выявить сильные и слабые стороны и предотвратить ошибки в отечественном нормотворчестве в области правового регулирования ИИ.

3. Учитывая, что в развитии ИИ в мире существенную роль играет бизнес и частный сектор, следует активнее привлекать представителей бизнеса в процесс создания различных нормативно-правовых актов и документов, регулирующих процессы создания и развития искусственного интеллекта.

4. Необходима разработка четких стандартов, устанавливающих, что алгоритмы должны быть непредвзятыми, безопасными и исключаящими элементы дискриминации, а человек сохранял за собой финальный контроль над процессом принятия решений.

5. Защита персональных данных граждан – ещё одна зона, требующая активного государственного участия. Государство должно взять на себя защиту персональных данных человека через системы обезличивания данных и установление механизма контроля за утечками информации.

6. Следует провести правовое закрепление положения о том, что ответственность за ущерб, который причиняется алгоритмом ИИ, несет разработчик или оператор. Параллельно нужно определить правовой режим для контента, созданного ИИ: кому он принадлежит, как его защищать и как использовать.

7. Государству необходимо защитить цифровые права граждан, которые должны быть такими же базовыми, как социальные или трудовые. Следует гарантировать цифровые

права граждан РФ, среди которых надо предусмотреть право оставаться на связи, не зависимо от ситуации, быть защищенным и иметь доступ к различным сервисам, не завися от иностранных корпораций.

8. В связи с тем, что ИИ принимает решения автономно, а алгоритм может нарушать закон в пределах от дискриминации до генерации противоправного контента, главной задачей современного общества становится безопасное использование искусственного интеллекта. Государство должно создавать эффективный механизм установления и обеспечения четких юридических рамок для безопасного использования ИИ при поиске равновесия между инновациями и ответственностью. На наш взгляд, такой механизм должен обеспечивать: четкое распределение ответственности, добросовестную прозрачность и информирование, защиту данных и недискриминацию, дополнительные гарантии в тех или иных конкретных сферах, развитие экспериментальных правовых режимов, обеспечение компенсации ущерба от действий искусственного интеллекта.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного можно, на наш взгляд, сделать вывод, что мы являемся свидетелями не просто технологической эволюции, а глубокого системного сдвига в правовой сфере. Право адаптируется и вырабатывает новые подходы к регулированию автономных систем, установлению ответственности и защите прав граждан в условиях алгоритмической обработки информации. Данный процесс идет параллельно, но с развитием технологий и требует постоянного осмысления юридическим сообществом. Под влиянием ИИ право становится более технологичным, но при этом сохраняется острая необходимость в балансе между гуманистическими основами жизни людей и эффективностью новых технологий.

Список источников

1. Артемова, С. Т. К вопросу о проблемах цифровизации профессии юрист / С. Т. Артемова, Е. И. Багaley // Юрист. – 2024. – № 8. – С. 31-35. - <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-8-31-35>. - EDN: GWUEOS.
2. Тулиглович, М. А. Применение искусственного интеллекта в судебной деятельности / М. А. Тулиглович, И. Е. Певцова // Российский судья. – 2025. – № 8. – С. 49-52. - <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-8-49-52>. - EDN: RJPRZP.
3. Заславская, В. Л. Нейрокомпьютерные сети и их применение в современном моделировании / В. Л. Заславская // Учет и контроль. – 2023. – № 1. – С. 2-15. - EDN: POPTAR.
4. Масликов, Т. О. Принципы глубокого обучения и нейросетей / Т. О. Масликов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 114-9. – С. 95-98. - <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2024-397>. - EDN: ESYVIO.
5. Камолов, С. Г. Доминанты национальных стратегий развития искусственного интеллекта в России, Германии и США / С. Г. Камолов, А. А. Варос, А. Крибиц, М. Ю. Алашкевич // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 85-105. - <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-85-105>. - EDN: OQACMW.
6. Апостолова, Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 112-119. - <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-112-119>. - EDN: ZTRFDF.
7. Балалаева, Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения / Ю. С. Балалаева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 10-19. - <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-10-19>. - EDN: YCLZHV.

8. Василевская, Л. Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства / Л. Ю. Василевская // Хозяйство и право. – 2025. – № 7 (582). – С. 3-14. - <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2025-7-3-14>. - EDN: TCLIBS.
9. Мельникова, Е. Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта / Е. Н. Мельникова // Российский юридический журнал. – 2024. – № 4 (157). – С. 80-92. - https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_80. - EDN: ZUBUUU.
10. Никитенко, С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта / С. В. Никитенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 1. – С. 156-174. - <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174>. - EDN: LSGWNU.
11. Борисова, Л. В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 8 (165). – С. 100-113. - <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113>. - EDN: METICA.
12. Каштанова, П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России / П. А. Каштанова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 1 (39). – С. 120-132. - https://doi.org/10.58741/23134852_2023_1_120. - EDN: DVTMJQ.
13. Гурко, А. В. О возможности авторско-правовой охраны объектов, генерируемых системами искусственного интеллекта / А. В. Гурко // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 7. – С. 64-77. - <https://doi.org/10.61205/S160565900027569-9>. - EDN: YPRFJD.
14. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая / И. А. Филипова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 46-73. - <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>. - EDN: AWEFAY.
15. Шейкин, А. Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора / А. Г. Шейкин // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 2. – С. 28-38. - <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.2.3>. - EDN: LZPRWH.
16. Овчинников, А. И. Регламент Евросоюза об искусственном интеллекте: эксперимент в сфере правового регулирования цифровых технологий / А. И. Овчинников // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 207-209.
17. Шляпников, В. В. Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта / В. В. Шляпников // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 2. – С. 365-376. - <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-365-376>. - EDN: IVULYW.
18. Хабриева, Т. Я. Технологические императивы современного мира и право / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 5-12. - <https://doi.org/10.12737/jzsp.2023.001>. - EDN: LZMCVV.
19. Архиереев, Н. В. Искусственный интеллект: мораль и право / Н. В. Архиереев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 2. – С. 94-97. - EDN: XIWHUY.
20. Афанасьев, С. Ф. Об использовании искусственного интеллекта в правовой сфере / С. Ф. Афанасьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1 (52). – С. 263-268. - <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/263-268>. - EDN: AGHRBH.
21. Брянцева, О. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений / О. В. Брянцева, И. И. Брянцев // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 37-50. - <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-3-37-50>. - EDN: BIVTDC.
22. Ивлиев, Г. П. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта / Г. П. Ивлиев, М. А. Егорова // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 6. – С. 32-46. - <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.060>. - EDN: ANAGTU.

References

1. Artemova S.T., Bagaley E.I. On the issue of the digitalization of the legal profession. *Lawyer*. 2024;(8):31–35. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3929-2024-8-31-35. EDN: GWUEOS.
2. Tuliglovich M.A., Pevtsova I.E. Application of artificial intelligence in judicial activity. *Rossiyskiy sudya*. 2025;(8):49–52. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3791-2025-8-49-52. EDN: RJPRZP.
3. Zaslavskaya V.L. Neurocomputer networks and their application in modern modeling. *Uchet i kontrol*. 2023;(1):2–15. (In Russ.). EDN: POPTAR.
4. Maslikov T.O. Principles of deep learning and neural networks. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024;(114-9):95–98. (In Russ.). DOI: 10.18411/trnio-10-2024-397. EDN: ESYVIO.
5. Kamolov S.G., Varos A.A., Kriebitz A., Alashkevich M.Yu. Dominants of national strategies for the development of artificial intelligence in Russia, Germany, and the USA. *Public Administration Issues*. 2022;(2): 85–105. (In Russ.). DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-85-105. EDN: OQACMW.
6. Apostolova N.N. Liability for damage caused by artificial intelligence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(1):112–119. (In Russ.). DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-112-119. EDN: ZTRFDF.
7. Balalaeva Yu.S. The problem of determining subjects of legal responsibility for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(3):10–19. (In Russ.). DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19. EDN: YCLZHV.
8. Vasilevskaya L.Yu. Compensation for damage caused by artificial intelligence: problems and directions of legislative development. *Khozyaystvo i pravo*. 2025;(7):3–14. (In Russ.). DOI: 10.18572/0134-2398-2025-7-3-14. EDN: TCLIBS.
9. Melnikova E.N. The responsibility gap problem for harm caused by the use of artificial intelligence systems and applications. *Russian Juridical Journal*. 2024;(4):80–92. (In Russ.). DOI: 10.34076/20713797_2024_4_80. EDN: ZUBUUU.
10. Nikitenko S.V. Concepts of tort liability for harm caused by artificial intelligence systems. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2023;(1):156–174. (In Russ.). DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-1-156-174. EDN: LSGWNU.
11. Borisova L.V. On the concept of artificial intelligence and the legal regime of works created by it without human creative participation. *Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(8):100–113. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113. EDN: METICA.
12. Kashtanova P.A. Prospects for legal protection of works created using artificial intelligence in Russia. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2023;(1):120–132. (In Russ.). DOI: 10.58741/23134852_2023_1_120. EDN: DVTMJQ.
13. Gurko A.V. On the possibility of copyright protection of objects generated by artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*. 2024;28(7):64–77. (In Russ.). DOI: 10.61205/S160565900027569-9. EDN: YPRFJD.
14. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: China's experience. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(1):46–73. (In Russ.). DOI: 10.21202/jdtl.2024.4. EDN: AWEFAY.
15. Sheikin A.G. Principles of legislative regulation of artificial intelligence in the USA and their impact on the development of the technology sector. *Prologue: Law Journal*. 2024;(2):28–38. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.3. EDN: LZPRWH.
16. Ovchinnikov A.I. The European Union Regulation on artificial intelligence: an experiment in the legal regulation of digital technologies. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2025;(19):207–209. (In Russ.).
17. Shlyapnikov V.V. Some problems of artificial intelligence ethics. *Ideas and Ideals*. 2023;15(2 Pt 2):365–376. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-365-376. EDN: IVULYW.
18. Khabrieva T.Ya. Technological imperatives of the modern world and law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2023;19(1):5–12. (In Russ.). DOI: 10.12737/jzsp.2023.001. EDN: LZMCVV.
19. Arkhiereev N.V. Artificial intelligence: morality and law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2025;(2):94–97. (In Russ.). EDN: XIWHUY.
20. Afanasyev S.F. On the use of artificial intelligence in the legal sphere. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023;(1):263–268. (In Russ.). DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/1/263-268. EDN: AGHRBH.

21. Bryantseva O.V., Bryantsev I.I. The problem of artificial intelligence subjectivity in the system of social relations. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2023;23(3):37–50. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50. EDN: BIVTDC.

22. Ivliev G.P., Egorova M.A. Legal issues of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*. 2022;26(6):32–46. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2022.060. EDN: ANAGTU

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 28.08.2026; принята к публикации 01.09.2026. The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 28.08.2026; accepted for publication 01.09.2026.

Соотношение и разграничение публично-правовых институтов искусственного интеллекта и автоматизированных административных процедур

Сергей Владимирович Иванов

Московский университет "Синергия", г. Москва, Россия.

ivanovsergei5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5953-4530>

Аннотация

Цель. Определить место формирующегося института искусственного интеллекта (далее – ИИ) в системе институтов публичного права и выявить особенности его соотношения с институтом административных процедур применительно к подготовке и принятию ненормативных административных актов органами исполнительной власти и иными субъектами публичной администрации. Предмет исследования сознательно ограничен позитивными административными производствами – разрешительными, регистрационными, сервисными, отдельными контрольно-надзорными процедурами неделиктного характера. Производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство используются как смежный материал для анализа требований мотивированности и проверяемости акта, но не отождествляются с административными процедурами.

Методы. Исследование опирается на общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки – формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный. Формально-юридический метод использован при изучении нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих создание и применение ИИ в публично-правовой сфере. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления российского подхода с подходом Европейского союза как международного объединения, принявшего первый системный акт о регулировании ИИ. Системно-структурный метод позволил определить место института ИИ в системе институтов публичного права.

Результаты. Установлено, что институт ИИ в публичном праве имеет комплексный характер не вследствие простого наличия норм в различных нормативных правовых актах, а вследствие единства регулируемых отношений, специальных понятий, общей гарантийной функции и необходимости межотраслевой координации. Соотношение института ИИ с институтом административных процедур рассмотрено применительно к ненормативным административным актам. Выявлены два типа правовых дефектов. Первый – правовой пробел: отсутствие специальных норм о подготовке такого акта с использованием ИИ и о проверке необоснованности алгоритмического вывода. Второй – правовая коллизия в широком смысле: напряжение между требованием мотивированности акта и технической непрозрачностью отдельных моделей машинного обучения. Проведено разграничение между автоматизированной фиксацией юридически значимых событий (статья 28.6 КоАП РФ) и автоматизированной подготовкой административного решения.

Выводы. Институт ИИ в публичном праве является формирующимся комплексным межотраслевым институтом. Его соотношение с институтом административных процедур требует закрепления двух групп норм: процедурных – об указании факта использования ИИ при подготовке ненормативного административного акта, о требованиях к прозрачности алгоритма, о возможности оспаривания алгоритмического вывода; классификационных – о разграничении допустимых и недопустимых сфер применения ИИ в публично-властной

деятельности с учётом уровня риска. Выводы статьи непосредственно относятся к ненормативным административным актам; вопрос о применении ИИ в ведомственном нормотворчестве требует самостоятельного исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, институт публичного права, административные процедуры, позитивные административные производства, ненормативный административный акт, автоматизированное принятие решений, алгоритмическое регулирование, мотивированность решения, риск-ориентированный подход, комплексный правовой институт.

Для цитирования: Иванов С. В. Соотношение и разграничение публично-правовых институтов искусственного интеллекта и автоматизированных административных процедур // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 25 -39. EDN: FWEZMZ

Original article

Correlation and differentiation of public law institutions of artificial intelligence and automated administrative procedures

Sergey V. Ivanov

Autonomous non-profit organization of higher education Moscow University "Synergy"

ivanovsergei5@yandex.ru

Abstract

Purpose. The purpose of this study is to determine the place of the emerging institute of artificial intelligence (AI) in the system of public law institutes and to identify its correlation with the institute of administrative procedures in relation to the preparation and adoption of individual (non-normative) administrative acts by executive authorities and other public administration bodies. The subject matter is deliberately limited to positive administrative proceedings, including licensing, registration, public service and certain non-delinquency control procedures. Proceedings on administrative offences and administrative litigation are used only as adjacent material for analysing the reasoning and reviewability of an act and are not equated with administrative procedures.

Methods. The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, systematic approach) and specialized legal methods – formal-legal, comparative-legal, systematic-structural. The formal-legal method was used to study the regulatory legal acts of the Russian Federation governing the creation and application of AI in the public law sphere. The comparative-legal method was used to compare the Russian approach with the approach of the European Union as an international association that adopted the first systematic act on AI regulation. The systematic-structural method made it possible to determine the place of the AI institute in the system of public law institutes.

Results. It was established that the AI institute in public law is complex not because AI rules are mechanically dispersed among different legal acts, but because the regulated relations, special concepts, common guarantee function and need for cross-sectoral coordination are unified. The correlation between the AI institute and administrative procedures is analysed in relation to individual administrative acts. Two types of legal defects are identified. The first is a legal gap: the absence of special rules governing the preparation of such an act with the use of AI and the review of the unreasonableness of an algorithmic conclusion. The second is a legal conflict in a broad sense: the tension between the requirement to give reasons for an act and the technical opacity of some machine-learning models. A distinction is made between automated recording of legally significant events (Article 28.6 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation) and automated preparation of an administrative decision.

Conclusions. The AI institute in public law is an emerging complex cross-sectoral institute. Its correlation with administrative procedures requires the consolidation of two groups of rules: procedural rules on indicating the fact of using AI in the preparation of an individual administrative act, on requirements for algorithmic transparency and on the possibility of challenging an algorithmic conclusion; and classification rules distinguishing permissible and impermissible areas

of AI application in public authority activities according to the level of risk. The conclusions directly concern individual administrative acts; the use of AI in departmental rule-making requires separate research.

Keywords: artificial intelligence, public law institution, administrative procedures, positive administrative proceedings, individual administrative act, automated decision-making, algorithmic regulation, reasoning of a decision, risk-based approach, complex legal institution.

For citation: Ivanov, S. V. Correlation and differentiation of public law institutions of artificial intelligence and automated administrative procedures. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3):25-39. (In Russ). EDN: FWEZMZ

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов публичной власти формирует в российском праве новый правовой институт – институт искусственного интеллекта. Этот процесс поставил перед наукой публичного права задачу: определить, каким образом складывающаяся совокупность норм соотносится с уже сложившимися институтами отраслей публичного права.

В общей теории права институт права понимается как обособленная группа юридических норм, регулирующая определённую разновидность общественных отношений [1, с. 397]. Применительно к искусственному интеллекту в российском публичном праве постепенно складывается совокупность норм, регулирующих отношения, которые возникают при разработке, внедрении и использовании технологий ИИ в публично-властной сфере. Эти нормы содержатся в актах различной юридической силы. Если расположить

их по убыванию юридической силы, то речь идёт о:

Конституции Российской Федерации (в части статей 2, 19, 23, 24, 46, а также введённых поправками 2020 года положений об информационных технологиях¹;

Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях²;

Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации³;

Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴;

Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...»⁵;

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁵ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹;

Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ²;

Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа от 15 февраля 2024 г. № 124)³;

Указе Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 о Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта⁴;

Национальном стандарте ГОСТ Р 71476-20245 и иных стандартах Технического комитета по стандартизации № 164.

Указанные нормы относятся к предметам регулирования различных отраслей публичного права – конституционного, административного, информационного, что указывает на комплексный характер формирующегося института.

Актуальность соотнесения института ИИ с институтами публичного права связана с тем, что внедрение алгоритмических технологий в публично-властную деятельность затрагивает сущностные характеристики этих институтов. При этом предмет исследования нуждается в специальном ограничении. В настоящей работе административные процедуры рассматриваются в строгом смысле – как внесудебный порядок осуществления публичной администрацией позитивных полномочий, завершающийся подготовкой или принятием ненормативного административного акта либо совершением юридически значимого административного действия. Ведомственное нормотворчество, производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство не включаются в предмет исследования как самостоятельные разновидности административных процедур; они привлекаются лишь постольку, поскольку позволяют выявить пределы автоматизации, требования мотивированности и механизмы последующего контроля.

Во-первых, именно позитивные административные процедуры оформляют повседневную реализацию полномочий органов исполнительной власти в отношении граждан и организаций: предоставление государственных и муниципальных услуг, разрешительные, регистрационные, лицензионные процедуры, отдельные неделиктные этапы контрольно-надзорной деятельности. В этих процедурах внедрение ИИ способно непосредственно влиять на содержание индивидуального административного решения. Во-вторых, пограничным материалом для исследования выступает автоматическая фиксация административных правонарушений: российский правопорядок допуская автоматическое выявление события (статья 28.6 КоАП РФ⁶), одновременно ограничивает принятие юридически

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

² Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

значимого решения исключительно автоматизированными средствами (статья 16 Федерального закона «О персональных данных»¹). Данный пример используется не для включения всего производства по делу об административном правонарушении в административные процедуры, а для разграничения автоматизированного выявления факта и автоматизированного принятия властного решения.

В-третьих, в институте административных процедур наиболее ясно видно расхождение между темпом технологического развития и темпом адаптации правового регулирования: технологии внедряются, а процедурные нормы, обеспечивающие их применение, отстают. Подобный разрыв характерен, по наблюдению И.А. Филиповой, для российской модели регулирования ИИ в целом, которую автор обозначает как «стимулирующую» [2].

Степень научной разработанности темы. Фундаментальные вопросы правового регулирования ИИ в российской науке разрабатывались в нескольких направлениях. И.В. Понкин и А.И. Редькина предложили определение ИИ как «искусственной сложной кибернетической системы» и систематизировали подходы к его правовому положению [3]. И.А. Филипова подготовила учебник «Правовое регулирование искусственного интеллекта», включающий специальную тему, посвящённую ИИ и публичному праву [2]. О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин в монографии «Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам» рассмотрели широкий круг правовых проблем ИИ, в том числе применительно к публичной сфере [4]. Э.В. Талапина одной из первых в российской юридической литературе поставила вопрос об алгоритмах как предмете административно-правового регулирования [5] и рассмотрела возможности использования ИИ для правовых экспертиз в государственном управлении [6]. Вместе с тем системное соотнесение формирующегося института ИИ с институтом административных процедур, с выявлением характера связей между ними, пробелов и коллизий, в отечественной науке до настоящего времени не проводилось, что определяет научную новизну настоящей работы.

В зарубежной литературе последних лет акцент смещается с общих вопросов допустимости ИИ к процедурным гарантиям алгоритмического управления. П. Парычек, В. Шмид и А.-С. Новак связывают автоматизацию административных процедур с необходимостью нормативно закреплённых условий применимости ИИ [8]; Н. Фрост рассматривает алгоритмическое принятие решений как проблему публичности и объяснимости административного усмотрения [9]; О. Мир оценивает Акт ЕС об искусственном интеллекте именно через инструменты административного права [10]; О. Батлер показывает, что делегирование алгоритмической системе меняет распределение ответственности внутри государственного аппарата [11]. Эти работы подтверждают актуальность рассмотрения ИИ не как изолированного технологического явления, а как фактора трансформации административных процедур.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, перечисленные выше и расположенные по юридической силе. Из актов регулирующего содержания отдельного внимания заслуживает Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, утверждённый 26 октября 2021 г.²; несмотря на рекомендательный характер, он выполняет регулятивную функцию, задавая стандарты поведения участников соответствующих отношений. Учитывался также проект федерального закона о правовом регулировании ИИ, подготовленный Минцифры России и внесённый в Государственную Думу

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (утверждён Первым международным форумом «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

в 2025 году (законопроект размещён в Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы) ¹.

В качестве сравнительно-правового материала использован Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета, устанавливающий гармонизированные правила об искусственном интеллекте (Акт об искусственном интеллекте) ². Этот акт принят органом международного объединения – Европейского союза – и не является зарубежным актом в узком смысле (актом конкретного государства), равно как не распространяется на территорию Российской Федерации. Использование Регламента в настоящем исследовании ограничено сравнительным аспектом: его подход к риск-ориентированной классификации ИИ-систем анализируется на предмет возможной адаптации в российском праве. Такое ограничение важно подчеркнуть, поскольку прямое цитирование норм европейского акта как источника регулирования российских отношений методологически некорректно.

Теоретическую базу составили доктринальные источники по общей теории права, конституционному и административному праву, а также специальные работы по правовому регулированию ИИ, опубликованные в период 2018–2026 годов.

Результаты

Институт ИИ как формирующийся комплексный институт публичного права

Для выявления особенностей соотношения института ИИ с институтом административных процедур необходимо прежде всего охарактеризовать формирующийся институт как правовое явление. Такое обоснование не может сводиться к перечислению нормативных правовых актов: самостоятельность правового института предполагает предметное единство регулируемых отношений, функциональную связанность норм, наличие специальных юридических понятий и гарантий, а также устойчивую потребность в согласованном развитии соответствующего массива регулирования.

Поэтому нормы формирующегося института ИИ в публичном праве целесообразно классифицировать не только по отраслевой принадлежности, но и по выполняемой функции в общей системе регулирования.

Первую группу образуют нормы-дефиниции. Легальное определение ИИ содержится в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека»³. В 2024 году понятийный аппарат дополнен определениями «больших генеративных моделей» и «больших фундаментальных моделей». Данные нормы имеют межотраслевое значение и применяются в рамках различных отраслей права.

Вторую группу составляют нормы, устанавливающие специальные (в том числе экспериментальные) режимы использования ИИ. Федеральный закон № 123-ФЗ впервые закрепил специальный режим регулирования ИИ на территории города Москвы ⁴; Федеральный

¹ Проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, 2025) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

закон № 258-ФЗ распространил модель экспериментальных правовых режимов на сферу цифровых инноваций в целом¹. Статья 18.1 Федерального закона № 258-ФЗ специально регламентирует случаи причинения вреда при использовании ИИ в рамках экспериментальных правовых режимов. По предмету регулирования данные нормы относятся к административному праву, поскольку регулируют отношения, складывающиеся между органом публичной власти, субъектами экспериментального режима и иными участниками при осуществлении исполнительно-распорядительной деятельности, то есть отношения, составляющие предмет административного права [7, с. 30–34].

Третью группу образуют нормы о защите персональных данных при использовании ИИ. Статья 16 Федерального закона № 152-ФЗ закрепляет, что принятие решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных, порождающих юридические последствия для субъекта или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, допускается только с согласия субъекта; последний вправе возражать против таких решений². Федеральный закон № 233-ФЗ ввёл статью 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ и установил особые правила обработки обезличенных персональных данных при формировании составов данных для ИИ³. Отнесение указанных норм к информационному праву обусловлено тем, что они регулируют отношения по обращению с информацией ограниченного доступа и по использованию информационных технологий – то есть отношения, составляющие предмет информационного права, – хотя непосредственно затрагивают и конституционное право на неприкосновенность частной жизни.

Четвёртую группу образуют программно-стратегические нормы, определяющие цели и приоритеты развития ИИ (Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, целевые показатели к 2030 году), а также технические нормы национальных стандартов (более ста стандартов, разработанных Техническим комитетом по стандартизации № 164).

Пятую группу составляют нормы этического («рекомендательного») регулирования – в первую очередь Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта⁴. Формально они не являются нормами права, однако фактически выполняют регулятивную функцию, задавая стандарты поведения участников соответствующих отношений.

Таким образом, институт ИИ в публичном праве складывается из норм конституционного, административного и информационного права, однако его комплексный межотраслевой характер определяется не механической разрозненностью источников, а тем, что все эти нормы направлены на регулирование единого типа публично значимых отношений – разработки, внедрения и использования ИИ в сфере публичной власти. Как отмечают О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин, существующие нормы разрознены и не образуют целостной системы, что требует специального научного осмысления [4, с. 71–78]. В рамках настоящей работы рассматривается соотношение этого формирующегося института с институтом административных процедур как с наиболее показательным случаем взаимодействия технологического регулирования и процедурных гарантий.

В указанном смысле речь идёт не о самостоятельной отрасли права и не о завершённом кодифицированном образовании, а о формирующемся правовом институте.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (утверждён Первым международным форумом «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» 26 октября 2021 г.). URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

Его институциональная самостоятельность проявляется в четырёх признаках: особом объекте регулирования (алгоритмические системы, используемые в публично-властной сфере); специальном понятийном аппарате (ИИ-система, оператор, пользователь, риск, человеческий надзор); общей гарантийной функции (обеспечение прозрачности, подконтрольности и недискриминационности алгоритмического решения); необходимости согласования норм разных отраслей при регулировании одного технологически обусловленного отношения.

Именно поэтому отнесение норм об ИИ к комплексному институту публичного права не подменяет отраслевую принадлежность отдельных норм. Норма о персональных данных остаётся нормой информационного права, норма об экспериментальном правовом режиме – нормой административного права, а конституционные гарантии частной жизни и судебной защиты сохраняют конституционно-правовую природу. Комплексность возникает на уровне их совместного действия в ситуации, когда публичный субъект использует ИИ для подготовки юридически значимого решения.

Институт ИИ в соотношении с институтом административных процедур

В настоящей работе институт административных процедур понимается как совокупность норм, определяющих внесудебный порядок осуществления публичной администрацией полномочий в отношении граждан и организаций: порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, разрешительные, регистрационные, лицензионные процедуры, отдельные неделиктные этапы контрольно-надзорной деятельности, а также подготовку и принятие ненормативного административного акта [7, с. 310–312]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации² далее рассматриваются не как источники административных процедур в строгом смысле, а как смежные режимы, позволяющие проверить пределы автоматизации, требование мотивированности и судебную проверяемость публичного акта.

Соотношение института ИИ с институтом административных процедур имеет двойственный характер: нормы первого допускают или стимулируют использование ИИ в деятельности органов исполнительной власти, а нормы второго задают процедурную рамку такого использования – требования к мотивированности акта, к раскрытию оснований решения, к возможности его обжалования. Практические предложения настоящей статьи относятся к ненормативным административным актам. Нормативные акты, включая ведомственное нормотворчество как особое нормотворческое производство, не охватываются выводами автоматически и требуют самостоятельной постановки вопроса.

Наиболее распространённый в российской практике пограничный случай использования автоматизированных средств в деятельности органов публичной власти – фиксация административных правонарушений специальными техническими средствами в соответствии с частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ³. Этот пример не следует квалифицировать как административную процедуру в строгом смысле и тем более как «автоматизированное принятие административного решения»; его значение для настоящей работы состоит в разграничении автоматизированного выявления факта и принятия властного решения.

Средства автоматической фиксации фиксируют юридически значимое событие (факт правонарушения), а также формируют материалы, подтверждающие это событие. Постановление по делу об административном правонарушении выносит уполномоченное долж-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

ностное лицо компетентного органа, которое и несёт ответственность за содержание постановления. Таким образом, здесь имеет место автоматизация не властной деятельности в целом, а лишь отдельной операции – сбора и первичной обработки доказательственной информации. Властное решение (постановление) остаётся за субъектом публичной администрации. Использование термина «делегирование властных полномочий» применительно к этой ситуации некорректно: полномочие не передаётся алгоритму, меняется лишь способ получения фактических данных, на которых полномочие реализуется.

От этой ситуации следует отличать случаи, когда ИИ используется непосредственно для подготовки проекта административного акта либо для выработки рекомендации, на которую должностное лицо ориентируется при принятии решения. Именно эти случаи порождают наиболее острые проблемы соотношения с институтом административных процедур: возникает вопрос, сохраняется ли самостоятельное усмотрение должностного лица, если оно воспроизводит вывод, предложенный алгоритмом.

Такое различие согласуется с выделяемыми в современной литературе уровнями автоматизации административных процедур – от вспомогательных систем до полной автоматизации [8]. Вопрос об ответственности должностного лица при следовании алгоритмической рекомендации должен рассматриваться сквозь призму недопустимости фактического делегирования властного усмотрения ИИ-системе [11].

Крайний случай – принятие решения на основании исключительно автоматизированной обработки данных – прямо ограничен частью 1 статьи 16 Федерального закона № 152-ФЗ¹. Норма допускает такое решение только при наличии согласия субъекта и предоставляет ему право возражения. В публично-правовой сфере действие этой нормы означает общий запрет на автоматическое принятие решений, порождающих юридические последствия для гражданина, без участия человека и без процедурных гарантий.

Институт административных процедур содержит требование мотивированности ненормативного административного акта. В позитивных административных процедурах оно выражается в обязанности публичной администрации раскрыть фактические и правовые основания индивидуального решения; в смежном деликтном производстве аналогичный ориентир проявляется, в частности, в статье 29.10 КоАП РФ, требующей указания обстоятельств, установленных при рассмотрении дела, и мотивированного обоснования принятого решения².

Нормы института ИИ, допускающие применение алгоритмических средств, прямо вступают в противоречие с этим требованием в случаях, когда алгоритм основан на методах машинного обучения. Для таких систем характерен феномен, устойчиво именуемый в литературе «чёрным ящиком»: формально-математический переход от входных данных к выходному результату не поддаётся содержательной реконструкции в терминах правовых оснований. Это означает, что при использовании подобной системы в подготовке административного акта требование мотивированности либо формально соблюдается без реального раскрытия логики, либо не может быть выполнено по технологическим причинам [5].

В этом отношении проблема мотивированности связана не только с технической объяснимостью, но и с публичностью административного решения: если основания решения не могут быть представлены адресату и суду в правовой форме, решение утрачивает качество проверяемого публичного акта [9].

Указанное противоречие следует рассматривать как коллизию в широком смысле, а отсутствие специальных процедурных правил – как пробел регулирования. Разграничение этих дефектов важно методологически: пробелы могут временно преодолеваются правоприменением через аналогию, общие принципы и доктринальное толкование, но устраняются

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

они посредством принятия или изменения норм; коллизии могут преодолеваются правилами иерархии, соотношения общей и специальной нормы, темпорального приоритета и предмета регулирования, но окончательно устраняются согласованием или корректировкой конкурирующих нормативных предписаний.

За пределами специальных случаев автоматизированной фиксации и экспериментальных цифровых режимов российское законодательство не содержит специальных норм о порядке подготовки ненормативного административного акта с использованием ИИ. В частности, не установлены:

- требования к предварительной проверке алгоритма перед его внедрением в публично-властную деятельность (аналог оценки воздействия на права граждан);
- обязанность органа указывать в административном акте факт использования ИИ при его подготовке, а также характер такого использования (вспомогательное/рекомендательное);

- специальные требования к хранению и предоставлению по запросу субъекта сведений о параметрах алгоритма, обеспечивающих возможность проверки обоснованности акта.

О.А. Ижаев, Д.Л. Кутейников и С.С. Зенин обоснованно указывают на потребность в разработке «специальных правовых механизмов», обеспечивающих прозрачность и подконтрольность алгоритмических решений [4, с. 123–127]. Эта позиция нуждается в конкретизации применительно к административным процедурам: необходимо законодательное закрепление требования о том, что ненормативный административный акт, подготовленный с использованием ИИ, содержит указание на применение алгоритмических технологий, а заинтересованному лицу обеспечивается возможность оспаривать акт по мотиву необоснованности алгоритмического вывода.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации не является источником административных процедур в строгом смысле, поскольку регулирует судебный порядок проверки публичных актов. Однако глава 22 КАС РФ формально распространяется на оспаривание актов, подготовленных с использованием ИИ, поскольку правовая природа акта не меняется от способа его подготовки¹. Вместе с тем существующее процессуальное регулирование не учитывает технологической специфики таких актов.

Во-первых, отсутствует специальное основание обжалования – необоснованность алгоритмического вывода. Заинтересованное лицо вынуждено обосновывать незаконность акта в общих категориях (несоответствие материалам дела, нарушение норм материального или процессуального права), что применительно к алгоритмическим решениям затруднено технически: истец не располагает сведениями о параметрах алгоритма и не может доказать дефект его работы. Во-вторых, отсутствует обязанность ответчика раскрыть характеристики использованной ИИ-системы в пределах, необходимых для проверки обоснованности акта. В результате судебный контроль превращается в контроль за формальным соблюдением процедуры, тогда как содержательная проверка оказывается невозможной. В-третьих, не установлены специальные последствия для ситуации, когда суд установит, что алгоритм был ненадёжным или что его применение было недопустимо в конкретном типе дел. Общие правила отмены акта здесь работают, однако вопрос о системных мерах – запрете дальнейшего применения такой системы, проверке иных актов, с её использованием, – процессуальными нормами не решается.

Регламент (ЕС) 2024/1689² как акт международного объединения не распространяется на территорию Российской Федерации, однако его концептуальные решения заслуживают сравнительного анализа. Регламент классифицирует ИИ-системы по четырём уровням

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с последующими изменениями) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

риска; к «высокорисковым» отнесены, в числе прочих, системы, применяемые органами публичной власти для принятия решений, затрагивающих права и свободы граждан (Приложение III к Регламенту). Для таких систем установлены повышенные требования к прозрачности, документированию, человеческому надзору.

Как отмечает О. Мир, Акт ЕС об ИИ не формирует специальный самостоятельный режим автоматизированной административной деятельности, однако вводит набор требований, значимых именно для публичных органов, использующих ИИ-системы [10].

Применимость подобного подхода в российском праве ограничена двумя соображениями. Первое: Регламент – это акт, принятый органами Европейского союза, членом которого Россия не является; прямое заимствование норм методологически некорректно. Второе: российская правовая система исходит из иной модели регулирования ИИ – стимулирующей, а не ограничительной [2]. Вместе с тем сама идея риск-ориентированной классификации ИИ-систем в публично-правовой сфере представляется пригодной для адаптации в российском праве. Её реализация позволила бы дифференцировать процедурные требования к административным актам в зависимости от уровня риска применяемой системы.

Подготовленный Минцифры России проект федерального закона о правовом регулировании ИИ, размещённый в Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы, предусматривает, по имеющимся в пояснительных материалах данным, введение классификации ИИ-систем по уровням риска, требований к маркировке контента, создаваемого ИИ, а также распределение ответственности между разработчиком, оператором и пользователем. Принятие этого акта потенциально устраняет часть выявленного пробела, однако в самом проекте содержатся преимущественно общие положения; процедурная составляющая – порядок подготовки ненормативного административного акта с использованием ИИ, раскрытие факта такого использования и порядок проверки алгоритмического вывода – требует отдельного закрепления в законодательстве об административных процедурах, государственных услугах, контроле (надзоре), а также в нормах о судебном оспаривании публичных актов.

На институциональном уровне развитие регулирования обеспечивается Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116, образовавшим Комиссию при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта¹. Комиссия наделена функциями координации государственной политики в области создания, развития и внедрения ИИ, что создаёт инфраструктуру для выработки согласованных нормативных решений.

Проведённый анализ позволяет сформулировать три направления совершенствования соотношения норм института ИИ с нормами института административных процедур.

Первое направление – процедурное. Целесообразно закрепить в общем законодательстве об административных процедурах (в перспективе – в законе об административных процедурах либо в специальных законах о государственных услугах, разрешительных и регистрационных процедурах, контроле и надзоре) обязанность указывать в ненормативном административном акте факт использования ИИ при его подготовке, а также характер использования (вспомогательное, рекомендательное, иное). Подобное указание – предпосылка для эффективного обжалования акта и для оценки его мотивированности.

Второе направление – процессуальное. В нормах о судебном оспаривании публичных актов, прежде всего в главе 22 КАС РФ, целесообразно закрепить специальный процессуальный механизм проверки алгоритмического вывода, на котором основан ненормативный административный акт. Для смежного деликтного производства аналогичная гарантия может быть учтена в правилах пересмотра постановлений по делам об административных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

правонарушениях. Одновременно необходимо установить обязанность ответчика раскрывать характеристики применённой ИИ-системы в пределах, необходимых для судебной проверки.

Третье направление – классификационное. Опираясь на адаптированный риск-ориентированный подход, целесообразно в рамках разрабатываемого федерального закона об ИИ выделить категории ИИ-систем с повышенными требованиями при использовании в публично-властной деятельности. К таким системам следует отнести системы, применяемые при подготовке ненормативных административных актов, затрагивающих права и свободы граждан. Для них могут быть установлены требования о предварительном аудите, документировании, обеспечении человеческого надзора.

Эти предложения направлены на преодоление и последующее устранение выявленного пробела, а также на преодоление и нормативное снятие коллизии между требованием мотивированности административного акта и технологической непрозрачностью алгоритмического вывода. Они не требуют пересмотра базовых институтов публичного права, а встраиваются в существующую структуру административных процедур применительно к ненормативным административным актам.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет обозначить ряд закономерностей, характеризующих соотношение института ИИ с институтом административных процедур.

Первая закономерность – существование универсального процедурного ограничителя в виде требования участия человека в принятии юридически значимых решений. В институте административных процедур это требование проявляется при подготовке и принятии ненормативного административного акта: алгоритм может участвовать в сборе данных, их первичной обработке или подготовке рекомендации, но итоговое властное решение должно оставаться за компетентным должностным лицом. В информационном праве тот же предел выражен в статье 16 Федерального закона № 152-ФЗ, устанавливающей правило об исключительно автоматизированных решениях. В смежном деликтном производстве он проявляется в ответственности должностного лица за вынесенное постановление. Этот вывод согласуется с современной дискуссией о пределах автоматизации административных процедур: техническая возможность автоматического вывода сама по себе не устраняет необходимости человеческого надзора, документирования и сохранения ответственности публичного субъекта [8; 11].

Вторая закономерность – опережающее развитие норм института ИИ по сравнению с процедурными нормами института административных процедур. Экспериментальные правовые режимы, программные документы, технические стандарты формируют правовое поле для применения ИИ, но не предусматривают достаточных процедурных гарантий для граждан и организаций, в отношении которых готовится или принимается ненормативный административный акт. Этот разрыв согласуется с характеристикой российской модели как «стимулирующего регулирования» [2], при котором развитие технологий опережает выстраивание правовых рамок. Для соотношения институтов это означает, что пробелы в административных процедурах не восполняются автоматически нормами института ИИ: требуется специальное процедурное законодательство.

Третья закономерность – комплексный характер института ИИ обуславливает потребность в координации нормотворческой деятельности по нескольким направлениям. Нормы о защите персональных данных при использовании ИИ (относящиеся к информационному праву) одновременно затрагивают административные процедуры, если данные обрабатываются при подготовке индивидуального публичного решения, и конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Соответственно, развитие одного элемента института ИИ требует согласованных изменений в смежных институтах, а не изолированного дополнения отдельных нормативных актов.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что Регламент (ЕС) 2024/1689¹ представляет собой первую попытку системного разрешения описанных дефектов за счёт риск-ориентированной классификации. Этот подход не может быть прямо перенесён в российское право: речь идёт об акте международного объединения, не распространяющемся на Россию, а также об ином типе регулирования (ограничительном против стимулирующего). Однако концептуальная идея дифференциации требований в зависимости от уровня риска применима в условиях российского правопорядка и согласуется с общей логикой институционального развития, закреплённой в Указе Президента Российской Федерации № 116² и в разрабатываемом проекте федерального закона об ИИ³.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт ИИ в публичном праве представляет собой формирующийся комплексный межотраслевой институт, объединяющий нормы конституционного, административного и информационного права. Его комплексный характер обусловлен не простым перечнем нормативных актов, а предметным единством регулируемых отношений, специальным понятийным аппаратом, общей гарантийной функцией и необходимостью координации норм, применяемых при использовании ИИ в публично-властной сфере.

Во-вторых, соотношение института ИИ с институтом административных процедур применительно к ненормативным административным актам характеризуется двумя типами правовых дефектов. Первый – правовой пробел: отсутствие специальных норм, регулирующих подготовку такого акта с использованием ИИ, а также процедуру проверки обоснованности алгоритмического вывода. Второй – правовая коллизия в широком смысле: противоречие между требованием мотивированности административного акта и технической непрозрачностью отдельных алгоритмов машинного обучения. Пробелы могут преодолеваются правоприменением и устраняться нормотворчеством; коллизии могут преодолеваются правилами их разрешения и устраняться согласованием нормативных предписаний.

В-третьих, обосновано разграничение между автоматизированной фиксацией юридически значимых событий (статья 28.6 КоАП РФ) и автоматизированной подготовкой административного решения. В первом случае автоматизируется лишь отдельная операция – сбор и первичная обработка доказательственной информации, тогда как властное решение выносит должностное лицо; поэтому производство по делу об административном правонарушении не должно без оговорок использоваться как пример административной процедуры. Во втором случае – при использовании ИИ для подготовки проекта ненормативного административного акта либо выработки рекомендации – возникают самостоятельные проблемы, требующие специального правового регулирования.

В-четвёртых, сформулированы три направления совершенствования регулирования применительно к ненормативным административным актам. Процедурное: закрепление обязанности указывать в акте факт использования ИИ при его подготовке. Процессуальное: введение механизма проверки обоснованности алгоритмического вывода с обязанностью ответчика раскрывать характеристики применённой системы в пределах, необходимых для судебного контроля. Классификационное: адаптация риск-ориентированного подхода

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 12.07.2024.

² Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Проект федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, 2025) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

для выделения категорий ИИ-систем с повышенными требованиями при использовании в публично-властной деятельности. Вопрос о нормативных актах, включая ведомственное нормотворчество, должен рассматриваться отдельно.

В-пятых, в качестве общего ограничителя развития института ИИ в публично-правовой сфере выступает требование участия человека в принятии юридически значимых решений. Оно закреплено в статье 16 Федерального закона № 152-ФЗ, проявляется в позитивных административных процедурах как требование ответственного должностного решения и в смежном деликтном производстве как ответственность должностного лица за вынесенное постановление.

Список литературы

1. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 582 с. – ISBN 978-5-534-12003-5.
2. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие / И. А. Филипова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. – 321 с. – EDN: DFEHIA.
3. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109. – <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109>. – EDN: YVXKVA.
4. Кутейников, Д. Л. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. – Москва: Проспект, 2022. – 104 с. – ISBN 978-5-392-36643-9. – EDN: DWKFSO.
5. Талапина, Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39. – <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.118>. – EDN: DLFNEL.
6. Талапина, Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении / Э. В. Талапина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 865–881. – <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.404>. – EDN: QYVQZD.
7. Попова, Н. Ф. Административное право: учебник для вузов / Н. Ф. Попова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – 297 с. – ISBN 978-5-9916-7087-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. – URL: urait.ru (дата обращения: 23.04.2026).
8. Parycek, P. Artificial Intelligence (AI) and Automation in Administrative Procedures: Potentials, Limitations, and Framework Conditions / P. Parycek, V. Schmid, A.-S. Novak // Journal of the Knowledge Economy. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – P. 8390–8415. – <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01433-3>.
9. Frost, N. The Impoverished Publicness of Algorithmic Decision Making / N. Frost // Oxford Journal of Legal Studies. – 2024. – Vol. 44, No. 4. – P. 780–807. – <https://doi.org/10.1093/ojls/ggae027>.
10. Mir, O. The AI Act from the Perspective of Administrative Law: Much Ado About Nothing? / O. Mir // European Journal of Risk Regulation. – 2025. – Vol. 16, No. 1. – P. 63–75. – <https://doi.org/10.1017/err.2024.54>.
11. Butler, O. Algorithmic Decision-Making, Delegation and the Modern Machinery of Government / O. Butler // Oxford Journal of Legal Studies. – 2025. – Vol. 45, No. 3. – P. 727–752. – <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaf018>.

References

1. Babaev VK, ed. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]: textbook*. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2022. 582 p. ISBN 978-5-534-12003-5. (In Russ.).
2. Filipova I.A. *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta [Legal regulation of artificial intelligence]: textbook*. 3rd ed., rev. and suppl. Nizhny Novgorod: UNN Publ.; 2025. 321 p. EDN: DFEHIA. (In Russ.).
3. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the perspective of law. *RUDN Journal of Law*. 2018;22(1):91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109. EDN: YVXKVA. (In Russ.).
4. Ishaev O.A., Kuteinikov D.L., Zenin S.S., Lebedev V.A. *Iskusstvennyi intellekt i pravo. Ot fundamentalnykh problem k prikladnym zadacham [Artificial intelligence and law. From fundamental problems to applied tasks]: monograph*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. 104 p. ISBN 978-5-392-36643-9. EDN: DWKFSO. (In Russ.).

5. Talapina E.V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights. *Journal of Russian Law*. 2020;(10):25–39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118. EDN: DLFNEL. (In Russ.).
6. Talapina E.V. Artificial intelligence and legal expertise in public administration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021;12(4):865–881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404. EDN: QYVQZD. (In Russ.).
7. Popova N.F. *Administrativnoe pravo [Administrative law]: textbook for universities*. 8th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2026. 297 p. ISBN 978-5-9916-7087-6. Available from: urait.ru. Accessed 2026 Apr 23. (In Russ.).
8. Parycek P., Schmid V., Novak A.-S. Artificial intelligence (AI) and automation in administrative procedures: potentials, limitations, and framework conditions. *Journal of the Knowledge Economy*. 2024;15(2):8390–8415. DOI: 10.1007/s13132-023-01433-3.
9. Frost N. The impoverished publicness of algorithmic decision making. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2024;44(4):780–807. DOI: 10.1093/ojls/ggae027.
10. Mir O. The AI Act from the perspective of administrative law: much ado about nothing? *European Journal of Risk Regulation*. 2025;16(Special Issue 1):63–75. DOI: 10.1017/err.2024.54.
11. Butler O. Algorithmic decision-making, delegation and the modern machinery of government. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2025;45(3):727–752. DOI: 10.1093/ojls/gqaf018

Информация об авторе

С.В. Иванов – аспирант, Московский университет "Синергия".

Information about the author

S.V. Ivanov – postgraduate student, Moscow University «Synergy».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 12.05.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 07.07.2026.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 03.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.

Пределы технической конкретизации принципов права в сфере регулирования искусственного интеллекта

Пантелеймон Андреевич Курочкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
pant_pant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4435-2204>

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена противоречием между абстрактным ценностно-нормативным содержанием принципов права и необходимостью устанавливать проверяемые требования к системам искусственного интеллекта (далее – ИИ). Вопрос о том, в какой мере содержание принципа может быть переведено в технические параметры без его подмены заранее заданным правилом, в теории права остается открытым.

Цель. Определить порядок и пределы технической конкретизации принципов права в регулировании ИИ.

Теоретические основы. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы.

Результаты. Обосновано разграничение материальных принципов, охраняющих права и ценности личности, и принципов-гарантий, обеспечивающих проверяемость и оспоримость алгоритмических решений. Техническая конкретизация представлена как юридически опосредованный перевод отдельных нормативных проекций принципа в требования к данным, процедурам и результатам интеллектуальной системы. Статьи 3 и 64 Трудового кодекса РФ разобраны как случай, где запрет дискриминации расходится с техническим и процессуальным обеспечением алгоритмического отбора персонала. Результаты конкретизации распределены по группам в зависимости от того, насколько они поддаются технической формализации. Пределов конкретизации выделено три: структурно-логический, аксиологический и эпистемико-технологический. Статистическое расхождение результатов между группами дискриминацию не доказывает, но порождает опровержимую презумпцию и обязанность раскрыть критерии отбора. Чтобы компенсировать названные пределы, предложен институциональный механизм. Он перераспределяет бремя доказывания, вводит состязательную проверку экспертных выводов и типовые карты выбора метрик. Часть его элементов допустимо апробировать в экспериментальном правовом режиме, остальные потребуют изменений в трудовом и процессуальном законодательстве.

Выводы. Технической конкретизации подлежит не принцип в полном объеме, а его отдельные нормативные проекции, тогда как окончательная правовая оценка конкурирующих ценностей в юридически значимых решениях должна обеспечиваться содержательным человеческим контролем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, принципы права, формальное равенство, недискриминация, технические стандарты, пределы формализации, человеческий контроль, метрики справедливости, экспериментальные правовые режимы, социально-технические нормы, объяснимость алгоритмов

Для цитирования: Курочкин П. А. Пределы технической конкретизации принципов права в сфере регулирования искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. №3. С. 40 – 54. EDN: XLRBZI

Original article

The limits of technical concretization of legal principles in artificial intelligence regulation

Panteleymon A. Kurochkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
pant_pant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4435-2204>

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the tension between the abstract value-based content of legal principles and the need to establish verifiable requirements for artificial intelligence (AI) systems. The extent to which the content of a principle may be translated into technical parameters without replacing it with a predetermined rule remains an open question in legal theory.

Purpose. To determine the procedure and limits of the technical concretization of legal principles in AI regulation.

Theoretical basis. The methodology combines formal legal, comparative legal, systemic structural and formal logical methods.

Results. The study distinguishes between substantive principles protecting individual rights and values and safeguard principles ensuring the verifiability and contestability of algorithmic decisions. Technical concretization is defined as the legally mediated translation of particular normative projections of a principle into requirements for the data, procedures and outputs of an AI system. Articles 3 and 64 of the Russian Labour Code are used to identify gaps between the prohibition of discrimination and its technical and procedural enforcement in algorithmic recruitment. A typology of the results of concretization according to their degree of technical formalizability is proposed. Structural-logical, axiological and epistemic-technological limits are identified. Statistical disparity between groups is shown to constitute not proof of discrimination but grounds for a rebuttable presumption and a duty to disclose selection criteria. An institutional mechanism is proposed that includes shifting the burden of proof, adversarial examination of expert evidence and model maps for selecting fairness metrics. The article specifies which elements may be tested within experimental legal regimes and which require amendments to labour and procedural legislation.

Conclusions. Technical concretization can cover only particular normative projections of a principle, while the final legal assessment of competing values in legally significant decisions requires meaningful human oversight.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, principles of law, formal equality, non-discrimination, technical standards, limits of formalization, human oversight, fairness metrics, experimental legal regimes, socio-technical norms, algorithmic explainability

For citation: Kurochkin P.A. The Limits of Technical Concretization of Legal Principles in Artificial Intelligence Regulation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(3):40-54. (In Russ). EDN: XLRBZI

Введение

Расширение применения искусственного интеллекта в сферах принятия юридически значимых решений требует определения способов обеспечения действия принципов права на всех этапах создания и использования интеллектуальных систем [1]. Нормативное содержание принципов права выражено на высоком уровне обобщения, тогда как их соблюдение предполагает установление конкретных требований к данным, алгоритмическим процедурам и результатам работы таких систем.

Отсутствие теоретически обоснованного порядка этой конкретизации создает риск декларативности правовых принципов или подмены их содержания формальными техническими показателями. Этим обусловлена актуальность исследования условий, способов и пределов технической конкретизации принципов права в сфере регулирования ИИ.

Используемые в регулировании ИИ источники различаются по юридической силе и способу воздействия. К примеру, Регламент (ЕС) 2024/1689 устанавливает развернутую риск-ориентированную систему запретов, обязанностей, оценки соответствия и надзора, в которой общие ценностные положения сочетаются с непосредственно применимыми правилами¹.

Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года закрепляет преимущественно стратегические и этико-правовые ориентиры². Принятый 26 июля 2026 г. Федеральный закон № 243-ФЗ формирует рамочные начала поддержки и безопасного применения больших фундаментальных моделей ИИ, то есть имеет более узкую предметную сферу, чем регулирование интеллектуальных систем в целом³. При некоторых различиях регулятивных моделей национальные и международные документы опираются на сопоставимый круг правовых ценностей [2].

Принципы права сформулированы как абстрактные ценностные начала, тогда как требования к интеллектуальным системам должны быть проверяемыми и выражаться в определенных характеристиках данных, процедур и результатов. Вопрос о том, до какой степени нормативное содержание принципа поддается переводу в технический параметр без утраты ценностной составляющей, в теории права остается открытым [3].

Возможность полного выражения принципов права в технических требованиях ограничена двумя обстоятельствами. Во-первых, принципы выражаются с помощью оценочных понятий, таких как: равенство, справедливость, достоинство, соразмерность, а их техническая операционализация неизбежно предполагает интерпретационное и ценностное решение. Во-вторых, не всякое содержание принципа может быть исчерпано заранее установленным параметром, так как соотношение конкурирующих ценностей требует оценки обстоятельств конкретного случая.

Цель настоящего исследования состоит в определении порядка и пределов технической конкретизации принципов права в сфере регулирования ИИ. Для ее достижения решаются четыре взаимосвязанные задачи: разграничить материальные принципы и принципы-гарантии правового регулирования ИИ; показать порядок технической конкретизации на примере запрета дискриминации в сфере труда; выявить и систематизировать пределы конкретизации; определить институциональные гарантии, компенсирующие неполноту перевода принципов в технические требования.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что между принципом права и техническим параметром интеллектуальной системы отсутствует непосредственный переход. Формирование проверяемого требования предполагает юридическую интерпретацию принципа, выделение в его содержании положения, допускающего формализацию, закрепление обязанности соответствующего субъекта и определение процедуры проверки.

В отличие от правоприменительной конкретизации, при которой содержание принципа раскрывается с учетом обстоятельств конкретного дела [4; 5], здесь требование формулируется до принятия индивидуального решения. Поэтому необходимо установить, какая часть нормативного содержания принципа может быть выражена в техническом

¹ О гармонизированных правилах в области искусственного интеллекта: Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. // Официальный журнал Европейского союза. 2024. 12 июля. № L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 3 июня 2026 г.).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ (вступает в силу с 1 сентября 2026 г.; отдельные положения — с 1 марта 2027 г.) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 30. Ст. 4089.

параметре, кто и в какой юридической форме вправе его установить и какие правовые последствия влечет несоблюдение сформулированного требования.

Теоретические основы

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы. Формально-юридический метод применен к нормативным актам и техническим стандартам, прежде всего к Регламенту (ЕС) 2024/1689, Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ¹ и принятому Федеральному закону от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российского и европейского подходов к регулированию систем, влияющих на принятие юридически значимых решений в отношении граждан. Сопоставление правил защиты от дискриминации позволило выявить отсутствие в российском праве специального механизма перераспределения бремени доказывания после представления фактов, позволяющих предположить алгоритмическую дискриминацию.

Теоретическую основу исследования образуют две группы источников. Первая включает положения общей теории права о социально-технических нормах [6], конкретизации норм и принципов [4; 5], принципах права [7] и правовых пределах цифровой трансформации [8]. Вторая представлена отечественной доктриной права цифровой среды, в том числе работами о соотношении права и цифровизации [1; 3], национальных подходах к регулированию ИИ [2], концепциях его правового регулирования [9; 10], доверии к прикладным системам [11], балансе инноваций и безопасности [12], праве будущего [13], рисках дискриминации при обработке данных [14] и прозрачности алгоритмов [15].

Теоретическое основание соотношения правового принципа и технического правила образуют положения Л. Лессига о регулятивном воздействии программной архитектуры [16] и подход М. Хильдебрандт к встраиванию юридических гарантий в структуру цифровой системы [17]. Эти положения позволяют рассматривать технические параметры системы как форму реализации отдельных нормативных требований, не отождествляя их с содержанием принципа права. Разработанный Л. Кэлером подход к формированию правовых понятий [18] использован для разграничения нормативного содержания принципов и способов его технической операционализации.

Вывод о том, что принцип недискриминации не сводится к единой метрике, опирается на работы о несовместимости формальных критериев алгоритмической справедливости [19; 20] и о зависимости их применения от социального и институционального контекста [21; 22]. Отсюда же следует аксиологический предел его технической конкретизации.

Порядок технической конкретизации соотносен с исследованиями документирования и проверки интеллектуальных систем. Подходы к паспортизации моделей [23] и наборов данных [24] показывают, какие сведения о назначении системы, качестве данных и распределении ошибок можно зафиксировать в проверяемой форме. Стадии технической конкретизации выделены с опорой на модель внутреннего алгоритмического аудита [25], а условия содержательного человеческого контроля определены по итогам работы о требованиях к человеческому участию в алгоритмическом решении [26]. Концепция проверяемости автоматизированного решения [27] положена в основу выводов о содержании верификационно-процедурной стадии.

Исследование носит общетеоретический характер и направлено на определение порядка и пределов технической конкретизации принципов права. Теоретические положения раскрываются на материале статей 3 и 64 Трудового кодекса РФ, закрепляющих запрет

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 26 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

дискриминации и гарантии при заключении трудового договора. Установлено, какие элементы принципа недискриминации могут быть выражены в проверяемых требованиях к системам алгоритмического отбора персонала, а какие сохраняют оценочный характер. Предложенный подход применим и к другим сферам использования искусственного интеллекта с учетом особенностей регулируемых отношений.

Результаты исследования

Понятие и структура технической конкретизации принципов права

Принцип права не может быть непосредственно «переведен» в алгоритм или количественный показатель [13]. Технический параметр выражает не принцип в целом, а одно из выводимых из него нормативных положений. Такое положение обозначается в настоящей статье как нормативная проекция принципа [18]. Оно конкретизирует его значение для определенного вида отношений, но не исчерпывает его содержания.

Под технической конкретизацией принципа права предлагается понимать юридически опосредованный процесс, в ходе которого отдельная нормативная проекция принципа выражается в формально определенных требованиях к данным, проектированию, функционированию и применению системы ИИ, а также в критериях проверки их соблюдения [9].

Определение «техническая» характеризует форму результата, но не источник его обязательности и не наделяет разработчика самостоятельным правом определять содержание принципа. Технический параметр приобретает юридическое значение только при его установлении или санкционировании компетентным субъектом в предусмотренной правом форме [10].

Техническая конкретизация носит производный и частичный характер. Производный характер означает, что содержание технического требования должно быть юридически выводимо из принципа, а не определяться исключительно инженерной целесообразностью. Частичный характер состоит в том, что ни отдельная метрика, ни совокупность технических требований не заменяют принцип и не предопределяют его применение во всех возможных ситуациях.

В аналитических целях в процессе технической конкретизации выделяются четыре функциональных стадии [25; 27]. На интерпретационной стадии определяются охраняемая ценность, сфера действия принципа, допустимые исключения и нормативная проекция, которая подлежит дальнейшей формализации. На нормативной стадии устанавливаются адресат обязанности, ее предмет, пределы и юридическая форма закрепления.

Техническая стадия включает выбор характеристик данных, метрик, порогов, требований к документированию и иных параметров, позволяющих проверить соблюдение юридического требования [11]. На верификационно-процедурной стадии определяются способы аудита, доказывания, оспаривания и правовые последствия несоответствия.

Указанные стадии образуют аналитическую модель, позволяющую установить, на каком этапе нормативное содержание принципа сужается, утрачивает связь с правовым основанием или не получает надлежащего процессуального обеспечения. В обобщенном виде переход выражается следующим образом: принцип права → нормативная проекция → юридическое требование → технический критерий → процедура проверки → правовое последствие. На нормативной стадии технический критерий может приобрести качество юридически обязательного требования. Такой результат конкретизации относится к социально-техническим нормам. Правовое предписание адресуется человеку или организации и определяет параметры создания, эксплуатации либо контроля технической системы [6].

Тем самым юридическим регулятором остается норма права, а не алгоритм или технический стандарт как таковой. Само утверждение национального стандарта не делает его требования общеобязательными.

По общему правилу они применяются добровольно (статья 26 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации»¹). Для неопределенного круга лиц обязательность возникает при нормативной отсылке к стандарту или включении требований в программу экспериментального правового режима в пределах предоставленных законом полномочий. Ссылка на стандарт в договоре связывает только стороны соответствующего обязательства.

Выбор принципа недискриминации и сферы алгоритмического отбора персонала

Принцип недискриминации избран для проверки предложенной модели не в качестве единичного примера, а вследствие его общеправового характера и особенностей технической формализации. Он закрепляет общую конституционную ценность равенства, но его применение требует оценки сопоставимости лиц, связи различия с законной целью и соразмерности используемого критерия. Одновременно результаты алгоритмического отбора могут быть сопоставлены по группам и выражены в количественных показателях. В одном принципе сочетаются технически измеримые и несводимые к метрике элементы, что позволяет выявить все основные пределы технической конкретизации.

Алгоритмический отбор персонала дает возможность рассмотреть конкретизацию на всех ее стадиях. Решение о приеме на работу непосредственно затрагивает трудовые права, критерий деловых качеств имеет оценочное содержание, а данные и логика системы обычно находятся под контролем работодателя или разработчика. Такая конструкция одновременно выявляет проблемы нормативного закрепления, выбора технического критерия и доказывания нарушения.

Для технической конкретизации существенно функциональное разграничение материальных принципов и принципов-гарантий [7]. Материальные принципы определяют охраняемую ценность и критерий правомерности решения. К ним относятся равенство и недискриминация, достоинство, неприкосновенность частной жизни и соразмерность вмешательства.

Принципы-гарантии обеспечивают проверяемость и оспоримость решения, но не определяют, является ли различие в обращении дискриминационным. Например, прозрачность, подотчетность и человеческий контроль². Это не иерархия принципов, а различие их функций в механизме защиты прав человека.

Нормативную основу недискриминации образуют статья 19 Конституции РФ³, статья 7 Всеобщей декларации прав человека⁴ и статья 26 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵.

¹ О стандартизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

² Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449): adopted 22 May 2019, amended 8 November 2023 and 3 May 2024. Paris: OECD, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (дата обращения: 3 августа 2026 г.).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 4 июля 2020 г. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 3 июля 2026 г.).

⁴ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Различие в правовом положении не является дискриминацией, если оно имеет объективное и разумное оправдание и соразмерно конституционно значимой цели¹. В трудовом праве общий запрет конкретизирован в статьях 2 и 3 ТК РФ, а применительно к соискателям в ст. 64 ТК РФ, запрещающей необоснованный отказ в заключении трудового договора и ограничения, не связанные с деловыми качествами².

Техническая конкретизация принципа недискриминации в алгоритмическом отборе персонала

На интерпретационной стадии из ст. 3 и 64 ТК РФ выводится нормативное положение, согласно которому алгоритмический отбор не должен создавать неблагоприятное различие в отношении сопоставимых кандидатов по защищаемому признаку, если такое различие не обусловлено объективно необходимыми для конкретной работы деловыми качествами и не является соразмерным. Эта формула соединяет три юридически значимых элемента: защищаемый признак, неблагоприятное воздействие и оценку объективного оправдания различия.

Защищаемые признаки и неблагоприятное воздействие поддаются формализации лишь отчасти. Если есть законное основание обрабатывать соответствующие данные, доли кандидатов, прошедших каждый этап отбора, можно сопоставить, а расхождение проверить на устойчивость и статистическую значимость. Дискриминацию такое различие не доказывает. Требуется еще установить сопоставимость групп, причинную связь расхождения с применением системы, связь использованного критерия с деловыми качествами и соразмерность последствий. Поэтому статистический показатель работает как индикатор возможного нарушения, а не как технический эквивалент принципа недискриминации [14].

Оценка деловых качеств формализуется тоже частично. Под конкретную вакансию можно задать требования к образованию, опыту, профессиональным знаниям и навыкам. Правомерен ли каждый критерий, зависит от его связи с характером работы, достоверности исходных данных, равенства условий оценки и соразмерности отказа. Признак, статистически связанный с прежними кадровыми решениями, юридически допустимым показателем деловых качеств от этого не становится.

На нормативной стадии сказанное должно превратиться в обязанности работодателя, который применяет алгоритмический отбор. Он обосновывает связь критериев с деловыми качествами, отвечает за релевантность и репрезентативность данных, документирует логику отбора, периодически проверяет систему на необоснованное неблагоприятное воздействие, хранит журналы событий и обеспечивает возможность пересмотра решения уполномоченным лицом [25].

Регламент (ЕС) 2024/1689 относит системы, предназначенные для найма и отбора лиц, к системам высокого риска (пункт 4 приложения III), а их применение связывает с управлением рисками, требованиями к данным, документации, прозрачности и человеческому контролю. Сопоставимого общего режима для кадровых алгоритмов российское право не знает. Статьи 3 и 64 ТК РФ формулируют материальный запрет, однако специальных обязанностей при использовании ИИ не устанавливают.

Федеральный закон № 243-ФЗ распространяется только на большие фундаментальные модели, общего режима для всех систем алгоритмического найма он не создает. Отсутствие нормы, связывающей запрет дискриминации с конкретными обязанностями работодателя по управлению рисками кадрового алгоритма, составляет нормативный пробел [12].

¹ По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и других положений в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области и ряда судов, а также жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2004 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 24. Ст. 2476.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 мая 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

На технической стадии национальные стандарты, разработанные техническим комитетом по стандартизации ТК 164 «Искусственный интеллект», определяют общие положения оценки качества систем искусственного интеллекта¹ и показатели качества данных для аналитики и машинного обучения². Отдельные стандарты содержат обзор методов оценки робастности нейронных сетей³ и методологию применения формальных методов для такой оценки⁴. Они создают техническую основу для аудита, но не определяют, какая метрика справедливости должна применяться при найме и какое расхождение результатов следует считать юридически значимым.

Формальные метрики справедливости не являются взаимозаменяемыми. При различии базовых частот в сравниваемых группах одновременное соблюдение калибровки и равенства ряда показателей ошибок в общем случае недостижимо [19; 20]. Дискуссия о системе COMPAS показала, что сопоставимая калибровка может сочетаться с разным распределением ложноположительных и ложноотрицательных результатов [20].

Данный пример не переносится на трудовые отношения непосредственно, но подтверждает общий вывод. Выбор метрики распределяет риски ошибки между группами и поэтому требует нормативного, а не только технического обоснования [21]. Отсутствие правил выбора метрики и порога также образует нормативный пробел.

На верификационно-процедурной стадии обнаруживается неравенство в доступе к информации. Статья 16 Федерального закона «О персональных данных» запрещает решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке персональных данных и порождающие юридические последствия или иным образом затрагивающие права и законные интересы субъекта, но допускает их при наличии письменного согласия или в предусмотренных федеральным законом случаях⁵.

Оператор обязан разъяснить порядок и последствия принятия решения, предоставить возможность заявить возражение и рассмотреть его. Однако закон не устанавливает обязанности провести содержательный человеческий пересмотр. Статья 64 ТК РФ предоставляет соискателю право потребовать письменное сообщение причин отказа и обжаловать его в суде. Но данные о модели, выборе метрики, распределении ошибок и влиянии конкретных признаков остаются у работодателя или разработчика.

Лицо, оспаривающее отказ, должно доказывать устойчивое неблагоприятное воздействие алгоритма на определенную группу, не располагая необходимой информацией. Данная информационная асимметрия образует еще один нормативный пробел.

Проверка модели на материале алгоритмического отбора обнаружила три коллизии. Первая складывается между общим запретом дискриминации и специальными обязанностями при использовании кадрового алгоритма. Вторая возникает там, где групповое расхождение технически измеримо, а юридически обоснованный выбор метрики и порога

¹ Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения: ГОСТ Р 59898-2021: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 26 ноября 2021 г. № 1620-ст: дата введения 2022-03-01. М.: Стандартинформ, 2021.

² Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения (МО). Части 1–4: ГОСТ Р 71484.1-2024 — ГОСТ Р 71484.4-2024 (ИСО/МЭК 5259-1:2024 - ИСО/МЭК 5259-4:2024): утв. и введены в действие приказами Росстандарта от 28 октября 2024 г.: дата введения 2025-01-01. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

³ Информационные технологии. Интеллект искусственный. Оценка робастности нейронных сетей. Часть 1. Обзор: ГОСТ Р 70462.1-2022/ISO/IEC TR 24029-1-2021: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 2 ноября 2022 г. № 1226-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2022.

⁴ Искусственный интеллект. Оценка робастности нейронных сетей. Часть 2. Методология использования формальных методов: ГОСТ Р ИСО/МЭК 24029-2-2024: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1542-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2024.

⁵ О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

отсутствует. Третья противопоставляет право на оспаривание фактической недоступности сведений, без которых доказывание невозможно.

Первая и третья коллизии сводятся к устранимым дефектам правового регулирования. Во второй пробел нормативного выбора соединяется с объективным аксиологическим пределом, поскольку ни законодатель, ни регулятор не отменяют необходимость выбирать между несовместимыми формализациями.

Степень технической формализации и пределы конкретизации принципов права

Проведенный анализ позволяет классифицировать результаты технической конкретизации принципов. Основанием деления служит характер юридической оценки, без которой техническое требование нельзя ни установить, ни применить.

В первую группу попадают технические и организационные требования, содержание которых после нормативного выбора определяется и проверяется без того, чтобы заново взвешивать конкурирующие ценности в каждом случае. Так устроены регистрация событий, фиксация происхождения данных, ведение документации, повторяемость процедуры проверки и соблюдение установленных сроков хранения сведений [24]. Полностью формализуется здесь не принцип, а выведенная из него конкретная обязанность.

Вторая группа объединяет требования, которые становятся технически измеримыми только после того, как нормативно выбраны метрика, порог и условия ее применения. Сюда входят отдельные требования, направленные на предотвращение дискриминации, объяснимость результатов и устойчивость системы к ошибкам, сбоям и изменениям входных данных. Оценочное решение здесь никуда не исчезает. Оно переносится с этапа применения системы на этап, где устанавливается обязательный технический критерий.

Остальное приходится на оценочные элементы принципов, для которых заранее установленный набор параметров юридическую оценку не исчерпывает. Таковы соразмерность вмешательства, достоинство личности, добросовестность, обоснованность деловых качеств, оценка правомерности различия в обращении. Техническая система соберет и структурирует юридически значимые обстоятельства, но окончательное решение метрикой не предопределяется.

Типология очерчивает область допустимой формализации, но не объясняет, чем эта область ограничена. Для этого необходимо разграничить пробелы регулирования, устранимые законодателем, и пределы, обусловленные структурой принципа, необходимостью ценностного выбора и познавательными возможностями технологии [8].

Структурно-логический предел вытекает из несводимости принципа к закрытому правилу с заранее определенными условиями и единым правовым последствием. Принцип может действовать как запрет, основание толкования или требование соразмерения. Формализация фиксирует один способ его реализации и не может быть признана эквивалентом его полного нормативного содержания. Этот предел не устраняется увеличением числа параметров [7].

Аксиологический предел обусловлен тем, что одно нормативное требование может быть выражено в нескольких технически корректных, но неравноценных формализациях. Выбор метрики справедливости определяет, какой тип ошибки и для какой группы признается более допустимым. Аналогичный выбор возникает при определении глубины объяснения, порога риска и соотношения между необходимостью аудита и защитой персональных данных. Технология позволяет реализовать выбор, но не может легитимировать его вместо права [21].

Эпистемико-технологический предел связан с возможностью достоверно установить и проверить основания результата. Он зависит от качества и репрезентативности данных, архитектуры модели, качества документации и доступных методов интерпретации [15]. Этот предел не является одинаковым для всех систем и может сужаться по мере развития аудита и объяснимости. Однако даже технически доступное объяснение не обеспечивает

юридической проверки, если не позволяет установить роль конкретного признака, связь между критерием и результатом, а также возможность иного решения.

Указанные пределы не отменяют техническую конкретизацию, но определяют ее допустимую глубину. Там, где требуется оценка объективного оправдания, соразмерности или соответствия деловым качествам, окончательное решение должно сохраняться за уполномоченным субъектом [8].

Содержательный человеческий контроль предполагает наличие у такого субъекта необходимой компетенции, доступа к данным и документации, достаточного времени для проверки и полномочия изменить результат системы с фиксацией оснований окончательного решения [26]. Формальное подтверждение алгоритмического результата таким контролем не является. В действующем российском праве такое требование не носит универсального характера и предлагается для систем высокого риска, существенно затрагивающих права личности.

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты уточняют соотношение правовой нормативности и технической архитектуры. Тезис о регулятивном воздействии кода [16] и подход к встраиванию правовых гарантий в цифровую среду [17] показывают, что архитектура системы способна направлять поведение. Вопрос о том, когда инженерное решение становится формой реализации принципа права, они оставляют открытым. Предложенная модель связывает технический критерий с нормативным основанием, компетенцией субъекта, процедурой проверки и правовыми последствиями. Эта связь и отличает техническую конкретизацию от чисто инженерной операционализации.

Работы о формальных метриках справедливости доказывают несовместимость отдельных статистических критериев [19; 20], а исследования социотехнических систем показывают зависимость их значения от институционального контекста [21; 22]. Отсюда следует не отказ от количественной проверки, а признание того, что выбор метрики есть нормативное решение, которое нужно обосновать, задокументировать и сделать доступным для оспаривания.

Пробелы в техническом и процессуальном обеспечении принципа и объективные пределы его формализации требуют различных правовых решений. Пробелы могут быть устранены путем установления обязанностей по документированию и аудиту, правил доступа к сведениям и специальных средств доказывания [25]. Объективные пределы не устраняются новой метрикой. Они требуют процедуры, сохраняющей возможность юридической оценки, персонифицированной ответственности за решение и его оспаривание.

Применительно к алгоритмическому отбору персонала данная процедура должна включать три взаимосвязанные гарантии. Первая – перераспределение бремени доказывания после того, как соискатель или работник представит совокупность фактов, позволяющих обоснованно предположить дискриминационное воздействие системы.

Таковыми фактами могут быть статистически значимое и устойчивое расхождение между сопоставимыми группами, связь результата с применением конкретной системы и отсутствие доступного объяснения критериев. После этого на работодателя должны возлагаться обязанности раскрыть документированные критерии отбора и доказать их связь с деловыми качествами, объективную необходимость и соразмерность различия. Данная модель соответствует логике статьи 10 Директивы 2000/78/ЕС¹.

Вторая гарантия – состязательная проверка технических выводов. Эксперт или специалист может устанавливать использованную метрику, качество и репрезентативность

¹ Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation. Art. 10 // Official Journal of the European Communities. 2000. L 303. P. 16–22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000L0078> (дата обращения: 3 июля 2026 г.).

данных, величину и устойчивость расхождения, а также возможное влияние отдельных признаков. Вопросы о наличии дискриминации, правомерности цели и соразмерности различия относятся к компетенции суда. Поэтому сторонам должен быть обеспечен доступ к необходимой документации с соблюдением охраняемой законом тайны, а также возможность ставить вопросы, представлять заключение специалиста и оспаривать исходные допущения исследования [27].

Третья гарантия состоит в стандартизированном документировании выбора метрики. Для этого компетентный регулятор может утверждать типовые карты выбора метрик [23]. Такая карта не подменяет правовую норму и не устанавливает обязательную метрику вне компетенции регулятора. Ее назначение в том, чтобы задать единую структуру обоснования: назначение системы, защищаемые группы, выбранная метрика и альтернативы, распределение ошибок, качество выборки, порог допустимого расхождения, периодичность проверки и правовое основание выбора. Если отдельные положения карты должны иметь обязательную силу, они подлежат закреплению в надлежащей нормативной форме.

Экспериментальный правовой режим позволяет апробировать технические и организационные элементы предложенной модели: требования к данным и регистрации, порядок аудита, форму карты выбора метрики, условия человеческого контроля и процедуру рассмотрения возражений.

Однако перераспределение бремени доказывания не может основываться только на этом. Часть 3 статьи 5 Федерального закона № 258-ФЗ допускает изменение действия федерального закона в программе режима только при наличии прямого законодательного основания. Поэтому перераспределение бремени доказывания требует прямого закрепления в трудовом законодательстве и согласования с правилами статьи 56 ГПК РФ¹.

Для этого ст. 3 или ст. 64 ТК РФ следует дополнить положением, согласно которому при представлении соискателем или работником фактов, позволяющих предположить дискриминационное воздействие автоматизированной системы, работодатель обязан раскрыть критерии алгоритмического решения и доказать их связь с деловыми качествами, объективную необходимость и соразмерность различия.

В Федеральном законе № 258-ФЗ целесообразно предусмотреть обязательное включение в программу режима документов, позволяющих проверить выбор метрики, порог допустимого расхождения, качество данных и порядок содержательного человеческого контроля.

Предложенная модель имеет ограничения. Аудит недискриминации требует достоверных данных о групповой принадлежности, обработка которых может создавать риск для частной жизни. Доступ к модели и данным может ограничиваться коммерческой тайной. Человеческий контроль подвержен автоматизационному предубеждению, при котором лицо склонно подтверждать алгоритмический результат без самостоятельной оценки [26]. Эти риски не опровергают предложенную модель, но требуют дифференцированного доступа к документации, независимого аудита и фиксации действий лица, принявшего окончательное решение.

Заключение

Технической конкретизацией принципа права следует считать юридически опосредованный процесс, в котором отдельная нормативная проекция принципа выражается в формально определенных требованиях к данным, проектированию, функционированию и применению системы ИИ, а также в критериях проверки их соблюдения. Она производна и частична. Техническое требование выводится из принципа, но полного нормативного содержания принципа не подменяет.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Аналитическая модель технической конкретизации включает интерпретационную, нормативную, техническую и верификационно-процедурную стадии. С ее помощью дефекты правового обеспечения отделяются от объективных пределов формализации. На материале алгоритмического отбора персонала обнаружено три дефекта: у работодателя нет специальных обязанностей при использовании кадрового алгоритма, выбор метрики и порога юридически не обоснован, а при оспаривании решения стороны находятся в информационной асимметрии.

По степени технической формализации результаты конкретизации расходятся. Объективно проверяемые технические и организационные обязанности применяются без повторного ценностного выбора. Метрико-зависимые требования такого выбора требуют заранее, на уровне критерия и порога. Оценочные элементы принципа формализуются лишь отчасти и нуждаются в юридической оценке обстоятельств конкретного случая.

Пределов технической конкретизации установлено три. Структурно-логический возникает потому, что закрытый набор параметров не исчерпывает содержание принципа. Аксиологический проявляется там, где приходится выбирать между технически корректными, но ценностно неравноценными формализациями. Эпистемико-технологический связан с тем, что основания результата сложной модели трудно достоверно восстановить и проверить.

Усложнение технических показателей эти пределы не снимает. Их правовое значение в другом: сохранить содержательную юридическую оценку, оспоримость решения и персонализированную ответственность. При использовании кадровых алгоритмов этому служат обязанность раскрыть и обосновать критерии отбора, состязательная проверка технических выводов, документирование выбора метрики и содержательный человеческий контроль. Технические и организационные элементы предложенной модели можно апробировать в экспериментальном правовом режиме, а перераспределение бремени доказывания придется закрепить прямо в законе.

Список источников

1. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16. - https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1. – EDN: YXUYFV.
2. Алферова, Е. В. Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии / Е. В. Алферова, Е. В. Скурко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2026. – Т. 30, № 2. – С. 215–232. - <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232>. – EDN: DBTINJ.
3. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102. - https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7. – EDN: YKWEZL.
4. Гук, П. А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами / П. А. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 32–40. - <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-4-4>. – EDN: HWHZJU.
5. Терехина, Е. А. К вопросу о конкретизации принципов и норм права судебными органами / Е. А. Терехина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 3 (67). – С. 157–168. - <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-15>. – EDN: UJCFNG.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 5-е изд. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 528 с. - ISBN 978-5-85006-370-2.
7. Коновалов, А. В. Принципы права: монография / А. В. Коновалов. – Москва: Норма, 2022. – 792 с. – DOI: 10.12737/1816288. – ISBN 978-5-00156-195-8.
8. Шатковская, Т. В. Правовые пределы цифровой трансформации: поиск новых решений / Т. В. Шатковская // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (195). – С. 170–173. - https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_3_170. – EDN: HXLMM.
9. Харитонова, Ю. С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина. – Москва: Юстицинформ, 2025. – 332 с. - ISBN 978-5-7205-2195-0.

10. Концепции, принципы и направления правового регулирования безопасного искусственного интеллекта и цифровых технологий: монография / отв. ред. А. И. Овчинников. – Москва: Проспект, 2026. – 280 с. – ISBN 978-5-392-45572-0.
11. Гарбук, С. В. Модель доверия к прикладным системам искусственного интеллекта / С. В. Гарбук // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 151–169. – <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-151-169>. – EDN: AQMSEC.
12. Кондрашов, П. Е. Регулирование разработки и применения искусственного интеллекта: проблемы и направления развития / П. Е. Кондрашов, Ю. Ю. Петрунин, С. С. Попова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 3–19. – <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-22-2025-1-3-19>. – EDN: YNLBUI.
13. Зорькин, В. Д. Providentia, или О праве будущего в эпоху цифровизации / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19. – <https://doi.org/10.31857/S013207690009932-7>. – EDN: PPSVUC.
14. Талапина, Э. В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 4–27. – <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>. – EDN: PWEPSJ.
15. Талапина, Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 4–27. – <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.4.27>. – EDN: RGQJIV.
16. Lessig, L. Code: Version 2.0 / L. Lessig. – New York: Basic Books, 2006. – 410 p. – ISBN 978-0-465-03914-2.
17. Hildebrandt, M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology / M. Hildebrandt. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 304 p. – <https://doi.org/10.4337/9781849808774>. – ISBN 978-1-84980-876-7.
18. Кэлер, Л. Значение нормативных оснований для формирования правовых понятий / Л. Кэлер // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 62–91. – <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-3-kahler>. – EDN: ZMKJWG.
19. Kleinberg, J. Inherent Trade-Offs in the Fair Determination of Risk Scores / J. Kleinberg, S. Mullainathan, M. Raghavan // 8th Innovations in Theoretical Computer Science Conference (ITCS 2017). Leibniz International Proceedings in Informatics (LIPIcs). – Dagstuhl: Schloss Dagstuhl–Leibniz-Zentrum für Informatik, 2017. – Vol. 67. – P. 43:1–43:23. – <https://doi.org/10.4230/LIPIcs.ITCS.2017.43>.
20. Chouldechova, A. Fair Prediction with Disparate Impact: A Study of Bias in Recidivism Prediction Instruments / A. Chouldechova // Big Data. – 2017. – Vol. 5, no. 2. – P. 153–163. – <https://doi.org/10.1089/big.2016.0047>.
21. Wachter, S. Why Fairness Cannot Be Automated: Bridging the Gap between EU Non-Discrimination Law and AI / S. Wachter, B. Mittelstadt, C. Russell // Computer Law & Security Review. – 2021. – Vol. 41. – Art. 105567. – <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105567>.
22. Selbst, A. D. Fairness and Abstraction in Sociotechnical Systems / A. D. Selbst, D. Boyd, S. A. Friedler, S. Venkatasubramanian, J. Vertesi // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2019. – P. 59–68. – <https://doi.org/10.1145/3287560.3287598>.
23. Mitchell, M. Model Cards for Model Reporting / M. Mitchell, S. Wu, A. Zaldivar, P. Barnes, L. Vasserman, B. Hutchinson, E. Spitzer, I. D. Raji, T. Gebru // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2019. – P. 220–229. – <https://doi.org/10.1145/3287560.3287596>.
24. Gebru, T. Datasheets for Datasets / T. Gebru, J. Morgenstern, B. Vecchione, J. W. Vaughan, H. Wallach, H. Daumé, K. Crawford // Communications of the ACM. – 2021. – Vol. 64, no. 12. – P. 86–92. – <https://doi.org/10.1145/3458723>.
25. Raji, I. D. Closing the AI Accountability Gap: Defining an End-to-End Framework for Internal Algorithmic Auditing / I. D. Raji, A. Smart, R. N. White, M. Mitchell, T. Gebru, B. Hutchinson, J. Smith-Loud, D. Theron, P. Barnes // Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2020. – P. 33–44. – <https://doi.org/10.1145/3351095.3372873>.
26. Green, B. The Flaws of Policies Requiring Human Oversight of Government Algorithms / B. Green // Computer Law & Security Review. – 2022. – Vol. 45. – Art. 105681. – <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105681>.
27. Cobbe, J. Reviewable Automated Decision-Making: A Framework for Accountable Algorithmic Systems / J. Cobbe, M. S. A. Lee, J. Singh // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness,

Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2021. – P. 598–609. – <https://doi.org/10.1145/3442188.3445921>.

References

1. Khabrieva TYa. Law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018;(9):5–16. (In Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: YXUYFV.
2. Alferova E.V., Skurko E.V. International and national features of legal regulation of artificial intelligence: the experience of Russia, China and India. *RUDN Journal of Law*. 2026;30(2):215–232. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232. EDN: DBTINJ.
3. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018;(1):85–102. (In Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL.
4. Guk P.A. Interpretation and concretization of norms and principles of law by judicial bodies. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2020;(4):32–40. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2020-4-4. EDN: HWHZJU.
5. Terekhina E.A. On the concretization of principles and norms of law by judicial bodies. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2022;(3):157–168. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-3-15. EDN: UJCFNG.
6. Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of State and Law: textbook*. 5th ed. Moscow: Delo RANEPa Publishing House; 2022. 528 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-85006-370-2.
7. Konovalov A.V. *Principles of Law: monograph*. Moscow: Norma; 2022. 792 p. (In Russ.). DOI: 10.12737/1816288. ISBN: 978-5-00156-195-8.
8. Shatkovskaya T.V. Legal limits of digital transformation: search for new solutions. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;(3):170–173. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_170. EDN: HXLMMM.
9. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. *Artificial Intelligence: a Civil Law Concept of Regulation: monograph*. Moscow: Yustitsinform; 2025. 332 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-7205-2195-0.
10. Ovchinnikov A.I., editor. Concepts, Principles and Directions of Legal Regulation of Safe Artificial Intelligence and Digital Technologies: monograph. Moscow: Prospekt; 2026. 280 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-392-45572-0.
11. Garbuk S.V. Trust model for artificial intelligence application systems. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2024;21(4):151–169. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-151-169. EDN: AQMSEC.
12. Kondrashov P.E., Petrunin Yu.Yu., Popova S.S. Regulation of the development and application of artificial intelligence: problems and development trends. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2025;22(1):3–19. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2073-2643-22-2025-1-3-19. EDN: YNLBUI.
13. Zorkin V.D. Providentia, or on the law of the future in the era of digitalization. *State and Law*. 2020;(6):7–19. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013207690009932-7. EDN: PPSVUC.
14. Talapina E.V. Data processing by means of artificial intelligence and risks of discrimination. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;15(1):4–27. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.4.27. EDN: PWEPSJ.
15. Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2025;18(3):4–27. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27. EDN: RGQHJV.
16. Lessig L. *Code: Version 2.0*. New York: Basic Books; 2006. 410 p. ISBN: 978-0-465-03914-2.
17. Hildebrandt M. *Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2015. 304 p. DOI: 10.4337/9781849808774. ISBN: 978-1-84980-876-7.
18. Kähler L. The influence of normative reasons on the formation of legal concepts. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2020;15(3):62–91. (In Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-kahler. EDN: ZMKJWG.
19. Kleinberg J., Mullainathan S., Raghavan M. Inherent trade-offs in the fair determination of risk scores. In: 8th Innovations in Theoretical Computer Science Conference (ITCS 2017). Leibniz International Proceedings in Informatics (LIPIcs). Vol. 67. Dagstuhl: Schloss Dagstuhl–Leibniz-Zentrum für Informatik; 2017. p. 43:1–43:23. DOI: 10.4230/LIPIcs.ITCS.2017.43.
20. Chouldechova A. Fair prediction with disparate impact: a study of bias in recidivism prediction instruments. *Big Data*. 2017;5(2):153–163. DOI: 10.1089/big.2016.0047.

21. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Why fairness cannot be automated: bridging the gap between EU non-discrimination law and AI. *Computer Law & Security Review*. 2021;41:105567. DOI: 10.1016/j.clsr.2021.105567.
22. Selbst A.D., Boyd D., Friedler S.A., Venkatasubramanian S., Vertesi J. Fairness and abstraction in sociotechnical systems. In: *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2019. p. 59–68. DOI: 10.1145/3287560.3287598.
23. Mitchell M., Wu S., Zaldivar A., Barnes P., Vasserman L., Hutchinson B., et al. Model cards for model reporting. In: *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2019. p. 220–229. DOI: 10.1145/3287560.3287596.
24. Gebru T., Morgenstern J., Vecchione B., Vaughan J.W., Wallach H., Daumé H., et al. Datasheets for datasets. *Communications of the ACM*. 2021;64(12):86–92. DOI: 10.1145/3458723.
25. Raji I.D., Smart A., White R.N., Mitchell M., Gebru T., Hutchinson B., et al. Closing the AI accountability gap: defining an end-to-end framework for internal algorithmic auditing. In: *Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2020. p. 33–44. DOI: 10.1145/3351095.3372873.
26. Green B. The flaws of policies requiring human oversight of government algorithms. *Computer Law & Security Review*. 2022;45:105681. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105681.
27. Cobbe J., Lee M.S.A., Singh J. Reviewable automated decision-making: a framework for accountable algorithmic systems. In: *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. New York: ACM; 2021. p. 598–609. DOI: 10.1145/3442188.

Информация об авторе

П. А. Курочкин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. A. Kurochkin – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 06.08.2026; одобрена после рецензирования 03.09.2026; принята к публикации 05.09.2026.

The article was submitted 06.08.2026; approved after reviewing 03.09.2026; accepted for publication 05.09.2026.

«Юрист-архитектор» как новейший тип профессиональной субъектности и продукт правового антропоцентризма в условиях цифровой революции общества

Рустам Зайниддинович Махмадиев

Российский новый университет, г. Москва, Россия.

rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья представляет собой результат исследования развития антропоцентристских установок в отечественной философско-правовой мысли, доктринальная систематизация которых может служить методологической и аксиологической основой для преобразования компетентностной модели юриста в сторону «юриста-архитектора», ключевым методом которого должна стать реинтеграция различных регуляторов общественных отношений в условиях цифровой реальности. Делается вывод о необходимости инкорпорации в методологический инструментарий юриста наработок юридической антропологии. Автором предпринимается попытка обоснования необходимости преодоления гносеологического уклона методологии права в сторону ее праксеологической функции. Предлагаемые в статье подходы позволяют адаптировать юридическую профессию к технологизации общества и выстроить суверенную отечественную ценностно насыщенную модель работы юриста с правовой и цифровой реальностью.

Целью проведенного исследования является разработка и теоретико-методологическое обоснование новой компетентностной модели «юриста-архитектора» в контексте установок правового антропоцентризма, юридической антропологии и аксиологического наследия отечественной философско-правовой мысли.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей в области философии и истории права, методологии права и юридической антропологии (Б.Н. Чичерин, О.А. Пучков, В.Н. Синюков, Д.А. Пашенцев, Э. Аннерс и других), а также новейшие концептуальные разработки в области правового проектирования и антропоцентризма (Р.З. Махмадиев, С.Ю. Кашкин).

Методологическую основу работы составляют принципы междисциплинарности и сочетания теоретико-правового и прикладного (юридико-технического) знания. В качестве ключевых методов исследования были использованы: праксеологический и аксиологический методы, метод сравнительно-правового анализа, онтологический подход, общенаучные методы.

Результаты. Раскрыт аксиологический и онтологический кризис парадигмы компетентностной модели «юриста-ремесленника» перед лицом современных вызовов, новейших технологий, включая генеративный ИИ. В условиях усложнения нормативной структуры общества право разделило регулятивное пространство с программным кодом («Code as Law»), алгоритмами платформ и сетевой этикой. Концептуализирована модель «юриста-архитектора» как реинтегратора различных регуляторов общественных отношений в условиях цифровой революции. Сформированы требования к антропологической модернизации юридического образования.

Выводы. В работе обосновывается необходимость трансформации методологии права от гносеологической (созерцательной) доминирующей направленности в сторону онтологической и праксеологической функций. В качестве аксиологической основы правовопонимания современного юриста предлагается утвердить установки правового антропоцентризма, основанные на ценностях отечественной культурно-правовой и философской традиции, которые, по мнению автора, способны выступить в качестве методологического щита автономии личности в эпоху цифровой дегуманизации.

Ключевые слова: юрист-архитектор, юрист-ремесленник, правовой антропоцентризм, юридическая антропология, права человека, философия права.

Для цитирования: Махмадиев Р. З. «Юрист-Архитектор» как новейший тип профессиональной субъектности и продукт правового антропоцентризма в условиях цифровой революции общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 55-67. EDN: VGFOOB

Original article

The «lawyer-architect» as a novel type of professional agency and a product of legal anthropocentrism in the context of the digital revolution in society

Rustam Z. Makhmadiev

Russian New University, Moscow, Russia.

rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Annotation

Introduction. The article presents the results of a study of the development of anthropocentric approaches in Russian philosophical and legal thought, the doctrinal systematization of which can serve as a methodological and axiological basis for transforming the competence based model of a lawyer towards the «lawyer-architect», the key method of which should be the reintegration of various regulators of social relations in the context of digital reality. The conclusion is drawn that it is necessary to incorporate the achievements of legal anthropology into the methodological toolkit of a lawyer. The author attempts to substantiate the need to overcome the epistemological bias in the methodology of law and shift towards its praxeological function. The approaches proposed in the article make it possible to adapt the legal profession to the technologization of society and to build a sovereign, value rich domestic model of legal engineering.

The aim of the study is to develop and provide a theoretical and methodological justification for a new competency model of a «lawyer-architect» in the context of the principles of legal anthropocentrism, legal anthropology, and the axiological heritage of domestic philosophical and legal thought.

Materials and methods. The theoretical foundation of the study is based on the fundamental works of domestic and foreign researchers in the fields of philosophy and history of law, methodology of law, and legal anthropology (B.N. Chicherin, O.A. Puchkov, V.N. Sinyukov, D.A. Pashentsev, E. Annens, and others), as well as the latest conceptual developments in the field of legal design and anthropocentrism (R.Z. Makhmadiev, S.Yu. Kashkin).

The methodological basis of the work is the principles of interdisciplinarity and the combination of theoretical-legal and applied (legal-technical) knowledge. The key research methods used were: praxeological and axiological methods, the method of comparative legal analysis, the ontological approach, and general scientific methods.

Results. The axiological and ontological crisis of the paradigm of the competence-based model of the «lawyer-craftsman» is revealed in the face of modern challenges and the latest technologies, including generative AI. In the context of the growing complexity of the normative structure of society, law has shared the regulatory space with software code («Code as Law»), platform algorithms, and network ethics. The model of the «lawyer-architect» is conceptualized as a reintegrator of various regulators of social relations in the context of the digital revolution. Requirements for the anthropological modernization of legal education have been formulated.

Conclusions. The paper substantiates the need to transform the methodology of law from a predominantly epistemological (contemplative) focus towards ontological and praxeological functions. As an axiological basis for the modern lawyer's understanding of law, it is proposed to establish the principles of legal anthropocentrism, based on the values of the national cultural, legal, and philosophical tradition, which, in the author's view, can serve as a methodological shield for the autonomy of the individual in the era of digital dehumanization.

Keywords: lawyer-architect, lawyer-craftsman, legal anthropocentrism, legal anthropology, human rights, philosophy of law.

For citation: Makhmadiev, R. Z. The «lawyer-architect» as a novel type of professional agency and a product of legal anthropocentrism in the context of the digital revolution in society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 55 – 67. (In Russ). EDN: VGFOOB

Введение

Идеи о ценности человеческой жизни, прав и свобод человека веками занимали и продолжают занимать лучшие умы человечества, представляя собой сложнейшие в осмыслении и доктринальной систематизации проблемы: эмпиризм и схоластическое теоретизирование лишь подчеркивали всю сложность онтологического статуса указанных категорий. На протяжении всей истории развития человечества, права и государства человек в том или ином виде занимал центральное место в философско-правовых воззрениях и учениях, сопутствующих развитию тех или иных сообществ, отличающихся разной степенью развитости правовых институтов. Периодически этими учениями в связке с правовыми нормами эксплицитно подчеркивалась главенствующая роль человека ценностном измерении его взаимоотношений с государством и обществом (достаточно вспомнить известные слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей, сущих – что они существуют, несущих – что они не существуют») [1, с. 317], а иногда идеи о ценности человеческой жизни, заботе о личности лишь имплицитно отражались в политико-правовых учениях, протонормах или законодательных нормах государства (Законы Хаммурапи: «Если человек взял жену, а ее постигла проказа, и он захочет взять другую, то он может взять, но свою жену, которую постигла проказа, он не должен покинуть, она может жить в его доме, который он построил, и, пока она жива, он должен ее содержать») [2, с. 22]. В любом случае права человека, ценность жизни человека и интересов личности в самом широком смысле получили свое многообразное развитие в огромном спектре исследовательских философско-правовых направлений и концепций правопонимания.

Представляется, что интегративный и кумулятивный потенциал в контексте систематизации идей о ценности человека в его взаимоотношениях с обществом и государством все больше обретает правовой антропоцентризм (от древнегреческого *ἄνθρωπος* – человек и латинского *centrum* – центр), который можно охарактеризовать в качестве закономерного феномена развития гуманитарного знания в целом, теоретико-правового подхода и современной концепции правопонимания в частности. Отражение идей правового антропоцентризма с их особой ценностной и методологической спецификой можно наблюдать, предметно анализируя практически любой этап развития права и государства. В этой связи представляется целесообразным постепенное и последовательное придание доктринальной четкости и структурированности установкам правового антропоцентризма, которые, как представляется, призваны служить выражением аксиологического превосходства отечественной системы права. В отличие от многих западно-ориентированных концепций правогенеза, результатом которых стала ситуация, при которой западные правовые порядки всё глубже на разных уровнях правоприменения подчиняются утилитарным интересам транснациональных корпораций [3], российская правовая традиция исторически была центрирована вокруг подлинного блага человека и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, подтверждения чему можно найти, анализируя классику отечественной философско-правовой мысли.

Многие из отечественных трудов, содержащих философско-правовую экспликацию вопросов соотношения права, добра и справедливости, в том или ином виде особенно предельно опирались на возвышенную идею онтологической неразрывности позитивного права и нравственных ценностей. Известный русский мыслитель В.С. Соловьев, стоявший у истоков «духовного возрождения» XX века, в своем фундаментальном труде «Оправдание добра» декларирует: «Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие» [4, с. 581]. А в своем выдающемся труде «Философия права» [5] один из основоположников конституционного права Б.Н. Чичерин выделил самостоятельный монументальный раздел (Книгу третью), состоящий из 4 глав, посвященных нравственности, совести, добродетели и идеалам.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей в области философии и истории права, методологии права и юридической антропологии (Б.Н. Чичерин, О.А. Пучков, В.Н. Синюков, Д.А. Пашенцев, Э. Аннерс и других) а также новейшие концептуальные разработки в области правового проектирования и антропоцентризма (Р.З. Махмадиев, С.Ю. Кашкин).

Методологическую основу работы составляют принципы междисциплинарности и сочетания теоретико-правового и прикладного (юридико-технического) знания. В качестве ключевых методов исследования были использованы: праксеологический и аксиологический методы, метод сравнительно-правового анализа, онтологический подход, общенаучные методы.

Обсуждение и результаты

Указанное демонстрирует, что отечественная правовая мысль исторически мыслила юридическую норму в связке с ее антропологическим фундаментом. Именно поэтому, по нашему мнению, идеи правового антропоцентризма выступают сегодня мощным собирательным понятием для всего спектра гуманистических, естественно-правовых и солидаристских интенций, выработанных нашей цивилизацией.

Важность теоретико-правового осмысления правового антропоцентризма видится на фоне:

а) стремительно возрастающих общемировых тенденций к регионализации правовых систем интеграционных образований, государств, локальных правопорядков [6], суверенизации государствами собственных уникальных культурно и национально обусловленных парадигм миропонимания, водружения «права сильного» в ранг непререкаемой политико-правовой парадигмы (геополитический уровень);

б) тотально распространяющихся на практически все сферы общественной жизни и даже глубоко интимные сферы существования личности цифровых технологий, систем искусственного интеллекта, модифицирующих алгоритмы взаимодействия человека с обществом, государством (технологический уровень);

в) трансформации общественного и экономического уклада жизни, при которой в условиях явления «нормативной/законодательной инфляции» [7] императивное право, несмотря на свою связующую и главенствующую роль испытывает сложности в регулятивном потенциале, а силу набирают иные неправовые регуляторы общественных отношений (рынок, традиции, корпоративные стандарты, etc.) (институционально-правовой и регуляторный уровень);

г) кризиса идентичности личности [8], утраты во всем мире человеком своей субстантивности (субъектности), а регуляторами общественных отношений – человекоориентированности, что выражается в тотальном расслоении и атомизации общества, утрате ценности человеческих связей, института семьи, деконструкции и десакрализации понятий любви,

чести и нравственности как самостоятельных аксиологических категорий в правовой культуре, возведение в Абсолют макиавеллистских принципов взаимодействия личности с миром (экзистенциальный уровень);

д) трансформации экономического уклада жизни в виде перехода к платформенному капитализму и экономике данных, при которой базисом общественных отношений начинает выступать непрерывный оборот цифровых активов, алгоритмический комплаенс и шеринговые и лицензионные бизнес-модели, а традиционные институты собственности, договора и даже субъектности размываются. Ввиду указанного неизбежно изменение самого метода юридической деятельности, профессиональной рамки и компетентностной модели юриста в целом. Это начинает постепенно выражаться в перманентном процессе перехода юридической профессии от парадигмы юриста-ремесленника к парадигме юриста-архитектора [9, с. 190–193], чьей основной функцией выступает реинтеграция права и множества иных регуляторов общественных отношений. Юрист перестает работать лишь с нормой закона, вырабатывая праксеологический инструментарий работы с иными социальными регуляторами (цифрой, рынком, корпоративными стандартами и т.д.). Сохранение привычной компетентностной модели юриста внутри рамки юриста-ремесленника означало бы полную деконструкцию фундамента профессиональной субъектности юриста, который на онтологическом уровне по призванию и первоначальной сути профессии должен являться главным социальным архитектором в обществе в сравнении с иными профессиями. Работа лишь с текстом закона часто уравнивает юриста с делопроизводителем, скрепляющего в законную рамку действия иных профессиональных субъектов коммерческой деятельности, позиционирующих себя в качестве «социальных архитекторов» (экономический уровень);

е) заметного устаревания методологического инструментария юридической профессии, что выразилось в размывании профессиональной идентичности юриста и эрозии естественного типа профессиональной субъектности в виде «юриста-архитектора» (юриста как творца, архитектора смыслов, «инженера общественной жизни») [10, с. 10] примитивизированным типом «юриста-ремесленника», функция которого в современном обществе редуцирована до операционального механистического применения готовых документальных форм, шаблонов и алгоритмов для придания формальной законности действиям иных субъектов коммерческой и общественной деятельности. При этом творческие функции «социальных архитекторов» [11, с. 1–10], представители политологических и социологических направлений де-факто пытаются привязать к лишенным методологической рамки «политическим консультантам» [11], (термин, лишенный строгой денотативной определенности), проектным менеджерам, общественным активистам, маркетологам и т.д., что в итоге превращает проектирование сложнейших государственно-правовых и общественных институтов в подобие хаотичного стартапа, при котором стратегическое планирование заменяется фрагментарным проектным администрированием ради «KPI». А юрист, в основу профессиональной компетенции которого, в отличие от всех остальных профессий, напрямую положены фундаментальные и широчайшие вопросы о закономерностях развития права, общественных институтов, государства (говоря иначе, в том числе – вопросы развития так называемых «социальных технологий»), в коммерческом секторе поставлен в роль сервисного обслуживающего персонала, «бумажного корректора» для вышеназванных категорий специалистов (методологический уровень).

Относительно пункта «а» о тенденциях регионализации особенно важно отметить: кризис теории международного права прав человека, базирующейся на софистических способах теоретизации естественного права [12, с. 100–103], лишь обнажает проблему методологической бедности большинства господствующих до недавнего времени западно-ориентированных концепций правопонимания, порой не учитывающих на юридико-антропологическом уровне все многообразие и сложность пласта культурных кодов, традиций

и ценностно-нормативных систем, определяющих правовое бытие неевропейских цивилизаций. По нашему мнению, отечественное право нуждается в формировании собственных самобытных методологических подходов в экспликации общественных явлений, места личности в правовой архитектуре общества, основанных на цивилизационном подходе и традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества.

А. Тойнби, высказываясь о процессе исследовании различных типов цивилизаций, внесших свой вклад в создание «экуменической цивилизации», подчеркивал и опасность, связанную с ее возникновением в виде «потери личностной идентификации» и полнейшей унификации [13]. А. Тойнби таким образом пытался указать на недопустимость объединения мира в западной «системе координат», чрезмерно опирающейся на технократичность [14, с. 1–6].

В отношении тезиса о необходимости учета всего культурного многообразия мира при построении цивилизации логично сказать, что в этой связи почетное место в юридической науке занимают наработки юридической антропологии. Д.А. Пашенцевым относительно методологии историко-правовых исследований было указано: «Среди тех методологических трансформаций, которые представляются наиболее перспективными для дальнейшего развития историко-правовой науки, стоит выделить антропологический поворот... можно отметить формирование юридического антропоцентризма, который фактически выступает продолжением традиций социологической юриспруденции в её постклассическом (постнеклассическом) варианте. Антропоцентризм в таком понимании неразрывно связан с конструктивизмом» [15, с. 47].

А «конструктивизм» применительно к ткани социальных отношений предполагает, по нашему убеждению, архитектурную роль юриста, основа компетенции которого означает работу с множеством регуляторов общественных отношений (социальных регуляторов). Таким образом, и в исследованиях правовых явлений и работе с ними на практике качественный антропоцентричный скачок предполагает переход от сосредоточения на объекте (исследовании норм) к сосредоточению на субъекте (самом юристе как архитекторе правовой реальности и его методологическом аппарате). В призма этого взгляда применительно к историко-правовой науке Д.А. Пашенцев далее в своей работе отмечает, что «в ряде случаев господство позитивистских взглядов на историю права приводит к таким негативным аспектам, проявляющимся не только в отдельных статьях, но и в кандидатских диссертациях, как фактическое отождествление законодательства и права применительно к той или иной исторической эпохе, описательный характер работы. Исследование происходивших в правовой сфере процессов порой подменяется нарративом законодательных норм.

В качестве примера можно привести такие темы защищённых диссертаций, как «История развития законодательства о нотариате...», «История развития военного законодательства...», «История акционерного законодательства Российской империи...» и так далее. Для юриспруденции антропологический поворот связан с признанием роли человека как субъекта права в конструировании правовой реальности».

Аналогичной позиции, по нашему мнению, придерживается и О.А. Пучков, докторская диссертация которого сосредоточена на исследовании фундаментальных вопросов интеграции юридической антропологии в методологический аппарат деятельности юриста-практика и исследователя. Красной нитью через всю его работу, на наш взгляд, проходит доминирующая мысль о необходимости смещения акцента с формально-догматического метода исследования правовых явлений на метод, который был бы больше сфокусирован на определении места и роли самого человека в процессах юридической деятельности. Он отмечает, что задачей юридической антропологии является «открытие внутренних закономерностей осуществления юридической деятельности» [16, с. 350].

Л.В. Гумилев, [17] несмотря на большую критику современников методологической рамки его исследований, развивая концепцию «пассионарности» определенных людей,

чья внутренняя энергия и воля к свершениям непреодолимо превышают даже базовый инстинкт самосохранения, на наш взгляд, предпринял попытку демонстрации критической важности проведения антропологического анализа и учета человеческого фактора в любых исследованиях исторических процессов (в том числе и историко-правовых), эволюции государства и любых общественных явлений. Поскольку в его оптике движущей силой неожиданных общественных перемен выступает живой человек, наделенный специфической психосоматической энергией, способной существенно преобразовывать окружающую среду, изучение лишь институционально обусловленной среды и застывших явлений не способно обеспечить качественный адекватный горизонт прогнозирования. Для методологии современного юриста, включая юриста-архитектора, совершающего праксеологический антропологический поворот в сторону изучения прежде всего субъекта, а не только объекта, сказанное имеет решающее значение.

Позитивистский, чисто формально-догматический метод исследования, замкнутый внутри анализа застывших текстов бесплоден. Такой гносеологически обусловленный метод работы с правовой материей, реликтами правовой реальности ушедших эпох, принципиально не способен работать на опережение. Без учета антропологических посылок, динамики человеческого фактора и скрытых закономерностей зарождения «пассионариев» правовая догматика не способна формировать прогностическую аналитику, учитывать множественность общественных регуляторов, культурное многообразие этносов (и, соответственно, особенности их поведения и уклада жизни), психологическую детерминированность общественных явлений. Качественная прогнозная правовая аналитика и проектирование устойчивых гибридных регуляторных систем в условиях цифровой и зачастую правовой неопределенности возможны лишь при постепенном дополнении методологического аппарата правоведа и юриста-практика компетенцией антропологического исследования.

В конечном счете резюмируем, что основополагающе охарактеризовал антропологию права Ю.А. Веденеев «Именно антропологически ориентированная юриспруденция позволяет под новым углом зрения увидеть глубокие культурно-цивилизационные различия в исторических практиках организации систем социальной и политической коммуникации, в том числе важнейшей составляющей – социокультурной легитимации... Борьба за новое право – это одновременно и борьба за новые социальные, экономические и политические ценности. Ценности, легитимирующие изменения в системах юридической организации власти, собственности и управления. В этом плане именно границы и масштабы инерции и сопротивления изменениям в разработке и использовании нового юридического языка и дискурса составляют важнейший аспект предмета антропологии права» [18, с. 16, 22].

Касательно пункта «б» следует констатировать что развитие цифровых технологий, систем генеративного ИИ требует от правовой науки выхода на совершенно иной более высокий уровень способности к выработке методологических решений. Классическая «ремесленная» парадигма работы юриста, основанная на казуальном нормотворчестве и ретроактивном реагировании на юридическое событие в виде ситуативной адаптации готовых юридических шаблонов и форм документов, более не способна эффективно отвечать на вызовы экспоненциального развития технологических явлений. Генеративный ИИ уже сейчас во многих случаях способен эффективнее справляться со многими функциональными задачами деятельности юриста, составлявшими костяк компетентности юриста. К таким задачам относятся правовая экспертиза документов, подготовка ряда типовых и нетиповых документов, анализ судебной практики, формирование прогнозных аналитики [19] и т.д.

Относительно пункта «в» огромную степень актуальности приобретают слова Л. Лессига, профессора права Гарвардского университета и основателя «Creative Commons» (системы альтернативных по отношению к нынешнему копирайту публичных лицензий

на использование авторских произведений), высказанные в рамках дискурса в сфере интеллектуальной собственности, про феномен взаимодействия различных регуляторов общественных отношений с правом: «В мире доцифровых технологий закон обычно контролировал, в каких случаях и как следует регулировать чьи-либо действия с позиции копирайтного права... В интернете правила все больше и больше навязываются не человеком, а компьютером. Все больше и больше копирайтные порядки в интерпретации правообладателя встраиваются в технологию, поставляющую контент, охраняемый авторским правом. Управляет теперь код, а не закон» [20, с. 150].

Таким образом, юрист будущего (юрист-архитектор) в качестве методологической основы своей деятельности обязан овладеть компетенциями по работе с иными регуляторами общественных отношений наряду с правом. Работа лишь с материей позитивного права в условиях технологической и цифровой революции общества обрекает специалиста на профессиональное регрессирование до уровня ремесленника с обедненным инструментарием деятельности, не способного влиять на реальные социальные процессы.

По вопросу пункта «г» следует констатировать наличие в современной социологической и психологической науках огромного массива исследований, подтверждающих указанные проблемы (кризис идентичности личности, атомизация общества, дегуманизация и «макиавеллизация» межличностных и коллективных отношений, эскалация межпоколенческих конфликтов) [21]. Ввиду указанного особенно важное значение приобретает перспектива включения юридической антропологии в качестве не факультативного, а атрибутивного предмета изучения на юридических факультетах. Юрист при конструировании правовых рамок общественных отношений обязан понимать природу человека в качестве живой психосоматической целостности, уязвимой перед лицом тотальной алгоритмизации.

Относительно пункта «д» отметим, что проблема методологического наполнения инструментария юриста (его устаревание, размытость) до сих пор не является объектом пристального внимания в среде юридического сообщества. Обсуждение проблем неготовности методологического аппарата профессии перед лицом новых типов общественных отношений, регуляторов общественных отношений зачастую подменяется извечным диспутом о новых необходимых «цифровых навыках» в юридической деятельности. Так, к примеру, М.А. Дорофеева, Т.М. Самусенко, Д.В. Гонгорова, коллективно рассуждая о LegalTech направлении, будущем профессии, в качестве вывода в русле типичного дискурса о новых технологиях резюмируют, что привычные компетенции должны быть дополнены цифровой культурой, к которой авторы относят: «технологическую адаптивность как умение быстро обучаться новым технологиям; цифровое мышление как приоритет использования цифровых технологий в решении задач; принятие решений с применением анализа данных; эффективное использование цифровых каналов для любого взаимодействия; этика как понимание принципов поведения в цифровой среде; знание принципов информационной безопасности» [22, с. 344].

Этот привычный поверхностный, отдающий скорее обывательским, нежели научным взглядом, вывод оставляет без внимания концептуальную глубину методологического кризиса профессии в современном технологизированном обществе. Авторы де-факто в публицистическом стиле дают рекомендации повседневного характера, применимые к любому современному офисному сотруднику, от которого требуется умение использовать ПК в своей деятельности. И такая содержательно обедненная дискурсивная рамка настоящей проблематики не является проявлением единичного уникального взгляда на проблематику, а представляет собой абсолютно обыденную, масштабно ретранслируемую в публицистических и многих научных юридических работах оптику. В таких работах зачастую приводятся рассуждения о том «заменит ли ИИ юриста», «может ли робот писать законы вместо

живого человека» и т.п. [23, с. 289–291]. Указанное демонстрирует катастрофическое непонимание профессиональным сообществом глубинных причин методологического кризиса профессии в условиях цифровизации общества.

Так, юридической доктрине вместо постоянного подкрепления акцентуации на дихотомии «робот или человек», теоретизации вопросов о «субъектах ответственности за вред ИИ» требуется выработать методологически подкрепленные ответы на следующие фундаментальные вопросы, способные определить дальнейший вектор и качество развития юридической профессии и правовой реальности в целом:

1. В чем заключается онтология юридической профессии в контексте вызовов новой реальности? Помимо формально-догматического метода исследования и работы с правом (исследование содержания законов и работа с ними на практике) какими иными методами должен обладать юрист в правовой деятельности?

2. Как сформировать антропологический предел цифровизации права (как создать измеримую и эффективную антропологическую метрику при работе с цифровыми явлениями, абстрагируясь от простой декларации абстрактных этико-правовых принципов работы с цифровыми алгоритмами)?

3. Как преодолеть превалирование гносеологического или «нарративного» вектора исследований правовых явлений в методологии права в сторону праксеологического?

4. Каков методологический инструментарий юриста и его компетентностная модель в условиях правовой неопределенности, множественности регуляторов общественных отношений (помимо права) и нормативной инфляции? Каковы его методы проектирования и конструирования правовых материй в условиях цифровой реальности?

5. Как выстроить процесс реинтеграции или бесшовной интеграции права с иными регуляторами общественных отношений (рынок, алгоритмы, корпоративные стандарты и т.д.)? Среди всех социальных норм право никогда не было единственным регулятором общественных отношений. Цифровизация во всем мире продемонстрировала обстоятельность этого утверждения, оголив скрытый каркас множества гетерогенных нормативных систем, которые в определенных сферах общественной жизни управляют людьми гораздо быстрее, эффективнее и жестче. Классическая юриспруденция, имея гносеологический методологический инструментарий (привыкшая работать преимущественно с текстом позитивного права (законами) оказалась в ситуации методологического банкротства перед лицом этих невидимых доселе регуляторов общественной жизни (от алгоритмов модерации контента цифровыми платформами до архитектуры распределенных реестров).

6. Каковы пределы и содержания новой методологии юриста, способного инкорпорировать фундаментальные правовые ценности в код («Code as Law»)?

Относительно пункта «е» важно также отметить, что юридическая доктрина в настоящее время характеризуется отсутствием системной методологии профессиональной деятельности, что, иными словами, может быть передано в качестве отсутствия понимания в юридической науке и деятельности того, что именно составляет ядро юридической компетенции и каковы способы ее реализации в условиях усложняющейся социальной реальности и меняющегося миропорядка. В правоведении методология профессиональной деятельности в качестве совокупности учений представлена в меньшей степени в сравнении с методологией познания права. Так, методология познания права в ее, соответственно, гносеологическом выражении разработана достаточно детально, в то время как методология работы с правом в ее праксеологическом выражении находится в стадии становления и не обладает сопоставимой степенью концептуальной проработанности.

«Методология права до сих пор одномерно воспринимается лишь как комплекс теоретических принципов, подходов, способов и методов познания правовой реальности», как ранее было отмечено в совместной работе С.Ю. Кашкина и Р.З. Махмадиева [24, с. 58]. О важности методологического преобразования современной отечественной науки права говорит и В.Н. Синюков, отметивший, что «забыв о советской системе права и базовых

отраслях права, следует тем не менее продвинуться в понимании системной методологии рационального строительства структуры отечественного права, использовать советский опыт через гораздо большее разнообразие форм права и правоприменения. Для этого потребуются совершенно нетривиальные способы, формы и источники нормообразования» [25, с. 49].

Выводы

Принимая во внимание изложенное в настоящей работе, считаем необходимым сформулировать следующие заключительные положения.

- Методология права нуждается в коренном развороте от исторически доминировавшего гносеологического уклона в сторону выработки праксеологического и онтологического подходов. Современная юридическая наука должна перестать иметь доминирующую гносеологическую функцию, которая делает ее скорее познавательной дисциплиной, занятой пассивным описанием и толкованием застывших текстов позитивного права. Правоведение обязано предоставлять специалистам четкое понимание их методологического инструментария как инженеров и проектировщиков, способных проактивно конструировать жизнеспособные нормативно-технические и гибридные регуляторные среды (состоящие из разных социальных регуляторов) и эффективно действовать в перманентных состояниях правовой неопределенности и нормативной инфляции.
- Правовой антропоцентризм должен быть утвержден в качестве магистральной концепции правопонимания цифровой эпохи, выступающей одним из основных философско-правовых и аксиологических щитов для защиты отечественных духовно-нравственных ценностей. Являясь мощным собирательным понятием, правовой антропоцентризм аккумулирует в себе многовековое наследие естественно-правовых учений и солидаристские традиции русской философии права. Правовой антропоцентризм смещает фокус с обслуживания интересов платформенного капитала на подлинное благо человека, устанавливая незыблемые гуманистические фильтры против дегуманизации, алгоритмического отчуждения и когнитивного насилия цифровых алгоритмов и коммерческого интереса над личностью.
- Главным практическим продуктом правового антропоцентризма становится юрист-архитектор, который является социальным инженером (социальным архитектором) нового типа, в то время как фигура юриста-ремесленника должна постепенно уйти в небытие. Профессиональное сообщество обязано преодолеть кризис узкоцехового догматизма и прекратить превращение юриста в конвейерного «станочника» или делопроизводителя. Юрист-ремесленник, ограниченный слепым механическим позитивизмом, бессилен перед лицом цифровой революции. Ему на смену приходит юрист-архитектор, который кристаллизуется в качестве ключевого социального архитектора в самом подлинном онтологическом и аксиологическом смыслах этого слова, превосходя по уровню системного проектирования и гуманитарной ответственности смежные технологические профессии.
- Ключевым праксеологическим методом юриста-архитектора становится реинтеграция разнородных, неюридических регуляторов общественных отношений наряду с правом. В условиях существенной дифференциации регулятивных систем и усложнения нормативной структуры цифрового общества, юрист будущего обязан овладеть компетенциями по дирижированию мультирегуляторными средами, где право бесшовно переплетается с программным кодом (в значении концепции Code as Law), алгоритмами платформ, сетевой этикой и экономическими стимулами. Роль реинтегратора выражается в умении проводить глубокую, в том числе антропологическую и культурологическую оценку регулятивного потенциала различных социальных регуляторов, давать им автономное развитие и целенаправленно воздерживаться от жесткого правового вмешательства там, где иные социальные механизмы демонстрируют большую комплементарность и эффективность.

- Юридическая антропология должна быть взята за основу новой профессиональной компетентностной модели юриста и переведена из статуса факультатива в ранг фундаментального, обязательного предмета изучения на любых юридических факультетах на всем протяжении обучения юриста (в значении непрерывного образования: от скамьи колледжа до аспирантуры). Высшая юридическая школа обязана отказаться от восприятия человека в качестве абстрактной юридической фикции, обслуживающей только норму позитивного права. Программа профильных факультетов требует обязательного включения следующих антропологических дисциплин – юридической антропологии, этнологии, культурологии и социологии. Только такой междисциплинарный фундамент способен наделить юриста-архитектора инструментами антропологического аудита и пониманием живой природы человека, его когнитивной уязвимости и динамики пассионарной энергии в меняющемся цифровом ландшафте общества.

Список источников:

1. Афонасин, Е. В. Протагор из Абдер. Фрагменты и свидетельства / Е. В. Афонасин // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 309–338. – DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-309-338.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак., каф. истории государства и права; сост. В. А. Томсинов. – 2-е изд., доп. – Москва: Зерцало-М, 2004. – 549 с. – ISBN 5-94373-033-8.
3. Galanter, M. Why the "Haves" Come Out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change / M. Galanter // Law & Society Review. – 1974. – Vol. 9, No. 1. – P. 95–160.
4. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2021. – 770 с.
5. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – Москва: типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – [4], 337 с.
6. Стожко, Д. К. Диалектика регионализма и глобализма в контексте современного геополитического кризиса / Д. К. Стожко, К. П. Стожко // Вестник Пермского университета. Политология. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 28–37. – DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37.
7. Кожокар, И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование / И. П. Кожокар // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 56. – С. 158–186.
8. Пузько, В. И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации / В. И. Пузько // Философия и общество. – 2007. – № 4 (48). – С. 98–113.
9. Махмадиев, Р. З. Рождение юриста-архитектора: новая профессия для нового тысячелетия / Р. З. Махмадиев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 190–193. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_12_190.
10. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс; пер. со швед. Р. Л. Валинского [и др.]. – Москва: Наука, 1999. – 395 с. – ISBN 5-02-008330-5.
11. Шарахина, Л. В. Новые векторы стратегических коммуникаций: социальная архитектура как актуальная повестка / Л. В. Шарахина, В. А. Ачкасова // Litera. – 2025. – № 10. – С. 1–10. – DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091. – EDN: RUKGWO.
12. Махмадиев, Р. З. Аксиология *ius naturæ* в условиях современности (философско-правовые основы кризиса теории международного права прав человека) / Р. З. Махмадиев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 100–103.
13. Тойнби, А. Дж. Роль личности в истории / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – Москва: Астрель, 2012. – 222 с. – ISBN 978-5-271-41624-8.
14. Жданов, В. Л. Философия истории Тойнби в контексте глобальных мировых преобразований / В. Л. Жданов // Философская мысль. – 2019. – № 8. – С. 1–6. – DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830.
15. Пашенцев, Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях / Д. А. Пашенцев // Московский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 44–50.

16. Пучков, О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: теоретические основы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О. А. Пучков. – Екатеринбург, 2001. – 502 с.
17. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 669, [1] с. – ISBN 978-5-389-15673-9.
18. Веденеев, Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // *Lex Russica*. – 2016. – № 9 (118). – С. 9–26.
19. Петухова, Е. И. Искусственный интеллект и презумпция добросовестности: правовые границы предиктивной аналитики в государственном аудите / Е. И. Петухова // *Право и управление*. – 2026. – № 4.
20. Лессиг, Л. Свободная культура: как медиаконцерны используют технологии и законы для того, чтобы душить культуру и контролировать творчество / Л. Лессиг; пер. с англ. О. Данилова. – Москва: Прагматика культуры, 2007. – 269 с. – ISBN 5-98392-009-X.
21. Костоломова, М. В. Социальная реальность и процесс дегуманизации: новые смыслы / М. В. Костоломова // *Вестник НГУЭУ*. – 2020. – № 3. – С. 241–249.
22. Дорофеева, М. А. Новое будущее для юридической профессии: вызовы и возможности LegalTech / М. А. Дорофеева, Т. М. Самусенко, Д. В. Гонгорова // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2024. – № 3. – С. 337–346.
23. Щербачева, Л. В. Современные IT-технологии в юриспруденции / Л. В. Щербачева // *Образование и право*. – 2023. – № 9. – С. 289–291.
24. Кашкин, С. Ю. Правовой антропоцентризм как инструмент преодоления методологического кризиса профессии юриста / С. Ю. Кашкин, Р. З. Махмадиев // *Право и государство: теория и практика*. – 2026. – № 1. – С. 57–61. – DOI: 10.47643/1815-1337_2026_1_57. – EDN: IEGSAY.
25. Синюков, В. Н. Системная методология и закономерности правового регулирования / В. Н. Синюков // *Московский юридический журнал*. – 2017. – № 4. – С. 42–51.

References:

1. Afonasin E.V. Protagoras of Abdera. Fragments and testimonia. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2020;14(1):309–338. (In Russ.). DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-309-338.
2. Tomsinov V.A., compiler. *Anthology on the history of state and law of foreign countries: antiquity and the Middle Ages*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M; 2004. 549 p. (In Russ.). ISBN 5-94373-033-8.
3. Galanter M. Why the “Haves” come out ahead: speculations on the limits of legal change. *Law Soc Rev*. 1974;9(1):95–160.
4. Solovyov V.S. *The justification of the good*. Saint Petersburg: Azbuka-Atticus; 2021. 770 p. (In Russ.).
5. Chicherin B.N. *Philosophy of law*. Moscow: I.N. Kushnerev & Co.; 1900. 337 p. (In Russ.).
6. Stozhko D.K., Stozhko K.P. Dialectics of regionalism and globalism in the context of the contemporary geopolitical crisis. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2026;20(2):28–37. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37.
7. Kozhokar I.P. Legislative inflation: a theoretical and legal study. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;(56):158–186. (In Russ.).
8. Puzko V.I. The crisis of personal identity in the context of globalization. *Philosophy and Society*. 2007;4(48):98–113. (In Russ.).
9. Makhmadiev R.Z. The birth of a lawyer-architect: a new profession for the new millennium. *Law and State: Theory and Practice*. 2025;(12):190–193. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2025_12_190.
10. Anners E. *History of European law*. Moscow: Nauka; 1999. 395 p. (In Russ.). ISBN 5-02-008330-5.
11. Sharakhina L.V., Achkasova V.A. New vectors of strategic communications: social architecture as an urgent agenda. *Litera*. 2025;(10):1–10. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091. EDN: RUKGWO.
12. Makhmadiev R.Z. Axiology of ius naturæ in modern conditions (philosophical and legal foundations of the crisis of the theory of international human rights law). *Law and State: Theory and Practice*. 2025;(6):100–103. (In Russ.).
13. Toynbee A.J. *The role of the individual in history*. Moscow: Astrel; 2012. 222 p. (In Russ.). ISBN 978-5-271-41624-8.

14. Zhdanov V.L. Toynbee's philosophy of history in the context of global world transformations. *Philosophical Thought*. 2019;(8):1–6. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830.
15. Pashentsev D.A. Anthropocentrism as a way to overcome narrative in historical and legal research. *Moscow Legal Journal*. 2022;(3):44–50. (In Russ.).
16. Puchkov O.A. Legal anthropology and the development of the science of state and law: theoretical foundations [dissertation]. Yekaterinburg; 2001. 502 p. (In Russ.).
17. Gumilev L.N. *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Saint Petersburg: Azbuka; 2019. 670 p. (In Russ.). ISBN 978-5-389-15673-9.
18. Vedeneev Yu.A. Anthropology of law: between sociocultural traditions and innovations. *Lex Russica*. 2016;(9):9–26. (In Russ.).
19. Petukhova E.I. Artificial intelligence and the presumption of good faith: legal boundaries of predictive analytics in public audit. *Law and Management*. 2026;(4). (In Russ.).
20. Lessig L. Free culture: how big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity. Moscow: Pragmatika kulture; 2007. 269 p. (In Russ.). ISBN 5-98392-009-X.
21. Kostolomova M.V. Social reality and the process of dehumanization: new meanings. *Vestnik NSUEM*. 2020;(3):241–249. (In Russ.).
22. Dorofeeva M.A., Samusenko T.M., Gongorova D.V. The new future for the legal profession: challenges and opportunities of LegalTech. *Legal Policy and Legal Life*. 2024;(3):337–346. (In Russ.).
23. Shcherbacheva L.V. Modern IT technologies in jurisprudence. *Education and Law*. 2023;(9):289–291. (In Russ.).
24. Kashkin S.Yu., Makhmadiev R.Z. Legal anthropocentrism as a tool for overcoming the methodological crisis of the legal profession. *Law and State: Theory and Practice*. 2026;(1):57–61. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2026_1_57. EDN: IEGSAY.
25. Sinyukov V.N. System methodology and patterns of legal regulation. *Moscow Legal Journal*. 2017;(4):42–51. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. З. Махмадиев - аспирант кафедры Теории и истории права и государства, Российский новый университет, г.Москва, Россия.

R.Z. Makhmadiev - postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State, Russian New University, Moscow, Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 29.07.2026; одобрена после рецензирования 04.09.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 04.09.2026; accepted for publication 10.09.2026.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 68–79
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(3):68–79

Научная статья
УДК: 340.15:346.544.4:006.03
EDN: BQTMUQ

Правовые основы советской модели стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг в 1917–1991 гг.

Олег Павлович Тряев¹, Динар Рафаилович Зайнутдинов²

¹Казань, Россия, luxor08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6414-4599>

²Казанский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», Казань, Россия, knight_1988@mail.ru

²Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г.Казань, Россия

Аннотация

Цель. Целью настоящего исследования является историко-правовой анализ нормативных основ советской модели стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг в период 1917–1991 гг. Исследование направлено на выявление основных этапов формирования системы государственных стандартов, механизмов их реализации и правовых средств обеспечения качества и безопасности продукции в условиях плановой экономики.

Методы. В основу исследования положены историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Источниковую базу составили нормативные правовые акты Советского государства (декреты, постановления СНК и Совета Министров СССР, указы Президиума Верховного Совета, ведомственные акты Госстандарта), архивные материалы, а также научная литература по истории стандартизации и управлению качеством. Применен хронологический подход, позволивший выделить четыре основных периода развития советской стандартизации.

Результаты. Установлено, что советская система стандартизации прошла путь от единичных декретов о метрической системе (1918) и стандартизации экспортных товаров (1923) до создания всеобъемлющей Государственной системы стандартизации (ГСС, 1968), охватывавшей все отрасли народного хозяйства. Выявлена уникальная особенность советской модели: отсутствие парламентского закона о стандартизации на протяжении всего существования СССР при одновременном придании государственным стандартам силы закона. Проанализированы правовые механизмы обеспечения безопасности продукции.

Выводы. Советская модель стандартизации представляла собой уникальную правовую конструкцию, основанную на тотальной обязательности стандартов и уголовно-правовых санкциях за их нарушение. Несмотря на значительные технические достижения, система не смогла преодолеть системное противоречие между плановым характером экономики и задачами обеспечения качества. Закон СССР «О защите прав потребителей» (1991), впервые закрепивший обязательную сертификацию продукции, не вступил в силу из-за распада СССР, однако стал основой для последующего российского законодательства.

Ключевые слова: стандартизация, ГОСТ, советское право, безопасность товаров, Госстандарт СССР, качество продукции, метрология, сертификация, защита прав потребителей, нормативно-техническое регулирование, ОСТ, государственная система стандартизации, техническое регулирование, управление качеством

Для цитирования: Тряев О. П., Зайнутдинов Д. Р. Правовые основы советской модели стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг в 1917–1991 гг. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 68-79. EDN: BQTMUQ

Original article

Legal foundations of the soviet model of standardization and ensuring the safety of goods, works and services in 1917–1991

Oleg P. Tryaev¹, Dinar R. Zaynutdinov²

¹Kazan, Russia, luxor08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6414-4599>

²Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan, Russia,

²Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia, knight_1988@mail.ru

Abstract

Purpose. This study provides a comprehensive historical and legal analysis of the normative foundations of the Soviet model of standardization and ensuring the safety of goods, works, and services during the period 1917–1991. The research aims to identify stages in the formation of the state standards system, institutional mechanisms for their implementation, and legal means of ensuring product quality and safety under the planned economy.

Methods. The study employs historical-legal, formal-legal, and comparative-legal methods. The source base includes normative legal acts of the Soviet state (decrees, resolutions of the Council of People's Commissars and the Council of Ministers of the USSR, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet, departmental acts of Gosstandart), archival materials, and scholarly literature on the history of standardization and quality management. A chronological approach was applied, identifying four main periods of Soviet standardization development.

Results. It was established that the Soviet standardization system evolved from individual decrees on the metric system (1918) and export goods standardization (1923) to the creation of a comprehensive State Standardization System (GSS, 1968) covering all sectors of the national economy. A unique feature of the Soviet model was identified: the absence of a parliamentary law on standardization throughout the entire existence of the USSR, while simultaneously granting state standards the force of law. Legal mechanisms for ensuring product safety were analyzed, including criminal liability for the release of substandard goods, the state supervision system, and the Gospriemka experiment (1986–1990).

Conclusions. The Soviet standardization model represented a unique legal construction based on the total mandatory nature of standards and criminal sanctions for their violation. Despite significant technical achievements, the system could not overcome the systemic contradiction between the planned character of the economy and quality assurance objectives. The USSR Law 'On Consumer Rights Protection' (1991), which for the first time established mandatory product certification, never entered into force due to the dissolution of the USSR, but served as the basis for subsequent Russian legislation.

Keywords: standardization, GOST, Soviet law, product safety, Gosstandart USSR, product quality, metrology, certification, consumer protection, normative-technical regulation, OST, state standardization system, technical regulation, quality management

For citation: Tryaev, O. P., Zaynutdinov, D. R. Legal foundations of the Soviet model of standardization and ensuring the safety of goods, works and services in 1917–1991. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 68-79. (In Russ.) EDN: BQTMUQ

Введение

Стандартизация в Советском Союзе представляла собой фундаментальный правовой институт, определявший всю систему обеспечения качества и безопасности товаров, работ и услуг в условиях плановой экономики. За семь десятилетий советской власти была

создана уникальная нормативно-техническая система, не имевшая на тот момент прямых аналогов в мировой практике. Все государственные стандарты (ГОСТы) носили обязательный характер и имели силу закона, а их нарушение влекло уголовную ответственность [1; 2].

Актуальность историко-правового исследования советской модели стандартизации определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, тысячи советских ГОСТов продолжают действовать на постсоветском пространстве в качестве межгосударственных стандартов СНГ [3]. Во-вторых, современное российское законодательство о техническом регулировании (Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании») было во многом сформировано как реакция на недостатки советской модели тотальной обязательной стандартизации. В-третьих, опыт советской стандартизации представляет значительный научный интерес для сравнительного правоведения, поскольку демонстрирует альтернативную модель правового регулирования безопасности продукции, принципиально отличающуюся от западных подходов [4; 10], основанных на деликтной ответственности [4; 5].

Степень научной разработанности проблемы. История советской стандартизации рассматривалась преимущественно в техническом и организационном аспектах. Фундаментальные исследования представлены юбилейными изданиями под редакцией В.В. Бойцова [1; 2], М.И. Куфмана и В.Н. Чернягова [6], Г.П. Воронина [3]. Историко-правовой аспект наиболее полно раскрыт в диссертации Е.А. Чабан [7]. Историческое развитие государственной системы стандартизации в предвоенный и военный периоды детально исследовано Ю.Д. Бухариной [8]. Среди зарубежных работ выделяются исследования Дж. Берлинера, Е. Шульженко [9] и У. Конингхэма [10].

Цель настоящего исследования – историко-правовой анализ правовых основ советской модели стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг за весь период существования Советского государства (1917–1991).

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы правового исследования. Историко-правовой метод позволил проследить генезис и эволюцию нормативной базы стандартизации в хронологической последовательности. Формально-юридический метод использовался для анализа содержания конкретных нормативных правовых актов. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления различных этапов развития советской стандартизации, а также для выявления специфики советской модели в сравнении с зарубежными подходами [9; 10]. Применение системно-структурный метод дало возможность рассмотреть стандартизацию как элемент более широкой системы правового регулирования экономических отношений [7].

Источниковую базу исследования составили следующие группы источников. Первую группу образуют нормативные правовые акты Советского государства: декреты СНК РСФСР и СССР, постановления ЦИК и СНК, постановления Совета Министров СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров, ведомственные нормативные акты Госстандарта. Вторую группу составляют сами государственные стандарты (ГОСТ 1.0-68, ГОСТ 1.0-85, ГОСТ 1.9-67 и др.), являвшиеся одновременно и объектом, и источником правового регулирования. Третью группу представляют научные публикации в журналах «Стандарты и качество», «Стандартизация», «Вестник стандартизации» [11; 12], а также монографии и диссертационные исследования по истории стандартизации [13; 14]. Четвертую группу образуют материалы официальных сайтов Росстандарта, содержащие историческую справочную информацию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 по 1991 гг. В рамках данного периода выделены четыре основных этапа: становление советской стандартизации

(1917–1929), формирование и развитие системы ГОСТ (1930–1945), создание и функционирование Государственной системы стандартизации (1946–1985), позднесоветские реформы и попытки законодательного регулирования (1986–1991).

Результаты

Первым нормативным правовым актом, заложившим основы советской стандартизации, был Декрет СНК РСФСР от 14 сентября 1918 года «О введении международной метрической десятичной системы мер и весов»¹ [14; 15]. Декрет устанавливал международную метрическую систему в качестве основы всех измерений на территории Советской России, принимая метр и килограмм – иридиево-платиновые эталоны, полученные от Парижской конференции 1889 года. Полный переход первоначально планировался к 1 января 1922 года, однако фактическое завершение метрической реформы произошло лишь в 1927–1928 годах [1; 15].

Для координации реформы тем же декретом 14 сентября 1918 года была учреждена Межведомственная метрическая комиссия при Народном комиссариате торговли и промышленности, техническую поддержку обеспечивала Главная палата мер и весов. В 1922 году для производства и распространения метрических инструментов было создано государственное предприятие «Госмер» [15]. Метрическая реформа была дополнительно закреплена Постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 года, установившим обязательность метрической системы на всей территории Союза².

Параллельно с метрологической реформой начала формироваться стандартизация товаров. В 1919 году появились стандарты на хлопок, лен и шерсть [16]. Резолюция IX съезда РКП(б) (29 марта – 5 апреля 1920 года) затрагивала вопросы массового производства стандартизированных запасных частей для паровозов. Первым правовым актом, непосредственно посвященным стандартизации продукции, стало Постановление Совета Труда и Оборона (далее – СТО) РСФСР от 27 апреля 1923 года «О стандартизации экспортируемых товаров»³ [8, 16].

До 1925 года стандартизация была рассредоточена между несколькими ведомствами: Комитет эталонов и стандартов (КЭС) при Главмервесе (1922), Временное бюро стандартизации при НК РКП (1923), Бюро промышленной стандартизации при Высшем совете народного хозяйства (далее – ВСНХ; 1924), которое координировало деятельность более 100 отраслевых комиссий [8; 11]. ВСНХ издавал собственные нормативные акты по внедрению стандартов, в том числе Приказ ВСНХ СССР № 173 от 22 сентября 1928 года о контроле за соблюдением стандартов на предприятиях⁴ [7].

15 сентября 1925 года Постановлением СНК СССР было утверждено Положение о Комитете по стандартизации при СТО⁵ [1, 2]. Этим органом была введена единая категория общесоюзных стандартов (ОСТ), обязательных на всей территории страны. Первый ОСТ – ОСТ 1 «Пшеница. Селекционные сорта зерна. Номенклатура» – был утвержден 7 мая 1926 г. [11, 12]. К 1929 году было утверждено 318 ОСТов, а к 1931 году их число превысило 4114 [8].

¹ Декрет СНК РСФСР от 14 сентября 1918 г. «О введении международной метрической десятичной системы мер и весов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 66. Ст. 725.

² Постановление СНК СССР от 21 июля 1925 г. «О введении в Союзе ССР международной метрической системы мер и весов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. № 49. Ст. 365.

³ Постановление СТО РСФСР от 27 апреля 1923 г. «О стандартизации экспортируемых товаров» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1923. № 35. Ст. 380.

⁴ Приказ ВСНХ СССР от 22 сентября 1928 г. № 173 «О мерах к проведению в жизнь стандартизации в промышленности». Документ опубликован не был.

⁵ Постановление СНК СССР от 15 сентября 1925 г. «О Комитете по стандартизации при Совете Труда и Оборона» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. № 67. Ст. 503.

23 ноября 1929 года Постановление ЦИК и СНК СССР «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов»¹ ввело уголовные санкции – до пяти лет лишения свободы за систематический выпуск дефектной продукции и до двух лет за несоблюдение обязательных стандартов [7; 8]. Данным актом была установлена модель карательного обеспечения стандартизации, сохранявшуюся на протяжении всего советского периода.

1930-е годы ознаменовались значительной институциональной нестабильностью. 6 августа 1930 года Постановлением СНК СССР № 266² Комитет по стандартизации был реорганизован во Всесоюзный комитет по стандартизации (ВКС) при СТО – высший орган стандартизации в СССР [2; 8]. При ВКС впервые были объединены метрология и стандартизация. Главная палата мер и весов была передана в его ведение в 1930 году. ВКС создал первый Государственный план стандартизации (1930–1931), а в сентябре 1930 года учредил Высшую государственную инспекцию по качеству промышленной продукции (ВГИК) [8].

26 июня 1936 года Постановление СНК СССР № 1123³ ликвидировало ВКС, передав полномочия по разработке стандартов отдельным наркоматам [11; 12]. Этот эксперимент был впоследствии признан неудачным. Без центральной координации множились дублирование и несогласованность [8]. СНК сохранил за собой полномочия лишь по особо важным стандартам.

Восстановление централизованного управления произошло в 1940 году. 9 июля 1940 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1211 «О государственных общесоюзных стандартах и порядке их введения»⁴, которое заменило обозначение ОСТ на ГОСТ (государственный общесоюзный стандарт), создало Всесоюзный комитет по стандартизации при СНК СССР под председательством П.М. Зернова [17] и консолидировало всю работу по стандартизации в едином органе. На следующий день Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 года⁵ приравнял производство некачественной продукции к вредительству, установив наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет для директоров предприятий, главных инженеров и начальников ОТК [7; 17]. К 1941 году было разработано около 8600 государственных стандартов [2; 3].

В период Великой Отечественной войны (1941–1945) стандартизация являлась инструментом мобилизации производства. В июле 1941 года появилась новая категория – ГОСТ В (военные стандарты военного времени), многие из которых имели гриф секретности [18; 19]. Новые стандарты были направлены на максимальную экономию материалов, устанавливали заменители (например, ГОСТ В 1454–42 на заменители конструкционных углеродистых сталей), упрощали производственные процессы и вводили системы сортности, позволявшие ранее бракованной продукции находить альтернативное применение [18]. За годы войны было утверждено свыше 2200 новых стандартов, пересмотрено 1270 действующих и внесено более 1000 изменений [19]. Только военный стандарт ГОСТ В 984–43 на артиллерийскую сталь дал годовую экономию около 100 000 тонн материала.

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 г. «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1929. № 71. Ст. 670.

² Постановление СНК СССР от 6 августа 1930 г. № 266 «О реорганизации Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне во Всесоюзный комитет по стандартизации при Совете Труда и Обороне Союза ССР» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1930. № 41. Ст. 432.

³ Постановление СНК СССР от 26 июня 1936 г. № 1123 «О реорганизации дела стандартизации» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 35. Ст. 313.

⁴ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 9 июля 1940 г. № 1211 «О государственных общесоюзных стандартах и порядке их введения». Документ опубликован не был.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 23.

В послевоенный период (1945–1954) происходила частая реорганизация. ВКС был поглощен Гостехникой СССР (1948), восстановлен как независимое Управление по стандартизации при Совете Министров (1951), включен в состав Госплана (1953) и окончательно воссоздан в 1954 году как Комитет стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР, объединивший стандартизацию с метрологией в устойчивую форму [2; 3].

Период с середины 1950-х по 1970-е годы стал временем полного становления советской системы стандартизации. Комитет 1954 года был переименован в Государственный комитет стандартов Совета Министров СССР (1970), затем в Государственный комитет СССР по стандартам [2; 20]. Под руководством многолетнего председателя В.В. Бойцова (1963–1985), который в 1977–1979 годах занимал пост Президента ИСО и получил от зарубежных коллег неофициальное звание «первого в мире министра стандартизации», комитет был превращен в мощный централизованный регулятор [1; 3].

Базовым правовым актом сформировавшейся системы было Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1965 года № 16 «Об улучшении работы по стандартизации в стране»¹, которое привело к созданию Государственной системы стандартизации (ГСС) в 1968 году [2; 11]. Утвержденная Госстандартом 30 августа 1968 года, ГСС включала комплекс стандартов, начинающихся с ГОСТ 1.0-68 «ГСС. Основные положения», который установил четыре категории нормативных документов в строгой иерархии: ГОСТ (государственные стандарты, обязательные на всей территории СССР), ОСТ (отраслевые стандарты), РСТ (республиканские стандарты) и СТП (стандарты предприятий), дополняемые ТУ (техническими условиями) [13; 20]. ГСС была пересмотрена в 1985 году Постановлением Совмина СССР от 7 января 1985 года № 13², которое возвело стандартизацию в ранг «первоочередного вида работ» на предприятиях [3; 20].

Параллельно с системой стандартизации в СССР была разработана уникальная линейка систем управления качеством [21]. Система БИП (бездефектного изготовления продукции), внедренная в 1955 году на Саратовском авиационном заводе, ввела количественную оценку качества труда работников через процент продукции, принятой ОТК с первого предъявления [21, 22]. Система КАНАРСПИ (Качество, Надежность, Ресурс С Первых Изделий), разработанная в 1958 году на горьковских предприятиях под руководством главного инженера Т.Ф. Сейфи, перенесла акцент обеспечения качества на стадию проектирования [22]. Система НОРМ увеличила ресурс двигателей с 4000 до 10 000 часов до первого капитального ремонта.

Сформированные системы нашли свое завершение в Комплексной системе управления качеством продукции (КС УКП), разработанной ВНИИС Госстандарта в начале 1970-х годов и апробированной на предприятиях Львова, а затем рекомендованной к общесоюзному внедрению Постановлением ЦК КПСС [21; 22]. КС УКП использовала стандарты предприятий (СТП) в качестве организационной основы и впоследствии была признана предшественницей стандартов ИСО серии 9000 [9].

Государственный Знак качества – знаковый пятиугольник с повернутой буквой «К» – был учрежден ГОСТ 1.9-67, утвержденным 7 апреля 1967 года [3; 20]. Продукция, аттестованная по высшей категории качества государственными аттестационными комиссиями, получала право маркировки данным знаком на срок от 2 до 3 лет с возможностью переаттестации. Продукция классифицировалась на высшую, первую и вторую категории качества. Государственный Знак качества был отменен в 1987 году без замены [3].

На уровне предприятий каждое промышленное производство располагало ОТК (отделом технического контроля), руководители которого несли уголовную ответственность

¹ Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1965 г. № 16 «Об улучшении работы по стандартизации в стране» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 4. Ст. 25.

² Постановление Совета Министров СССР от 7 января 1985 г. № 13 «Об организации работы по стандартизации в СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1985. № 6. Ст. 24.

по статье 152 УК РСФСР 1960 года¹ – до трех лет лишения свободы за повторный или крупномасштабный выпуск дефектной продукции [7; 23]. Директора и главные инженеры несли аналогичную ответственность. Структурный конфликт интересов был очевиден: ОТК был подчинен администрации предприятия, которая отдавала приоритет выполнению плана, иногда в ущерб качеству [4; 5].

Внешний надзор осуществлялся инспекторами госнадзора Госстандарта, ведомственными инспекциями качества отраслевых министерств и прокуратурой, обладавшей полномочиями общего надзора и правом возбуждения уголовных дел [23]. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 апреля 1985 года № 1² разъяснило, что для привлечения к уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции достаточно как умышленной, так и неосторожной формы вины. Административная ответственность за продукцию, не соответствующую требованиям стандартов, была введена в 1984 году [7].

Права потребителей в сфере гражданского права были закреплены в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года: статья 246³ устанавливала право покупателя на замену товара, соразмерное уменьшение цены, безвозмездное устранение недостатков или расторжение договора с возмещением убытков [23] при ненадлежащем качестве товара. Однако формального определения понятия «потребитель» в советском праве не существовало вплоть до 1991 года. К системам стандартов, связанным с безопасностью, относилась ССБТ (Система стандартов безопасности труда), разрабатывавшаяся с 1970 года и регулировавшая вопросы охраны труда [13; 14].

Наиболее амбициозной позднесоветской инициативой в сфере качества стала Государственная приемка (Госприемка), введенная Постановлением ЦК КПСС и Совмина от 12 мая 1986 года⁴ и конкретизированная Постановлением Совмина № 542 [4; 24] того же года. По образцу военной приемки (институт военпредов) на 1500 ключевых предприятий было направлено около 50 000 независимых инспекторов, подчиненных непосредственно Госстандарту и не зависящих от администрации предприятий [24].

Результаты оказались удручающими. На ленинградском заводе «Электросила» в январе 1987 года лишь 7 % продукции было принято с первого предъявления [24]. Госприемка привела к срыву плановых заданий, потере заработной платы рабочими и массовому недовольству. Фактически эксперимент был свернут к концу 1987 года, а формально Госприемка прекратила деятельность в 1990–1991 годах [4; 5; 24]. Внешнее принуждение оказалось не способно компенсировать системное несоответствие между плановым характером экономики и задачами обеспечения качества.

Последние годы существования Советского Союза ознаменовались значительными, но не реализованными законодательными усилиями. Закон СССР от 22 мая 1991 года № 2184-I «О защите прав потребителей»⁵ [25] стал первым в советской истории законодательным актом о защите прав потребителей. Он ввел обязательную сертификацию продукции, впервые в советском праве определил понятие «потребитель», установил права на безопасность, качество, информацию и компенсацию, включая моральный вред, а также запретил ведомственные документы, ущемляющие интересы потребителей. Закон должен

¹ Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 апреля 1985 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 3.

³ Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1986 г. № 540 «О мерах по коренному повышению качества продукции» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1986. № 24. Ст. 139.

⁵ Закон СССР от 22 мая 1991 г. № 2184-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 24. Ст. 689.

был вступить в силу 1 января 1992 года, однако никогда не вступил в действие из-за распада СССР. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 года № 2300-I был непосредственно основан на его тексте.

За всю историю СССР не был принят отдельный Закон СССР «О стандартизации» [7]. Советская стандартизация на протяжении всего своего существования опиралась исключительно на постановления Совмина, совместные постановления ЦК КПСС и Совмина, а также на саму систему ГОСТов, имевших силу закона. Первый парламентский закон о стандартизации – Закон РФ «О стандартизации» – был принят лишь 10 июня 1993 года Российской Федерацией.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года № 2211-I¹ вступили в силу 1 января 1992 года и содержали расширенные положения о качестве продукции (статьи 76–77) и средствах защиты прав потребителей [25].

В сфере международного сотрудничества СССР являлся одним из 25 государств-основателей ИСО в 1946 году, а русский язык стал одним из трех официальных языков организации наряду с английским и французским [3, 20]. Советские представители трижды занимали пост Президента ИСО: [1] Андрей Вяткин (1962–1964), Василий Бойцов (1977–1979) и Борис Алешин (2011–2012). СССР также являлся членом МЭК и осуществлял координацию стандартов в рамках СЭВ [20].

Правопреемство было оформлено Указом Президента РСФСР от 26 ноября 1991 года № 237 о создании Госстандарта РСФСР и Указом Президента РФ от 18 декабря 1991 года № 304, объявившим его правопреемником Госстандарта СССР [3]. Соглашение СНГ от 13 марта 1992 года признало действующие ГОСТы межгосударственными стандартами – статус, который многие из них сохраняют по сей день [3, 20]. К числу таких стандартов относятся, в частности, ГОСТ 12.1.005-88 «Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны», стандарты Единой системы конструкторской документации (ЕСКД, серия ГОСТ 2) и Системы стандартов безопасности труда (ССБТ, серия ГОСТ 12), базовые редакции которых были разработаны в советский период и продолжают применяться в Российской Федерации и государствах – участниках СНГ.

Обсуждение

Первой и наиболее значимой особенностью советской модели правового регулирования стандартизации и безопасности продукции является тотальная обязательность стандартов [4; 9; 10]. В отличие от западных правовых систем, где стандарты преимущественно носят добровольный характер (с отдельными обязательными техническими регламентами), в СССР все ГОСТы имели силу закона [7]. Нормативно-технический документ, разработанный ведомственным органом (Госстандартом), обладал юридической силой, эквивалентной законодательному акту, принятому высшим представительным органом государственной власти.

Второй особенностью является отсутствие парламентского закона о стандартизации. За весь советский период стандартизация регулировалась исключительно подзаконными актами – постановлениями правительства и совместными постановлениями партии и правительства. С одной стороны, благодаря этому обеспечивалась гибкость управления, но с другой – создавалась правовую неопределенность относительно иерархии нормативных актов и полномочий Госстандарта [7; 8].

Третьей особенностью является доминирование уголовно-правовых санкций в системе обеспечения стандартов. От Постановления ЦИК и СНК 1929 года до Указа Президиума Верховного Совета 1940 года и статьи 152 УК РСФСР 1960 года прослеживается

¹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

устойчивая тенденция к использованию карательных мер как основного инструмента обеспечения качества. Ни одна другая правовая система не применяла столь жестких уголовных санкций за нарушение стандартов продукции [10].

Четвертой особенностью является структурное противоречие между плановой экономикой и задачами обеспечения качества. Приоритет количественных показателей плана над качественными создавал системный конфликт интересов: предприятия были заинтересованы в максимизации объема выпуска [4; 5], а не в повышении качества. ОТК, подчиненный администрации предприятия, не мог эффективно противодействовать давлению плановых органов.

Пятой особенностью является запоздалое формирование правового института защиты прав потребителей. До 1991 года советское право не содержало самостоятельного определения «потребителя» и не предусматривало специальных механизмов защиты его прав [25]. Гражданско-правовые средства защиты (ст. 246 ГК РСФСР 1964 г.) были ограничены по объему и на практике малоэффективны.

Сопоставление советской модели с современным российским подходом, основанным на Федеральном законе «О техническом регулировании» 2002 года, позволяет говорить о радикальной смене парадигмы: от тотальной обязательности всех стандартов к разграничению обязательных технических регламентов (устанавливающих минимальные требования безопасности) и добровольных стандартов (ориентированных на лучшие практики) [9].

Заключение

Советская модель стандартизации и обеспечения безопасности товаров, работ и услуг прошла сложный эволюционный путь от единичных декретов о метрической системе (1918) до создания всеобъемлющей Государственной системы стандартизации (1968), охватывавшей все отрасли народного хозяйства. К концу советского периода было разработано свыше 25 000 ГОСТов [3; 20].

Уникальной правовой особенностью советской модели являлось отсутствие парламентского закона о стандартизации на протяжении всего существования СССР при одновременном придании государственным стандартам силы закона. Вся система опиралась на постановления правительства, совместные постановления ЦК КПСС и Совмина, а также на ведомственные нормативные акты Госстандарта [7].

Правовые механизмы обеспечения безопасности продукции основывались на сочетании уголовных санкций, государственного надзора и ведомственного контроля [7; 23]. При этом структурное противоречие между плановым характером экономики (приоритет количественных показателей) и задачами обеспечения качества оставалось нерешенным.

Закон СССР «О защите прав потребителей» (1991), впервые закрепивший обязательную сертификацию продукции и определивший понятие «потребитель», не вступил в силу из-за распада Советского Союза, однако стал правовой основой для последующего российского законодательства [25].

Наследие советской модели стандартизации оказалось более долговечным, чем создавшее его государство. Тысячи советских ГОСТов, признанных межгосударственными стандартами СНГ Соглашением от 13 марта 1992 года, продолжают действовать на постсоветском пространстве спустя более трех десятилетий после распада СССР [3, 20]. Изучение правовых основ советской стандартизации остается актуальным как для понимания генезиса современного технического регулирования, так и для сравнительного правоведения. Не менее значим практический аспект обращения к советскому опыту: учёт его системных противоречий позволяет избежать повторения характерных для советской модели ошибок в ходе дальнейшего совершенствования отечественной системы технического регулирования и стандартизации.

Список литературы

1. Стандартизация в народном хозяйстве СССР. 1917–1967 / под ред. В. В. Бойцова. – Москва: Изд-во стандартов, 1967. – 274 с.
2. Стандартизация в СССР. 1925–1975 / под ред. В. В. Бойцова. – Москва: Изд-во стандартов, 1975. – 471 с.
3. Стандартизация в России: 1925–2000. 75 лет / Гос. ком. Рос. Федерации по стандартизации и метрологии ; под ред. Г. П. Воронина. – Москва: ИПК Изд-во стандартов, 2000. – 342 с. – ISBN 5-7050-0454-0.
4. Berliner, J. S. Soviet Industry from Stalin to Gorbachev: Essays on Management and Innovation / J. S. Berliner. – Aldershot: Edward Elgar, 1988. – XI, 306 p. – ISBN 1-85278-060-6.
5. Berliner, J. S. The Innovation Decision in Soviet Industry / J. S. Berliner. – Cambridge: MIT Press, 1976. – XII, 361 p. – ISBN 0-262-02118-8.
6. Куфман, М. И. 60 лет стандартизации в СССР, 1925–1985: основные события и факты / М. И. Куфман, В. Н. Чернягова. – Москва: Изд-во стандартов, 1985. – 152 с.
7. Чабан, Е. А. Организационно-правовые основы стандартизации в советском государстве (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чабан Евгений Александрович. – Краснодар, 2007. – 198 с.
8. Бухарина, Ю. Д. История развития государственной системы стандартизации СССР в период 1925–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Бухарина Юлия Дмитриевна. – Курск, 2013. – 203 с.
9. Shulzhenko, E. Reforming the Russian Industrial Workplace: International Management Standards Meet the Soviet Legacy / E. Shulzhenko. – London; New York: Routledge, 2017. – XIV, 198 p. – ISBN 978-1-138-69202-2. – <https://doi.org/10.4324/9781315533377>.
10. Conyngham, W. J. The Modernization of Soviet Industrial Management: Socioeconomic Development and the Search for Viability / W. J. Conyngham. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. – XI, 332 p. – ISBN 0-521-24381-5.
11. Шухгальтер, Л. Я. У истоков отечественной стандартизации / Л. Я. Шухгальтер // Стандарты и качество. – 1967. – № 11. – С. 9-11.
12. Шухгальтер, Л. Я. Исторический очерк развития стандартизации СССР (1925–1975 гг.) / Л. Я. Шухгальтер // Стандарты и качество. – 1975. – № 1. – С. 68-72.
13. Крылова, Г. Д. Основы стандартизации, сертификации, метрологии: учебник для вузов / Г. Д. Крылова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 671 с. – ISBN 978-5-238-01295-7.
14. Лифиц, И. М. Стандартизация, метрология и подтверждение соответствия: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / И. М. Лифиц. – 13-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 363 с. – ISBN 978-5-534-08669-0.
15. Мищенко, С. В. История метрологии, стандартизации, сертификации и управления качеством: учеб. пособие / С. В. Мищенко, С. В. Пономарев, Е. С. Пономарева, Р. Н. Евлахин, Г. В. Мозгова. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 112 с. – ISBN 5-8265-0253-3.
16. Александрова, А. А. Возникновение и развитие стандартов в СССР (1917–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Александрова Аза Анваровна. – Москва, 1971. – 24 с.
17. Дунаевский, С. Н. 70 лет назад его называли «ГОСТ» / С. Н. Дунаевский, А. А. Потапова // Стандарты и качество. – 2010. – № 8. – С. 47-49. – EDN: MTVTZD.
18. Ямова, З. Д. Стандартизация в период Великой Отечественной войны / З. Д. Ямова // Стандартизация. – 1965. – № 9. – С. 8-12.
19. Ямова, З. Д. Основные этапы развития стандартизации в СССР / З. Д. Ямова // Стандартизация. – 1965. – № 8. – С. 28-32.
20. Стандартизация в России. 1925–2005 / Федер. агентство по техн. регулированию и метрологии: под общ. ред. Г. И. Элькина. – Москва: КВФ «Интерстандарт», 2005. – 245 с. – ISBN 5-9900553-1-5.
21. Антология русского качества: сборник / под ред. Б. В. Бойцова, Ю. В. Крянева. – 3-е изд., доп. – Москва: Стандарты и качество, 2000. – 432 с. – ISBN 5-230-901397-06-1.
22. Белобрагин, В. Я. Этапы развития стандартизации: 1925–1963 гг. / В. Я. Белобрагин // Стандарты и качество. – 2005. – № 7. – С. 40-41.
23. Савич, Н. М. Развитие законодательства о стандартизации и качестве продукции за 50 лет / Н. М. Савич // Научные труды. Основные проблемы развития стандартизации и управления качеством: науч. тр. / под ред. Б. В. Федина. – Москва, 1975. – Вып. 25. – С. 117-129.

24. Коровкин, И. А. Роль стандартизации в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / И. А. Коровкин, В. В. Шильдин, Е. Р. Петросян, С. А. Подлепа, Ж. Н. Будённая // Стандарты и качество. – 2000. – № 3. – С. 6-9.

25. Белобрагин, В. Я. Территориальные органы Госстандарта СССР / В. Я. Белобрагин. – Москва: Изд-во стандартов, 1988. – 111 с.

References

1. Boytsov V.V., ed. *Standardization in the national economy of the USSR. 1917–1967*. Moscow: Standards Publ.; 1967. 274 p. (In Russ.).

2. Boytsov V.V., ed. *Standardization in the USSR. 1925–1975*. Moscow: Standards Publ.; 1975. 471 p. (In Russ.).

3. Voronin G.P., ed. *Standardization in Russia, 1925–2000. 75 years*. Moscow: IPK Standards Publ.; 2000. 342 p. ISBN 5-7050-0454-0. (In Russ.).

4. Berliner J.S. *Soviet industry from Stalin to Gorbachev: essays on management and innovation*. Aldershot: Edward Elgar; 1988. XI, 306 p. ISBN 1-85278-060-6.

5. Berliner J.S. *The innovation decision in Soviet industry*. Cambridge: MIT Press; 1976. 574 p. ISBN 0-262-02118-8. DOI: 10.1604/9780262021180.

6. Kufman M.I., Chernyagova V.N. *60 years of standardization in the USSR, 1925–1985: key events and facts*. Moscow: Standards Publ.; 1985. 152 p. (In Russ.).

7. Chaban E.A. Organizational and legal foundations of standardization in the Soviet state (historical-legal aspect) [dissertation]. Krasnodar; 2007. 198 p. (In Russ.). EDN: ZNFBNH.

8. Bukharina Yu.D. History of the development of the state standardization system of the USSR in the period 1925–1945 [dissertation]. Kursk; 2013. 203 p. (In Russ.).

9. Shulzhenko E. *Reforming the Russian industrial workplace: international management standards meet the Soviet legacy*. London; New York: Routledge; 2017. XIV, 198 p. ISBN 978-1-138-69202-2. DOI: 10.4324/9781315533377.

10. Conyngham W.J. The modernization of Soviet industrial management: socioeconomic development and the search for viability. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 1982. XI, 332 p. ISBN 0-521-24381-5.

11. Shukhgalter L.Ya. At the origins of domestic standardization. *Standarty i kachestvo*. 1967;(11):9–11. (In Russ.).

12. Shukhgalter L.Ya. Historical essay on the development of standardization in the USSR (1925–1975). *Standarty i kachestvo*. 1975;(1):68–72. (In Russ.).

13. Krylova G.D. *Fundamentals of standardization, certification, metrology*. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: YUNITI-DANA; 2003. 671 p. ISBN 5-238-00524-5. (In Russ.).

14. Lifits I.M. *Standardization, metrology and conformity assessment*. 13th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt; 2019. 363 p. ISBN 978-5-534-08669-0. (In Russ.).

15. Mishchenko S.V., Ponomarev S.V., Ponomareva E.S., Evlakhin R.N., Mozgova G.V. *History of metrology, standardization, certification and quality management*. Tambov: TSTU Publ.; 2004. 112 p. ISBN 5-8265-0253-3. EDN: QMDXAP. (In Russ.).

16. Aleksandrova A.A. *The emergence and development of standards in the USSR (1917–1940)* [dissertation abstract]. Moscow; 1971. 24 p. (In Russ.).

17. Dunaevskiy S.N., Potapova A.A. 70 years ago it was called 'GOST'. *Standarty i kachestvo*. 2010;(8):47–49. EDN: MTVTZD. (In Russ.).

18. Yamova Z.D. Standardization during the Great Patriotic War. *Standartizatsiya*. 1965;(9):8–12. (In Russ.).

19. Yamova Z.D. Main stages of standardization development in the USSR. *Standartizatsiya*. 1965;(8):28–32. (In Russ.).

20. Elkin G.I., ed. *Standardization in Russia. 1925–2005*. Moscow: KVCF "Interstandart"; 2005. 245 p. ISBN 5-9900553-1-5. EDN: QMERHN. (In Russ.).

21. Boytsov B.V., Kryanev Yu.V., eds. *Anthology of Russian quality*. 3rd ed., suppl. Moscow: Standarty i kachestvo; 2000. 432 p. ISBN 5-230-901397-06-1. (In Russ.).

22. Belobragin V.Ya. Stages of standardization development: 1925–1963. *Standarty i kachestvo*. 2005;(7):40–41. (In Russ.).

23. Savich N.M. Development of legislation on standardization and product quality over 50 years. *Nauchnye trudy: Main problems of standardization development and quality management*. Moscow; 1975. Issue 25:117–129. (In Russ.).

24. Korovkin I.A., Shildin V.V., Petrosyan E.R., Podlepa S.A., Budyonnaya Zh.N. The role of standardization during the Great Patriotic War 1941–1945. *Standarty i kachestvo*. 2000;(3):6–9. (In Russ.).

25. Belobragin V.Ya. *Territorial bodies of Gosstandart of the USSR*. Moscow: Standards Publ.; 1988. 111 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О.П. Тряев - частнопрактикующий юрист, преподаватель-исследователь.

Д.Р. Зайнутдинов - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»; профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»

Information about the authors

O. P. Tryaev - private practice lawyer in Kazan, research teacher

D.R. Zaynutdinov - Doctor of Sciences in Law, professor department of theory and history of law and state, Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev; professor department of theory of state and law and public disciplines, «Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)»

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declares no conflict of interest.

Статья поступила 10.06.2026; одобрена после рецензирования 25.08.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 25.08.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Научная статья
УДК 343.13
EDN: NSSXJK

Структура и особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.)

Анастасия Сергеевна Бердичевская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
tsvetkova.ns@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье предлагается структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.), объединяющая формально-юридические и политико-идеологические регуляторы в целостную систему. Актуальность исследования советского опыта обусловлена современными дискуссиями о допустимых пределах соединения правовых и политических средств в обеспечении государственной безопасности.

Цель статьи состоит в разработке структурной модели правового механизма охраны основ государственного строя СССР, позволяющей обосновать внутреннюю организацию, особенности его функционирования и взаимодействия структурных элементов.

Методы. Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший выявить устойчивые связи между уровнями и подсистемами механизма. Историко-правовой метод применен для выявления особенностей структуры правового механизма в исторической динамике. Формально-юридический метод использован для разграничения формально-определенных юридических предписаний и оценочных норм. С помощью метода правового моделирования построена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Результаты и выводы. Предложена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР, включающая нормативный и ненормативный уровни и право-устанавливающую, институциональную и функциональную подсистемы, связанные прямыми и обратными связями. Нормативный уровень задает формальные рамки охранительной деятельности государства, ненормативный уровень определяет ее фактическое содержание под влиянием политико-идеологических регуляторов.

Под структурой правового механизма основ государственного строя СССР в исследовании понимается устойчивая организация данной системы, раскрывающая состав ее элементов, их иерархию и функциональные связи. Структурная модель может быть использована как теоретическая основа для историко-правового исследования эволюции правового механизма охраны основ государственного строя СССР в 1946-1991г.

Ключевые слова: правовой механизм, правовая охрана, основы государственного строя СССР, Советское государство, государственные преступления, государственная безопасность, структура правового механизма

Для цитирования: Бердичевская А.С. Структура и особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 80-90. EDN: NSSXJK

Original article

Structure and features of functioning of the legal mechanism for protecting the fundamentals of the state system of the USSR (1946-1991)

Anastasia S. Berdichevskaya

S Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
tsvetkova.ns@bk.ru

Abstract.

Introduction.

The article proposes a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR (1946-1991), combining formal-legal and political-ideological regulators into an integral system. The relevance of the study of the Soviet experience is due to modern discussions about the permissible limits of combining legal and political means in ensuring state security.

The **purpose** of the article is to develop a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR, which makes it possible to substantiate the internal organization, features of its functioning and the interaction of structural elements.

Methods. The methodological basis of the study was a systematic approach, which made it possible to identify stable connections between the levels and subsystems of the mechanism. The historical-legal method is used to identify the features of the structure of the legal mechanism in historical dynamics. The formal legal method is used to distinguish between formally defined legal regulations and evaluative norms. Using the method of legal modeling, a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR was built.

Results and conclusions. A structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR is proposed, including normative and non-normative levels and law-establishing, institutional and functional subsystems connected by direct and feedback connections. The normative level sets the formal framework for the state's protective activities; the non-normative level determines its actual content under the influence of political and ideological regulators. In the study, the structure of the legal mechanism of the foundations of the USSR state system is understood as a stable organization of this system, revealing the composition of its elements, their hierarchy and functional connections. The structural model can be used as a theoretical basis for a historical and legal study of the evolution of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR in 1946-1991.

Key words: legal mechanism, legal protection, foundations of the state system of the USSR, Soviet state, state crimes, state security, structure of the legal mechanism

For citation: Berdichevskaya, A. S. Structure and features of functioning of the legal mechanism for protecting the fundamentals of the state system of the USSR (1946-1991). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 80-90. (In Russ). EDN: NSSXJK

Введение

В современных условиях, когда во многих странах мира пересматриваются подходы к обеспечению государственной безопасности, а правоохранительные органы сталкиваются с разнообразными проявлениями экстремизма, обращение к историческому опыту соединения правовых и политических механизмов охраны государственных устоев приобретает особое значение.

Правовой механизм охраны основ государственного строя СССР сочетал юридические предписания с партийно-идеологическими установками. Такая двойственная природа не укладывается в рамки традиционного инструментального подхода и требует структурной реконструкции, позволяющей объяснить взаимодействие его элементов.

Научная значимость исследования состоит в разработке структурной модели механизма охраны основ государственного строя СССР, объединяющего формально-юридические и партийно-идеологические регуляторы. Реконструкция позволяет выявить системные связи между этими разнородными элементами и определить характер их взаимодействия в процессе охраны основ государственного строя СССР.

Исходя из этого **цель** статьи состоит в разработке структурной модели правового механизма охраны основ государственного строя СССР, позволяющей обосновать внутреннюю организацию, особенности его функционирования и взаимодействия структурных элементов.

Методологическую основу исследования составил системный подход, в рамках которого правовой механизм рассматривается как целостная система взаимосвязанных элементов. Его применение позволило не ограничиваться описанием отдельных институтов, а выявить устойчивые связи между уровнями и подсистемами рассматриваемого механизма.

С помощью историко-правового метода проанализированы законодательные акты, подзаконные и ведомственные документы, материалы правоприменительной практики, а также партийно-государственные решения в их хронологической динамике.

Формально-юридический метод использован для разграничения формально-определенных юридических предписаний и оценочных норм. С помощью метода правового моделирования построена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Дискуссия

Разграничение, учитывающее как нормативные, так и ненормативные, но институционально значимые регуляторы, отличает предлагаемый в исследовании теоретический подход от инструментального подхода к правовому механизму как системе юридических средств [1, с. 10,11].

Вышеназванные регуляторы существовали не обособленно. Они взаимодействовали, корректировали действие друг друга, образуя в совокупности два уровня организации рассматриваемого правового механизма. Критерием разграничения уровней выступает способ включения регулятора в правовой механизм охраны.

Нормативный уровень задавал формальные рамки охранительной деятельности, устанавливая, что именно запрещено, кто уполномочен применять меры принуждения и в каком процессуальном порядке. Поэтому его образуют формально закрепленные правовые предписания, действующие в силу их юридической обязательности.

На ненормативном уровне корректировалось фактическое содержание охранительной деятельности исходя из политико-идеологических приоритетов советской системы в отдельные исторические периоды. На этом уровне происходила корректировка охранительной деятельности в соответствии с политико-идеологическими установками, действовавшими в конкретный исторический период.

Без учета ненормативного уровня невозможно объяснить, почему при формальном провозглашении социалистической законности, фактическая охрана основ государственного строя могла осуществляться неюридическими способами. Как справедливо отмечает Т.М. Пряхина, охрана советской Конституции не сводилась к деятельности формальных государственных органов и правовых норм, но включала организационные меры, выходявшие за пределы собственно правового регулирования [2, с. 3]. Именно в этом состоит специфика советской модели охраны основ государственного строя. Правовое регулирование в СССР органически дополнялось и направлялось политико-идеологическим воздействием.

Это означает, что один и тот же орган, одна и та же процедура могли действовать как в рамках формальных предписаний, так и под влиянием политико-идеологических установок в зависимости от конкретной ситуации. Именно эта взаимосвязь обеспечивала целостность механизма и его способность адаптироваться к меняющимся политическим задачам.

В структуре механизма помимо уровней выделены три подсистемы. Основанием их выделения послужила неоднородность элементов, образующих правовой механизм охраны основ государственного строя СССР. В его составе выделены нормы, субъекты их реализации и процедуры осуществления охранительной деятельности, что обуславливает существование правоустанавливающей, институциональной и функциональной подсистем.

Правоустанавливающая подсистема закрепляла правовые основания охраны, определяя, что именно охраняется, какими средствами и какими органами. Для понимания данной подсистемы важное значение имеет разработанное Ю.Л. Шульженко понятие правовой охраны Конституции СССР как деятельности по обеспечению верховенства и соблюдения конституционных предписаний правовыми средствами [3, с. 10,11]. Ее содержание образует система правовых институтов и отдельных норм, регулирующих общественные отношения в сфере охраны основ государственного строя СССР.

К числу основных правовых институтов относятся институт конституционных основ государственного строя, закрепляющий политическую, экономическую и социальную основы Советского государства; институт государственных преступлений, содержащий составы посягательств на основы строя; институт внесудебных мер воздействия, регулирующий административную высылку и иные ограничения; институт органов охраны государственного строя, определяющий полномочия КГБ СССР, прокуратуры, судов и органов внутренних дел; институт партийно-государственно нормотворчества, включающий совместные акты ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Институциональная подсистема представляет собой совокупность государственных и партийных органов, общественных организаций. Каждый из названных субъектов выполнял собственные функции, но их деятельность была объединена общей задачей обеспечения устойчивости государственного строя. Такая постановка вопроса согласуется с подходом М.К. Исаковой, выделявшей в механизме Советского государства структурно-функциональные связи между системой государственных органов и иными элементами политической организации общества [4, с. 53].

Функциональная подсистема включает охранительные процедуры и способы деятельности, обеспечивающие охрану. Ее содержание образуют прокурорский надзор за исполнением законов об охране строя; процедуры, связанные с расследованием и судебным рассмотрением дел о государственных преступлениях; административно-юрисдикционные процедуры, с использованием которых осуществлялась высылка; оперативно-розыскные мероприятия в рамках законодательства о государственной безопасности; идеологическая профилактика, предполагающая контроль за средствами массовой информации и образованием; партийный контроль, осуществляемый путем проверок, кадровых чисток и назначений; внесудебные процедуры, применявшиеся на отдельных исторических этапах.

Подсистемы правового механизма находятся в отношениях прямой и обратной связи. Прямые связи обеспечивают подчинение институциональной и функциональной подсистем правоустанавливающим документам. Правоустанавливающая подсистема формирует правовые основания и компетенцию органов, осуществляющих охрану. Институциональная подсистема посредством деятельности соответствующих органов реализует охранительные процедуры. Такое взаимодействие поддерживает целостность рассматриваемого механизма. Данный подход согласуется с доктринальными положениями общей теории правового механизма, в которой подчеркивается системное взаимодействие его основных элементов [5, с. 26]. Обратные связи обеспечивают адаптивность механизма.

Правоприменительная практика, аккумулируя опыт реализации охранительных норм, становится фактором правотворчества, корректируя содержание нормативных предписаний, а сложившиеся модели правоприменения видоизменяют деятельность институтов, перестраивая их иерархию, компетенцию и процедурные регламенты.

Таким образом, структура правового механизма охраны основ государственного строя СССР представляет собой внутренне организованное единство двух уровней и трех подсистем, связанных прямыми и обратными связями. Нормативный и ненормативный уровни определяют режим функционирования всех подсистем. Подсистемы соответствуют трем аспектам охранительного воздействия. Их взаимодействие сохраняет стабильность механизма и обеспечивает изменение содержания охранительной деятельности в зависимости от политических задач государства.

Предложенная модель описывает структуру механизма, сохранявшуюся на протяжении всего советского периода, несмотря на изменения в законодательстве, институциональном составе и правоприменительной практике. Содержание правовых норм, перечень органов и набор процедур частично менялись, но неизменным оставалось сосуществование формально-юридических и политико-идеологических регуляторов, хотя их соотношение изменялось. Это позволяет использовать предложенную модель как теоретическую основу для данного историко-правового исследования.

Как справедливо отмечено в исследованиях О.В. Хлевнюка [6, с. 8], В.А. Козлова [7, с. 13], Е.Ю. Зубковой [8, с. 7], С.В. Кодана [9, с. 204] и др. идеологические установки КПСС, резолюции и постановления партийных органов оказывали существенное влияние на деятельность советских правоохранительных органов. Формально-правовые средства, к которым относились законы, подзаконные акты и юридические процедуры, создавали правовую основу охраны, тогда как организационно-политические средства, включая партийные директивы, закрытые письма и кадровые решения, определяли реальное содержание правоприменительной деятельности.

На основе изложенного предлагается схема, визуализирующая структуру правового механизма охраны основ государственного строя СССР (рис.1).

Предложенная структура позволяет объяснить особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР прежде всего сочетание формально-правовых и организационно-политических средств воздействия на общество. Это сочетание было порождено сращиванием партийного и государственного аппаратов. Партийные органы не только определяли стратегию охранительной деятельности, но и непосредственно направляли правоприменительную практику [10, с. 24].

Охранительная деятельность была подчинена задаче воспроизводства советской системы в ее идеологическом, экономическом и социальном измерениях. Оценка общественной опасности деяний определялась не только объективными признаками составов преступлений, но и их политической оценкой как действий, подрывающих устои советской власти. Этим объясняется включение в уголовное законодательство норм с оценочными признаками, позволявшими квалифицировать как преступные деяния, прямо не предусмотренные законом, но оцениваемые как политически вредные.

Охранительная функция была направлена на поддержание стабильности всей системы социально-экономических и политических отношений, составлявших содержание советского государственного строя, а не на формальную защиту юридических предписаний. К такому выводу приходит и Д.В. Пожарский, рассмотревший осуществление охранительной функции на всех этапах развития Советского государства [11, с. 5,6].

Интенсивность охраны различных элементов государственного строя была неодинаковой и определялась их значимостью для воспроизводства советской государственности. Посягательства на политическую и государственно-территориальную основу влекли наиболее суровые санкции вплоть до высшей меры наказания за измену Родине по ст. 64 УК РСФСР¹, за шпионаж по ст. 65 УК РСФСР и за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70 УК РСФСР).

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

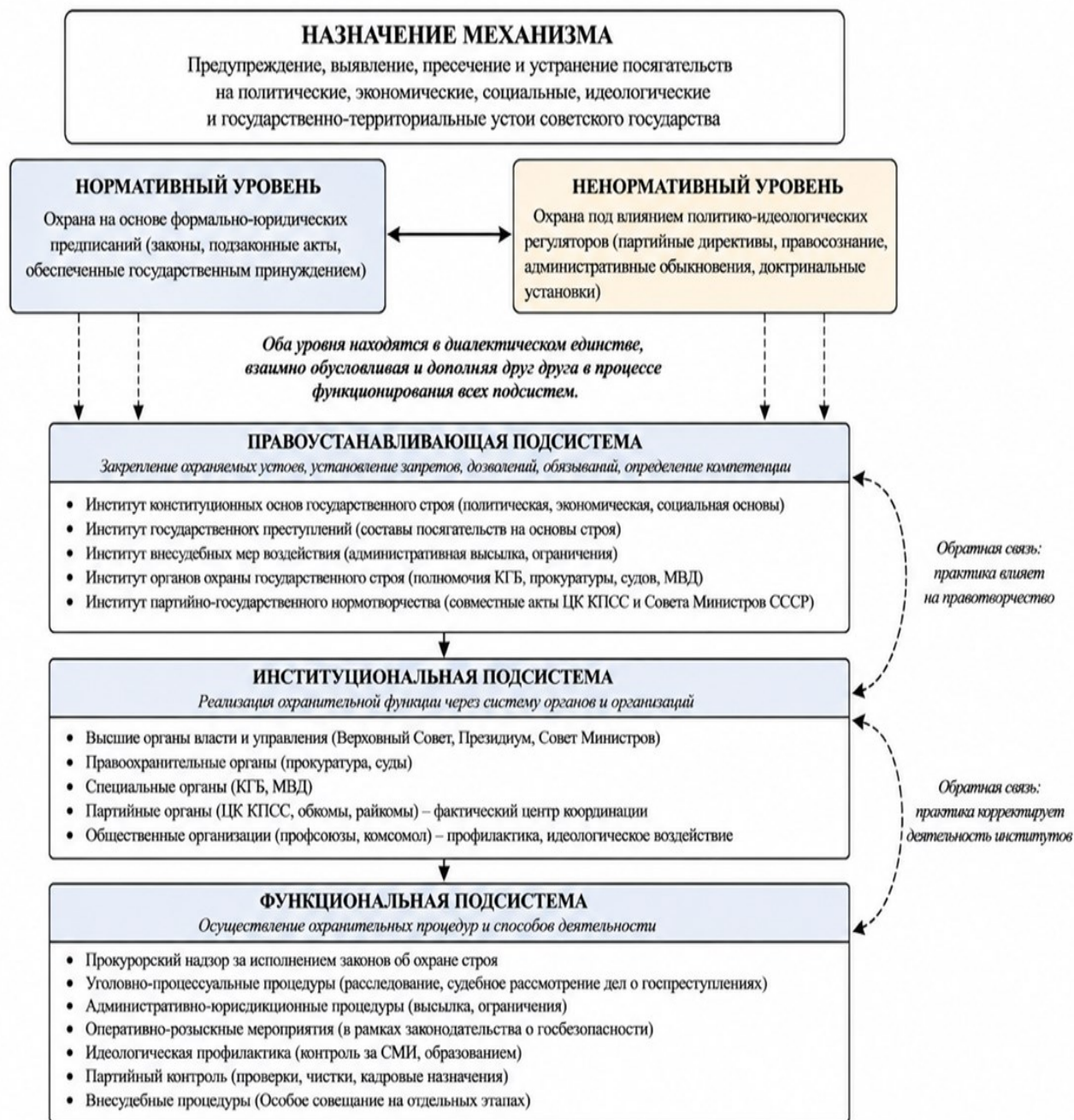

Рис. 1. Структура правового механизма охраны основ государственного строя СССР (авторская разработка)
 Fig. 1. Structure of the legal mechanism for protecting the foundations of the USSR's state system (author's own design)

Экономическая основа охранялась на основе специальных норм об ответственности за хищение государственного имущества (ст.93-95 УК РСФСР), что придавало ее охране не только имущественный, но и государственно-правовой характер. Законодатель указывал, что социалистическая собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, а ее охрана была первой обязанностью органов Советской власти.

Социальная и идеологическая основы охранялись опосредованно с использованием системы мер профилактики, партийного контроля за средствами массовой информации, наукой и образованием, а также идеологической работы, направленной на формирование лояльного строя правосознания у советских граждан [12, с. 4].

Оценочные понятия являлись инструментом расширения пределов правоприменительного усмотрения. По мнению Т.В. Кашаниной, они дают возможность учитывать некоторые изменения явления без издания новых, изменения или отмены старых правовых норм, то есть путем сохранения стабильности и устойчивости права» [13, с. 32].

Связь между оценочным характером посягательств и пределами правоприменительного усмотрения носила системный характер. Как справедливо отметил Э.Е. Бершицкий: «существенными признаками оценочных категорий являются: 1) относительная определенность; 2) постепенная конкретизация их содержания; 3) тесная связь с судебским усмотрением» [14, с. 63]. Неопределенность правовой нормы создавала возможность для произвольной квалификации деяний, что объективно расширяло полномочия правоприменительных органов.

Содержание оценочных понятий не определялось законодателем исчерпывающим образом и конкретизировалось в процессе правоприменения, что соответствовало их юридической природе как особой разновидности правовых предписаний. Применительно к охране основ государственного строя такая конкретизация осуществлялась посредством официального толкования, судебной практики, а также партийно-государственных директив, определявших единые подходы к квалификации общественно опасных деяний. Опубликованные документы подтверждают, что в условиях партийного руководства правоохранительной деятельностью уголовно-правовые средства использовались для достижения политических целей [15, с. 18-25, 62, 112, 158].

Использование в уголовном законодательстве таких понятий, как «антисоветская деятельность», «клеветнические измышления» «подрыв советской власти», «интересы социалистического государства», позволяло адаптировать охрану к меняющимся политическим задачам без изменения текста закона. Это придавало механизму охраны гибкость, позволяя квалифицировать как преступные деяния, прямо не описанные в законе, если они оценивались как угрожающие основам советского строя. Особо опасные государственные преступления отличались от других общеуголовных преступлений именно антисоветским умыслом, проявляющимся в действиях, направленных против основ советского строя.

В результате механизм охраны государственного строя оказывался политико-правовым. Широта правоприменительного усмотрения при квалификации деяний, содержащих оценочные признаки, создавала возможность использования уголовно-правовых средств для реализации государственной политико-идеологической политики, что наиболее отчетливо проявлялось в периоды обострения внутривнутриполитической ситуации [16, с. 23, 24].

Особенности функционирования правового механизма охраны в союзных республиках и автономиях были обусловлены федеративным устройством СССР. Союзные республики имели собственные уголовные кодексы, но их содержание ограничивалось Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик, устанавливающих единую систему государственных преступлений и общие санкции. В этих пределах республиканские кодексы могли конкретизировать отдельные составы преступлений и процедурные нормы, но единые общесоюзные принципы охраны основ государственного строя оставались неизменными.

Как показывают документы, опубликованные в сборнике «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953», контроль центра за деятельностью региональных партийных комитетов базировался на постановлениях Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) и осуществлялся с помощью инспекций и проверок [17, с. 65, 66].

В союзных и автономных республиках координация охранительной деятельности осуществлялась партийными органами. Они обеспечивали соответствие правоприменительной практики общесоюзным политико-идеологическим установкам, в том числе определяли приоритеты борьбы с националистическими проявлениями, что находило отражение в законодательстве и правоприменительной практике республик [18, с. 8, 139].

Результаты и выводы

Разработанная структура правового механизма не является статичной. Ее элементы сохранялись на протяжении всего исследуемого периода, но их соотношение, функционирование и степень формализации изменялись под влиянием исторических условий. С учетом этих особенностей в исследовании предложена периодизация правового механизма охраны основ государственного строя СССР. Она отражает качественные изменения способов охраны основ государственного строя при сохранении общей структуры механизма.

В качестве критерия для выделения этапов избрано соотношение формально-юридических предписаний и политико-идеологических регуляторов в процессе охраны государственного строя. Оно связано с уровнем формализации охранительных процедур, в том числе наличием или отсутствием устойчивых процессуальных форм, степенью независимости судебных органов, ролью внесудебных механизмов. Формально-юридические предписания и политико-идеологические регуляторы находятся в прямой взаимосвязи, чем выше степень институционализации, тем большее значение приобретает нормативный уровень и, наоборот, чем ниже уровень институционализации, тем большее влияние оказывают ненормативные регуляторы правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Первый этап (1946-1957 гг.) характеризуется тем, что определяющее значение в сфере охраны государственного строя сохраняли подзаконные и ведомственные акты. Содержание охранительной деятельности определялось постановлениями Совета Министров СССР, ведомственными инструкциями и закрытыми распорядительными документами, устанавливавшими пределы правоприменительного усмотрения и критерии оценки общественной опасности деяний. Особое совещание при МГБ СССР, а затем при МВД СССР продолжало рассматривать дела в нарушение законодательства о подсудности, что свидетельствовало о сохранении внесудебных механизмов. Эти факты подтверждаются опубликованными документами [19, с. 118].

Для первого этапа характерно доминирование ненормативного уровня правовой охраны [20, с. 10,11]. Меры вводились подзаконными актами и закрытыми распоряжениями, судебный контроль отсутствовал или носил формальный характер, диспозиции ряда уголовных норм носили оценочный характер.

Вплоть до середины 1950-х г. формальные процессуальные гарантии, закрепленные в законе, не оказывали определяющего влияния на практику охраны государственного строя. Ликвидация Особого совещания в 1953 г.¹, принятие Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.² и нового Положения о Верховном Суде СССР 1957г.³, а также расширение прав союзных республик в законодательной сфере ознаменовали переход к следующему этапу, на котором законодательное регулирование стало играть существенную роль.

Второй этап (1958-1985 г.) связан с проведением второй кодификации советского права. Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и республиканских уголовных кодексов создало формально-правовую основу охраны государственного строя. Она сохранялась с незначительными изменениями до середины 1980-х г. Уголовно-правовые запреты приобрели системный характер, процедуры получили формальное закрепление, а практика применения норм о государственных преступлениях стала устойчивой и предсказуемой.

Партийный контроль сохранялся в форме кадровых назначений, закрытых писем и совместных постановлений партийных и государственных органов. Влияние на правоприменение осуществлялось посредством кадровых назначений, закрытых писем и совместных постановлений партийных и государственных органов. Соотношение нормативного

¹ Указ Президиума Верховного Совета «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел Союза ССР». 1 сентября 1953 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 887. Л. 68.

² Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9, ст. 222.

³ Положение о Верховном Суде СССР, утв. Законом СССР от 12.02.1957 // Ведомости ВС СССР. 1957. № 4, ст. 85.

и ненормативного уровней регуляции установилось как относительное равновесие. Формально-юридические предписания задавали общие рамки, а политико-идеологические регуляторы определяли их применение в конкретных случаях. На этом этапе механизм охраны достиг институциональной устойчивости, став неотъемлемым элементом советской политико-правовой системы [21, с. 104].

Третий этап (1985-1991 г.) совпадает с периодом перестройки. На данном этапе произошла трансформация правового механизма охраны, вызванная отказом от руководящей роли КПСС, введением многопартийности и началом процесса дезинтеграции союзного государства. Ненормативный уровень утратил системообразующий элемент – партийное руководство правоохранительными органами, который обеспечивал его реальное функционирование и координацию охранительной деятельности. Нормативный уровень формально сохранял значение, но основы государственного строя трансформировались в условиях политического кризиса, что делало невозможным применение правового механизма охраны в прежнем виде.

Структура механизма не менялась, но ее элементы теряли функциональную связь. Правоустанавливающая подсистема утрачивала внутреннюю согласованность в условиях «парада суверенитетов», функциональная подсистема утрачивала единообразие практики. К 1991 г. прежний объект охраны – основы государственного строя СССР перестал существовать, что означало прекращение действия соответствующего механизма.

Таким образом, правовой механизм охраны основ государственного строя СССР представлял собой сложную систему, объединявшую формально-юридические, организационно-политические и партийно-идеологические элементы. Его функционирование обеспечивалось взаимодействием нормативных предписаний, государственных и партийных институтов, охранительных процедур и иных институционально устойчивых регуляторов, определявших содержание правоприменительной деятельности.

Эффективность правового механизма сочеталась с его внутренней противоречивостью, заключавшейся в разрыве между нормативной моделью социалистической законности и фактической практикой охраны. Одновременное действие формально-юридических и политико-идеологических регуляторов делало охранительную деятельность в Советском государстве зависимой от политической конъюнктуры.

Разработанная структурная модель позволяет объяснить особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР на различных этапах его развития и служит методологической основой для последующего историко-правового анализа. Ее научно-практическая значимость заключается в том, что она позволяет:

во-первых, фиксировать изменение соотношения элементов правового механизма в конкретных исторических условиях;

во-вторых, устанавливать характер взаимодействия формально-юридических и политико-идеологических регуляторов на конкретных этапах развития правового механизма охраны основ государственного строя СССР;

- в-третьих, определять влияние изменений в политическом курсе Советского государства на правовой механизм охраны основ государственного строя.

Список источников

1. Беляева, Г. С. К вопросу о становлении понятия правового механизма / Г. С. Беляева, К. А. Белюсова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 5 (209). – С. 9–13. – DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_9.
2. Пряхина, Т. М. Юридическая охрана Советской конституции: государственно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Т. М. Пряхина; Саратовский юридический институт. – Саратов, 1991. – 17 с. – EDN: ZKDTED.
3. Шульженко, Ю. Л. О понятии «правовая охрана Конституции» // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 5–12. – EDN: MPKWUP.

4. Исакова, М. К. Механизм советского общенародного государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. К. Исакова. – Саратов, 1984. – 199 с. – EDN: NPCZDL.
5. Алексеев, С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – Москва: Юридическая литература, 1982. – 359 с. – EDN: VNC GTX.
6. Хлевнюк, О. В. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е годы: механизмы политической власти в СССР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. В. Хлевнюк; МГУ. – Москва, 1996. – 44 с.
7. Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 413 с. – (Архив новейшей истории России. Исследования; Вып. 1). – ISBN 5-87550-083-2.
8. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 229 с. – EDN: RCGWBB.
9. Кодан, С. В. С. С. Алексеев о месте и роли КПСС в правовом развитии советского общества // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3 (102). – С. 203–209. – EDN: LREKUE.
10. Корельский, В. М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР / В. М. Корельский // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 23–28.
11. Пожарский, Д. В. Охранительная функция Советского государства: становление и развитие конституционных основ / Д. В. Пожарский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 4 (18). – С. 4–8. – EDN: QZWYFZ.
12. Лунев, В. В. Охрана социалистической собственности как функция советского общенародного государства и роль органов внутренних дел в её реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В. В. Лунев; Московская высшая школа милиции МВД СССР. – Москва, 1989. – 24 с. – EDN: UPMWUJ.
13. Кашанина, Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т. В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 185 с. – EDN: THFYKJ.
14. Бершицкий, Э. Е. Правовая определённость и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права / Э. Е. Бершицкий. – Москва: М-Логос, 2021. – 154 с. – ISBN 978-5-6043338-7-7. – EDN: JIZWBS.
15. Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС / Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, Московская Хельсинкская группа; подгот. текста и коммент. А. А. Макаров, Н. В. Костенко, Г. В. Кузовкин. – Москва: Московская Хельсинкская группа, 2006. – 282 с. – ISBN 5-98440-034-0.
16. Хлевнюк, О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 478 с. – ISBN 978-5-8243-1314-7.
17. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 496 с. – ISBN 5-8243-0570-6.
18. Региональная политика Н. С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 774 с. – ISBN 978-5-8243-1065-8.
19. Политбюро и органы государственной безопасности: сборник документов: к 100-летию образования ВЧК / под общ. ред. О. Б. Мозохина; сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. – Москва: Кучково поле, 2017. – 800 с. – ISBN 978-5-9950-0862-0.
20. Шатковская, Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности / Т. В. Шатковская // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 16–20. – EDN: YVMSPV.
21. Шатковская, Т. В. Модель общенародного государства как историческая альтернатива правовому государству в России / Т. В. Шатковская // Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений: сборник научных статей по итогам II Всероссийского форума историков права, приуроченного к 135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова (Санкт-Петербург, 8–10 июня 2023 г.). – Санкт-Петербург: Астерион, 2023. – С. 98–105. – EDN: BSOJQB.

References

1. Belyaeva G.S., Belousova K.A. On the formation of the concept of a legal mechanism. *Law and State: Theory and Practice*. 2022;(5(209)):9–13. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_9. EDN: URZDNM.
2. Pryakhina T.M. *Legal protection of the Soviet Constitution: state-legal aspect* [dissertation]. Saratov: Saratov Law Institute; 1991. 182 p. (In Russ.). EDN: ZKDTED.
3. Shulzhenko Yu.L. On the concept of “legal protection of the Constitution”. *State and Law*. 2002;(7):5–12. (In Russ.). EDN: MPKWUP.

4. Iskakova M.K. *The mechanism of the Soviet state of the whole people* [dissertation]. Saratov; 1984. 199 p. (In Russ.). EDN: NPCZDL.
5. Alekseev S.S. *General theory of law: in 2 vols. Vol. 2*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1982. 359 p. (In Russ.). EDN: VNCGTX.
6. Khlevnyuk O.V. The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the 1930s: mechanisms of political power in the USSR [dissertation abstract]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1996. 44 p. (In Russ.).
7. Kozlov V.A. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 to the early 1980s)*. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf; 1999. 413 p. (In Russ.). ISBN 5-87550-083-2.
8. Zubkova E.Yu. *Post-war Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN; 2000. 229 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0069-0. EDN: RCGWBB.
9. Kodan S.V. S. S. Alekseev on the place and role of the CPSU in the legal development of Soviet society. *Russian Juridical Journal*. 2015;(3(102)):203–209. (In Russ.). EDN: LREKUE.
10. Korelsky V.M. On the features and significance of the norms contained in joint resolutions of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers. *Pravovedenie*. 1965;(2):23–28. (In Russ.).
11. Pozharsky D.V. Protective function of the Soviet state: formation and development of constitutional foundations. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2011;(4(18)):4–8. (In Russ.). EDN: QZWYFZ.
12. Lunev V.V. Protection of socialist property as a function of the Soviet state of the whole people and the role of internal affairs bodies in its implementation [dissertation abstract]. Moscow: Higher Police School of the USSR Ministry of Internal Affairs; 1989. 24 p. (In Russ.). EDN: UPMWUJ.
13. Kashanina T.V. *Evaluative concepts in Soviet law* [dissertation]. Sverdlovsk; 1974. 185 p. (In Russ.). EDN: THFYKJ.
14. Bershitsky E.E. Legal certainty and evaluative categories: a brief essay based on offenses in various branches of law. Moscow: M-Logos; 2021. 154 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6043338-7-7. EDN: JIZWBS.
15. Makarov A.A., Kostenko N.V., Kuzovkin G.V., compilers. *Power and dissidents: documents of the KGB and the CPSU Central Committee*. Moscow: Moscow Helsinki Group; 2006. 282 p. (In Russ.). ISBN 5-98440-034-0.
16. Khlevnyuk O.V. *Master of the house: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship*. Moscow: ROSSPEN; 2010. 478 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1314-7.
17. Denisov V.V., et al., compilers. The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and regional party committees, 1945–1953. Moscow: ROSSPEN; 2004. 496 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0570-6.
18. Khlevnyuk O.V., et al., compilers. Regional policy of N. S. Khrushchev: the CPSU Central Committee and local party committees, 1953–1964. Moscow: ROSSPEN; 2009. 774 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1065-8.
19. Mozokhin O.B., editor and compiler. *The Politburo and state security bodies: collection of documents for the 100th anniversary of the Cheka*. Moscow: Kuchkovo Pole; 2017. 800 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9950-0862-0.
20. Shatkovskaya T.V. Theoretical constructions of Soviet jurists of the 1920s–1930s as an attempt to juridicize non-legal reality. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 2021;8(4):16–20. (In Russ.). EDN: YVMSPV.
21. Shatkovskaya T.V. The model of the state of the whole people as a historical alternative to the rule-of-law state in Russia. In: Historical and legal science in search of new methodological solutions: proceedings of the 2nd All-Russian Forum of Legal Historians; 2023 Jun 8–10; Saint Petersburg. Saint Petersburg: Asterion; 2023. p. 98–105. (In Russ.). EDN: BSOJQB

Информация об авторе

А.С. Бердичевская – аспирантка кафедры теории и истории права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

A. S. Berdichevskaya - Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 29.06.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 10.08.2026. The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Научная статья
УДК 342.3+321
EDN: XPDRMN

Форма современного государства: новый взгляд на организацию публичной власти

Дмитрий Александрович Авдеев

Тюменский государственный университет, Школа права и управления, г. Тюмень, Россия,
d.a.avdeev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4303-3614>

Аннотация

Введение. В настоящее время в отечественной юридической науке по-прежнему доминирует, ставший консервативным и, в какой-то мере, стагнационным, подход к пониманию формы государства и ее структурных элементов, которые отражают особенности организации публичной власти, прежде всего, высших органов государственной власти соответствующей страны. Выделяемые элементы формы государства – форма правления, форма государственно-территориального устройства и политический режим, их виды, представляют собой укоренившиеся в сознании исследователей устойчивые правовые константы. Однако, динамичное развитие государственности влечет эволюционную изменчивость формы государства, а соответственно, и преобразование, образующих ее элементов. Выявление новых качественных характеристик формы государства позволяет смотреть на нее иначе, меняя привычное видение на концептуально новое, в большей степени соответствующее современному уровню развития правопонимания.

Цель. Исследовать содержание формы государства, элементы которого (форма правления, форма государственно-территориального устройства и политический режим) в своем диалектическом единстве отражают процессы централизации и децентрализации государственного правления, что проявляется в особенностях организации публичной власти, включая распределение полномочий между высшими органами государственной власти. Именно процессы централизации (децентрализации) лежат в основе функционирования публичной власти любого современного государства, что и предопределяет особенности его формы.

Методы. Теоретико-методологическую основу работы составили доктринальные подходы к организации высших органов государственной власти, а также теоретические конструкции взаимодействия высших органов власти и управления, на основе которых складывается представление о форме государства.

Результаты и выводы:

Анализируя некоторые проблемы функционирования органов публичной власти в Российской Федерации и ряда других государств, выявляются как положительные, так и отрицательные стороны процессов централизации и децентрализации в государственном управлении. Исследуя публично властные отношения в сфере государственного управления, делается вывод о необходимости соблюдения баланса процессов централизации и децентрализации как по вертикали, так и по горизонтали. Сочетание процессов централизации и децентрализации, их гармонизация, будет способствовать созданию оптимальной национальной модели формы государства конкретной страны.

В ходе исследования:

- аргументируется позиция о том, что элементы формы государства в настоящее время утрачивают свое былое значение, так как они являются не самостоятельными элементами, а выступают характеристиками организации публичной власти в том или ином государстве, показывают степень централизации или же децентрализации государственного управления;
- раскрывается новый концептуальный подход к пониманию сущности формы государства, которая, фактически, отождествляется с формой правления, на основании чего предлагается авторское определение последней;
- обосновывается что форма государства отражает процессы централизации или децентрализации публичного управления как по вертикали, так и по горизонтали, что и определяет особенности формы правления и территориального устройства.

В статье показывается, что форма государства, выраженная через форму правления, свидетельствует о порядке распределения государственно властных полномочий как между центральными органами управления, так и между ними и региональными (местными), что, в свою очередь, отражает степень централизации государственного управления в целом. Важный вывод, который формулируется в ходе исследования, заключается в том, что немаловажное значение имеет соответствие формы государства его содержанию. Это во многом предопределяет гармоничное их взаимодействие, способствует эффективному функционированию органов публичной власти. В этой связи важным представляется найти такое оптимальное соотношение формы и содержания государства, которое отражало бы баланс централизации и децентрализации в государственном управлении с учетом национальной специфики.

Ключевые слова: государственное управление, конституция, форма государства, форма правления, государственно-территориальное устройство, публичная власть, централизация и децентрализация.

Для цитирования: Авдеев В.А. Форма современного государства: новый взгляд на организацию публичной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 91-104. EDN: XPDRMN

Original article

The form of the modern state: a new look at the organization of public authority

Dmitry A. Avdeev

Tyumen State University, School of Law and Management, Tyumen, Russia, d.a.avdeev@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4303-3614>

Abstract

Introduction. Currently, Russian legal scholarship remains dominated by a conservative and, to some extent, stagnant approach to understanding the form of government and its structural elements, which reflect the specific organization of public authority, primarily the highest organs of state power in the respective country. The identified elements of the form of government – the form of government, the form of state-territorial structure, and the political regime, along with their various types – represent stable legal constants ingrained in the minds of researchers. However, the dynamic development of statehood entails evolutionary variability in the form of government, and, consequently, the transformation of its constituent elements. Identifying new qualitative characteristics of the form of government allows us to view it differently, replacing the conventional view with a conceptually new one, more in line with the current level of development of legal understanding.

Purpose. To explore the essence of the form of government, the elements of which (form of government, form of state-territorial structure, and political regime) in their dialectical unity reflect the processes of centralization and decentralization of state governance, which are manifested in the specific features of the organization of public authority, including the distribution of powers

among the highest organs of state power. It is precisely the processes of centralization (decentralization) that underlie the functioning of public authority in any modern state, which predetermines the characteristics of its form.

Methods. The theoretical and methodological basis of the work was formed by doctrinal approaches to the organization of the highest bodies of state power, as well as theoretical constructs of interaction between the highest bodies of power and administration, on the basis of which an idea of the form of the state is formed.

Results and conclusions.

Analyzing certain issues related to the functioning of public authorities in the Russian Federation and several other countries, both positive and negative aspects of centralization and decentralization in public administration are revealed. Examining public power relations in public administration, the conclusion is reached regarding the need to maintain a balance between centralization and decentralization processes, both vertically and horizontally. Combining and harmonizing centralization and decentralization processes will contribute to the creation of an optimal national model for a given country's form of government.

The study:

- argues that elements of the form of government are currently losing their former significance, as they are not independent elements, but rather serve as characteristics of the organization of public authority in a given state, demonstrating the degree of centralization or decentralization of public administration;
- develops a new conceptual approach to understanding the essence of the form of government, which is essentially equated with the form of government, on the basis of which the author proposes a definition of the latter;
- it is substantiated that the form of government reflects the processes of centralization or decentralization of public administration both vertically and horizontally, which determines the characteristics of the form of government and territorial structure.

The article demonstrates that the form of government, expressed through the form of government, reflects the distribution of state powers both among central government bodies and between them and regional (local) ones, which, in turn, reflects the degree of centralization of public administration as a whole. An important conclusion reached in the study is that the correspondence between the form of government and its content is of considerable importance. This largely determines their harmonious interaction and facilitates the effective functioning of public authorities. In this regard, it is important to find an optimal relationship between the form and content of government that would reflect the balance of centralization and decentralization in public administration, taking into account national specifics.

Keywords: public administration, constitution, form of government, form of government, state-territorial structure, public authority, centralization and decentralization.

For citation: Avdeev D.A. The form of the modern state: a new look at the organization of public authority. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 91 – 104. (In Russ). EDN: XPDRMN

Введение

Форма и содержание как две категории познания были и остаются предметом философского их сопоставления. Еще древние мыслители пытались понять, что из них оказывает первичное воздействие, изменяя другое. Подобную аналогию можно провести в отношении формы государства и его содержания. Государство перманентно в своем развитии, а, следовательно, как верно отмечал Д.А. Керимов, внутренние изменения содержательной деятельности органов государства влекут за собой те или иные изменения в его форме [1, с. 588].

Споры о взаимовлиянии формы и содержания, касались и воззрений в вопросах поиска наилучшей формы государства и, прежде всего, формы правления. Известно, что античные мыслители выделяли правильные и неправильные формы правления, которые соответствовали представлениям об организации публичной власти того времени. В дальнейшем дискуссии об идеальной форме правления перетекали в плоскость улучшения государственно-территориального устройства и разработки различного рода политико-правовых

проектов, которые бы закрепляли на высоком юридическом уровне национальные особенности организации государственной власти. Так, появившиеся в XVIII-XIX веках конституции содержали положения о статусе высших органов управления, а также основы организации государственной власти на местах, что в совокупности характеризовало форму государства. В последующем, помимо формы правления и формы государственно-территориального устройства был выделен еще один элемент формы государства, характеризующий способы и методы осуществления власти – политический режим. Такой трехэлементный состав формы государства сформировался советскими правоведом [2, с. 21] и, продолжает оставаться неизменным в отечественной юриспруденции по настоящее время.

По нашему мнению, все вышеназванные элементы государства фактически отражают процессы централизации и децентрализации государственного управления и, в своей совокупности являются аспектами организации публичной власти конкретного государства в тот или иной исторический период его развития.

Целью является анализ содержания внутренних компонентов, которые образуют форму государства для выявления их диалектической взаимосвязи, а также сопоставление друг с другом, что позволяет познать их юридическую сущность и назначение. Выявление свойств формы государства, аналитическое сопоставление ее компонентов, позволит обнаружить характерные особенности деятельности высших органов государственной власти, которые отражают процессы централизации (или же децентрализации) в государственном управлении, что подтверждается распределением (размежеванием) полномочий между ними.

Методологической основой статьи являются ряд научных методов, которые в своей совокупности использовались для выявления ключевых факторов, оказывающих влияние на организационную деятельность высших органов государственной власти, а также обстоятельств, детерминирующих особенности эволюционного становления компонентов формы государства. С помощью методов диалектического познания и системно-структурного анализа были раскрыты особенности функционального взаимодействия компонентов формы государства между собой, их взаимовлияние, воздействие друг на друга, выявление формы правления как первичного и, ключевого, аспекта, который фактически выступает квинтэссенцией формы государства. Выводы, обосновывающие значимость процесса централизации (децентрализации) в системе государственного управления, который выражается в распределении государственно властных полномочий между органами государственной власти как между собой (горизонтальный уровень), так и между центральными и региональными (местными) органами (вертикальный уровень) были получены благодаря историко-правовому методу и методу юридического конструирования. Эмпирический метод использовался при обнаружении признаков (свойств) государственно-управленческой деятельности высших органов власти, которые выражаются в распределении государственно властных полномочий, формировании политического центра (центров) управления, что определяет степень централизованности управления делами государства.

Системный подход, в основе которого лежал формально-юридический метод, позволил сопоставить компоненты (части) формы государства, которые в правовой науке рассматриваются как ее самостоятельные (отдельные) элементы. Синергетический и прогностический методы способствовали исследованию формы государства, как перманентную систему, эволюционирующую под воздействием факторов объективного (внешнего) и субъективного (внутреннего) свойства, которые, в свою очередь, предопределяют особенности становления и последовательного развития государственного управления, что находит отражение в конструировании национальной модели организации государственной власти той или иной страны.

Результаты и обсуждение

Форма государства на протяжении длительного периода, как в научной, так и в учебной литературе, рассматривается как состоящая из трех элементов научная категория [3, с. 5; 4, с. 63]. Аналитика различных трактовок и дефиниций формы государства позволила

выявить то, что исследующие ее авторы, выделяют те или иные ее ключевые свойства или качественные характеристики. В частности, форму государства определяют, как комплексный институт, включающий в себя внутренне согласованную систему норм, регулирующих в их единстве структуру и взаимоотношения основных органов государства, территориально-политическое устройство, методы деятельности государственного аппарата и формы его обратной связи с населением [5, с. 7]. Встречаются и иные, как правило, уточняющие дефиниции. В частности, форму государства характеризуют как «институционально и нормативно организованную систему государственной власти определенного государства» [6, с. 5]. При этом институциональную часть образует система центральных, региональных и местных органов власти, нормативную же – компетенция данных органов, а также применяемые средства и методы осуществления государственной власти [7, с. 5]. Форму государства рассматривают в качестве «совокупности объективных характеристик, посредством которых осуществляется самоидентификация государства как политико-правовой организации общества» [8, с. 8] или же, определяют ее как совокупность устойчивых отношений между органами государства, то есть способы их существования друг с другом, характер распределения государственной власти между ними, а также пути их образования (формирования), взаимную ответственность и способы осуществления государственной власти [9, с. 82]. Форму государства представляет собой организованную структуру, отражающую «внутренние характеристики данного государства, состояние общественных и политических процессов, расстановку политических сил, культуру и менталитет народа и пр.» [7, с. 4].

Обобщая приведенные выше позиции, обнаруживается некое единое понимание формы государства, под которой понимается организация публичной власти в лице высших управленческих органов, их территориальная организация, выражающаяся во внутренних связях между представителями центральных органов с одной стороны и, региональными (местными) органами с другой, а также методы (способы) или правовые средства используются при осуществлении государственной власти. Данные компоненты образуют относительно самостоятельные, но взаимообусловленные, элементы формы государства – форма правления, форма государственного устройства и политический режим.

Однако, данные элементы формы государства не стоит рассматривать как существующие обособлено друг от друга. Анализируемые нами элементы формы государства раскрывают отдельные сферы (аспекты) организационной составляющей публичной власти. Так, форма правления, форма государственно-территориального устройства и политический режим понимаются «не как самостоятельные, несвязанные составляющие, а как тесно взаимодействующие и неразрывно существующие части» [10, с. 64–65]. Поэтому, целесообразным является рассмотрение их не как части формы государства, а как определенные стороны организации и функциональной деятельности органов публичной власти. Иными словами, трехэлементный состав формы государства раскрывает организацию органов публичной власти, т.е. взаимодействие высших государственных органов между собой, территориальную организацию публичной власти и, соответственно, методы (способы), применяемые при этом. Однако, ключевую, первостепенную роль среди них играет форма правления, которая, по сути, является квинтэссенцией формы государства.

Сама по себе форма правления была предметом философских изысканий древнегреческих и древнеримских мыслителей, которые обосновали существование правильных форм и их искажений (неправильных форм). В те времена даже не поднимался вопрос о территориальной организации государственной власти, так как это было частью формы правления. Таким образом, форма правления включала и территориальный аспект организации государственной власти.

При рассмотрении сущности формы правления ключевым оставался вопрос о том, как осуществляется государственное управление – единолично или же коллегиально, равно как и то чьи интересы представляет органы верховной власти. В дальнейшем, как показал, анализ мнений и позиций относительно формы правления, подходы к ней не изменились, а наоборот произошло выделение двух основных ее форм – монархии

и республики, которые имеют свои разновидности. Данный подход стал устоявшимся и чуть ли не единственным в юридической науке. До сих пор современные российские исследователи при рассмотрении отечественной формы правления оперируют понятиями «республика» и «монархия». Так, пытаясь охарактеризовать ее с позиции классических видов республик и их разновидностей, ученые приходят к различным, порой противоречивым выводам, относя отечественную форму правления к президентской, смешанной, полупрезидентской, «суперпрезидентской» республикам или, придавая ей специфический (особый) вид формы правления, имеющий наряду с республиканскими монархические атрибуты [11].

Форма правления не является неизменной, а, следовательно, не могут оставаться без изменений и подходы к ней. Как отмечает О.Д. Овчинникова форма правления характеризуется динамичностью и изменчивостью, на становление которой непосредственное влияние оказывает система объективных и субъективных факторов [12, с. 23]. Наглядным примером является изменение формы правления и последующая модернизация государственно-территориального устройства России в результате прихода в 1917 году к власти большевиков. Можно утверждать, что трансформация организации публичной власти, как правило, сказывается в той или иной степени, и на ее территориальном функционировании. В основе изменений взаимодействия центральных органов власти с региональными (местными) лежат процессы централизации или же децентрализации, которые определяют качество их отношений между собой. По нашему мнению, централизованность или же децентрализованность государственного управления заключается в распределении управленческих функций и компетенции между органами государственной власти различного уровня. И речь идет не только о горизонтальном распределении между высшими органами государственной власти, но и о вертикальном – когда полномочия распределяются между центральными органами власти и органами власти на местах. Следует особо подчеркнуть, что качественное состояние объема полномочий и управленческих функций могут как положительно, так и негативно сказаться на самостоятельности и инициативности органов, находящихся, например, в юридической подчиненности или же политической зависимости от центральных органов власти. Поэтому, убеждены, что в подобных случаях необходимо находить компромисс, который будет обеспечивать сбалансированное сочетание централизации и децентрализации [13, с. 10]. Таким образом, «золотая середина» процессов централизации или же децентрализации будет являться залогом оптимизации процесса государственного управления.

Нельзя не отметить и возможную обратную связь, когда территориальная организация публичной власти оказывает воздействие на организационную составляющую центральных органов власти, корректируя степень централизации (децентрализации) процесса государственного управления. В итоге вероятно перераспределение государственно властных полномочий между органами власти как в вертикальном, так и в горизонтальном срезе. Можно обнаружить взаимосвязь формы правления и формы государственно-территориального устройства как проявление их диалектической связи. Однако, какой бы то ни было зависимости между ними нет, так как в данном случае можно говорить о поиске сочетаемости различных аспектов организации публичной власти друг с другом. И здесь прослеживается определенная закономерность. Так, по мнению И.Н. Ившиной федерация оптимально сочетается с республикой и демократическим режимом [14, с. 35]. Навряд ли кто-то станет оспаривать то, что федерализм и разделение властей является неперенным атрибутом децентрализованности в государственном управлении. Именно тенденции централизации (децентрализации) определяют изменчивость формы правления и территориальную организацию публичной власти.

Таким образом, форма государства через форму правления отражает особенности функциональной деятельности, как правило, высших органов публичной власти, показывает каков порядок распределения функций и полномочий между ними, а также между ними и органами управления на местах, что показывает степень централизации в политическом управлении.

Новая концепция формы правления

Вышеизложенное позволяет говорить о необходимости переосмысления подхода к форме государства вообще и, форме правления в частности. По своим правовым характеристикам и своей сущности, они схожи, что позволяет их даже отождествлять. Для того чтобы автора данной статьи не упрекнули в кардинальности или необоснованности такого вывода проанализируем существующие в правовой науке точки зрения о форме правления, которые, порой, не учитывают современных реалий организации высшей власти или же упускают из вида эволюционность государства как такового.

Например, в юридическом энциклопедическом словаре форма правления определяется как порядок организации государственной власти, включающий в себя способ образования высших и местных государственных органов и порядок их взаимоотношений между собой и с населением. Формы правления в значительной мере различаются в зависимости от того, осуществляется власть одним лицом или коллективным выборным органом. В первом случае имеет место монархическая форма правления, во втором – республиканская [15]. В научной литературе форму правления рассматривают как организацию высших органов государственной власти, их структуру, порядок образования, распределения компетенции и взаимоотношения с населением [16, с. 200], как «характеризующий порядок формирования и функционирования высших органов государственной власти» [17, с. 31], как элемент формы государства, который характеризует организацию государственной власти, способ формирования ее основных институтов, их взаимодействие друг с другом [18, с. 3; 19, с. 414], как характеристику организации верховной государственной власти, принципы ее взаимодействия с населением, каким образом государство строит свои взаимоотношения с входящими в него составными частями [20, с. 12], как организацию верховной власти в государстве, т.е. ее устройство (строение, структуру) порядок деятельности при принятии решений общегосударственного значения [21, с. 13], как «полномочия конституционных органов, порядок их формирования, взаимоотношения, статус главы государства, функционирование демократических институтов» [22, с. 147].

Маклаков В.В. характеризовал форму правления как «систему формирования и взаимоотношений главы государства, высших органов законодательной и исполнительной власти» [23, с. 401]. Автономов А.С. также считает, что «форма правления определяет порядок формирования высших органов власти и взаимоотношения между ними» [24, с. 200]. Чиркин В.Е. давал несколько развернутую характеристику формы правления как «структуру взаимоотношений высших органов государственной власти – главы государства, парламента и правительства, их роли в управлении страной, а также способы прямых и обратных связей управляемых и управляющих [25, с. 152, 153]. Арзамаскин Н.Н. рассматривает форму правления как «форму согласия, отношений и связей внутри социально-экономического дифференцированного общества» [26, с. 9]. Форма правления включает в себя принципы и порядок образования высших органов государственной власти, их структуру и компетенцию; длительность полномочий этих органов; взаимодействие их друг с другом; ответственность; взаимоотношение с населением и степень участия последнего в их формировании [27, с. 8, 12]. В форме правления «воплощается природа и организация публичной власти – системы учреждений, управляющих делами общества» [28, с. 5].

Сопоставляя между собой приведенные выше точки зрения и предлагаемые дефиниции формы правления можно выделить два основных подхода. Согласно одному подходу формы правления делят на монархии и республики, которые отличаются особенностями правового статуса главы государства [29, с. 58]. В этой связи выделяют монархии республики. Второй подход предполагает, что форма правления не сводится только лишь к различию в правовом статусе главы государства, но также должен учитываться и порядок образования высших органов государственной власти, их компетенция, основа их функционального взаимодействия между собой и с населением, а также степень участия народа в управлении делами государства.

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать два основных вывода. Во-первых, узкое понимание формы правления, которое отражает лишь формально-юридические особенности правового статуса главы государства (порядок его формирования и место в системе публичной власти) перестало отвечать урону развития современного государства. Считаем, что в настоящее время способ замещения должности главы государства уже не играет существенной роли, так как важным является не то, как происходит замещения поста главы государства, хотя это и имеет какое-то значение, а каков его объем реальных полномочий в сфере государственного управления. Способ формирования главы государства не раскрывает сущность и юридическую природу формы правления, ведь последняя, как верно отмечает Л.Р. Симонишвили является тем ключом «с помощью которого определяется сущность системы органов государственной власти, выражающейся в той или иной государственно-правовой модели» [30, с. 5]. И в этой связи, мы солидарны с теми учеными, которые считают, что не существует абстрактных теоретических конструкций формы правления без привязки к реальным, сложившимся, государственно-правовым моделям организации публичной власти. В частности, А.В. Мальков указывает, что на практике складываются формы правления отдельных государств, а также их конкретные, обусловленные различными причинами объективные и субъективные разновидности. Потому как именно реальная действительность, обусловленная историческим развитием, особенностями национальных традиций, уровнем социально-экономического развития и культуры, менталитета граждан является основой для выработки видов и разновидностей формы правления [31, с. 231–232].

По нашему мнению, такими разновидностями формы правления являются национальные *модели* того или иного государства. Национальная модель представляет собой разновидность формы правления, совмещающую в себе как характерные для той или иной формы правления признаки, так специфические черты, которые обусловлены особенностями политико-правового эволюционирования и влиянием факторов и условий объективного и субъективного свойства. В частности, заимствование признаков президентской республики позволяет формировать собственную – национальную модель организации верховной власти. Следовательно, при анализе системы государственного управления можно говорить о об американской модели президентской республики (США), аргентинской (Аргентина), бразильской (Бразилия), казахской (Казахстан), белорусской (Беларусь) и т.д. По аналогии можно выделить германскую парламентскую модель (ФРГ), греческую (Греция), индийскую (Индия), британскую (Великобритания), испанскую (Испания), японскую (Япония) и пр. Важно учитывать то обстоятельство, что при заимствовании той или иной модели образуется собственная специфическая модель классической формы правления. Таким образом, позаимствованная, к примеру, американская модель президентской республики приобретет в любом случае национальную специфику с учетом действия различных обстоятельств и условий того государства, которое ее заимствует [32, с. 44–45].

Во-вторых, еще один важный вывод, который напрашивается сам собой, заключается в том, что указанные выше определения формы правления не различают организацию публичной власти, которая может иметь сугубо формально-юридический характер, т.е. закрепляться в конституционном тексте, от складывающейся в реальности правоприменительной практики деятельности высших органов власти и управления. Так, настоящая, живая, форма правления складывается из фактической и юридической сторон образования и организации высших органов государственной власти, а также тех органов государства, которые наделены самостоятельными властными функциями [33, с. 14]. Следовательно, форма правления это не просто система высших органов государственной власти, а их «структурно упорядоченное единство и сложившуюся между ними систему конституционных отношений» [34, с. 14]. В этой связи очевидно, что необходимо различать формально-юридическую форму правления – статичную форму, имеющую нормативный характер (*de jure*) и динамичную, складывающуюся в результате функционирования высших органов власти и управления (*de facto*). Иными словами, статичная и динамичная формы правления есть проявление «юридического должного в конституционной

практике» [34, с. 4], и они не всегда совпадают. Таким образом, в результате смешения исследователями статичной и динамичной организации высших органов государственной власти, возникает путаница в классификации форм правления, что отражается в предлагаемых в науке разновидностях их классификаций, в частности республик.

Определить вид формы правления можно лишь путем сопоставления нормативно-правовых положений конституционных актов, которые содержат нормы о статусе высших органов власти и управления, а также объем их полномочий и управленческих функций с одной стороны и, анализа правоприменительной деятельности высших управленческих органов с другой. Итак, при идентификации формы правления того или иного государства важно учитывать статичная или же динамичная форма правления является предметом исследования, так как от этого зависит результат относимости данной национальной модели к тому или иному виду классических форм правления. Иначе возникают сложности при выявлении юридической природы и сущности формы правления, что находит отражение в различных рода трактовках и подходах к ее определению, о чем говорилось выше. В этой связи представляет интерес выделяемая С.В. Пушкаревым группа признаков форм правления: формальные, содержательные и функциональные [35, с. 17]. Несмотря на некоторую спорность признаков той или иной группы и, в целом поддерживая данный подход, отметим, что автор упускает из вида одно существенное обстоятельство, которое, на наш взгляд, определяет юридическую природу формы правления: чьи интересы представляет правящая элита и сколько политических центров управления существует.

Рассуждая о форме правления, можно прийти к выводу, что обусловленное особенностью правового статуса главы государства деление форм правления на монархии и республики потеряло былую значимость, по сути, утратило свое практическое значение при классификации форм правления современных государств. Верно отмечает Е. Левенштайн, что монархия и республика «сами по себе являются лингвистической оболочкой, за которой скрываются совершенно разные политические формы», главным, фактически, является способ правления – то есть, где находится центр политической власти и как она используется для выражения государственной воли и управления государством» [36, с. 11]. Таким образом, юридическая природа формы правления выражает, на наш взгляд, во-первых, чьи интересы представляет политическая элита, находящаяся у власти в лице высших органов государственной власти и, во-вторых, то, как происходит разграничение (распределение) полномочий по управлению государством между различными публично властными органами в соответствующей стране в конкретный исторический период. Предложенный тезис подтверждает, что в настоящее время форму правления не следует рассматривать как конгломерат управленческих органов, включающий порядок их образования (формирования) и степень их легитимации, выраженный посредством участия народа в этой процедуре. Подобное видение формы правления отражает лишь совокупность внешних юридических атрибутов функциональной деятельности высших органов власти и управления соответствующего государства, которые не раскрывают юридическую природу и сущность организации верховной публичной власти. По справедливому замечанию В.Ф. Попондопуло, сведение понятия формы правления только к формальному определению положения главы государства и других органов высшей государственной власти, их образования, организации и функционированию является лишь характеристикой этих органов и их взаимоотношений, как средств государственной власти, целью которых выступает человек, его права и свободы [37, с. 12].

Сущность формы правления проявляется в распределении государственно властных полномочий, что является следствием централизации или же децентрализации управления. Юридическая природа формы правления раскрывается через количество политических центров управления государством, в которых сосредотачивается (концентрируется) спектр полномочий и функций по государственному управлению, равно как осуществляется их распределение как по вертикали, так и по горизонтали. Таким образом, можно предложить следующую дефиницию формы правления, под которой понимается регламентированный конституционно-правовыми нормами порядок распределения государственно

властных полномочий и прерогатив, который отражает функциональное взаимодействие высших органов государственной власти, представляющих центр(ы) политического управления государством [32, с. 51].

Подводя итоги, представляется необходимым отметить следующие, полученные выводы.

Во-первых, форма государства, включающая в себя компоненты, раскрывающие особенности организации государственной власти, которые отражают степень централизации (децентрализации) в государственно-управленческом процессе, проявляющийся в распределении государственно-властных полномочий между высшими органами государственной власти в различных аспектах их взаимодействия, что непременно сказывается территориальной организации публичной власти.

Во-вторых, убеждены, что форма государства не может включать в себя такой элемент как политический режим, в силу того, что он является политологическим понятием, а не правовым. В этой связи представляется интересным соотношение формы правления и политического режима. Так, по мнению А.М. Осавелюка, «форма правления представляет собой организационный каркас, юридическую модель отношений между соответствующими органами государственной власти [38, с. 97–98], а «государственный режим – это основанный на юридических признаках формы правления реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов государственной власти и других элементов политической системы, складывающийся под влиянием различных политических сил (существующей партийной системы, избирательной системы, итогов выборов и др.) в указанных структурах» [39, с. 50]. Следовательно, можно говорить о том, что складывающаяся правоприменительная практика функционирования высших органов государственной власти это и есть, по сути, политический режим, который в свою очередь выступает характеристикой динамичной формы правления [32, с. 56–57].

В-третьих, оптимальное сочетание формы и содержания государства будет являться залогом поступательного развития государственно-правовых институтов. В этой связи представляется важным найти гармонию между формой организации публичной власти с одной стороны и, содержанием государства с другой. По нашему мнению, несбалансированность формы и содержания государства друг с другом является одним из ключевых препятствий в развитии государственности той или иной страны (общества).

В-четвертых, выработанные в теории виды форм правления находят свое практическое воплощение (конкретизацию) в национальных моделях тех или иных государств, что обуславливается различными факторами и условиями становления государственности соответствующей страны.

В-пятых, современное государство в известной степени существенно отличается от государства эпохи Локка, Монтескье, Руссо и многих других. Следовательно, применять в чистом виде разработанные ими концепции, основанные на представлениях о государстве и публичной власти трехсотлетней давности к современной системе высших органов власти, не приемлемо. Так, разрабатывая теорию разделения властей мыслители прошлого исходили из принципиального разделения трех основных государственных функций – правотворчества, правоприменения правосудия во избежание их нахождения в одних руках с учетом представлений о государственном механизме того периода. Однако, государство XXI века разительно отличается от государства XVII-XVIII вв., что нельзя не учитывать, а не продолжать необдуманно вписывать в тексты конституций клише о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную.

В-шестых, нужно давно пересмотреть подходы к форме государства не как к симбиозу трех ее самостоятельных элементов – формы правления, государственного устройства и политического режима, а как системообразующей организации публичной власти современного государства, которая показывает степень централизации или же децентрализации управленческого процесса. В этой связи, например, важным и определяющим является не то способы образования (формирования) органов публичной власти (прежде всего, высших (верховных) органов), объем их полномочий (хотя это тоже имеет определенное

значение), а эффективность деятельности самих этих органов. По большому счету рядовому гражданину не важно, как формируется и, на какой срок тот или иной орган власти, так как главным является эффективность и результативность его функционирования, достижение целей социально-экономического развития, которые в дальнейшем и определяют уровень жизни в стране.

Список источников

1. Керимов, Д. А. Проблемы общей теории права и государства: учебное пособие для студентов вузов / Д. А. Керимов. – 2-е изд. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. – 681 с. – EDN: PEQEOA.
2. Ящук, Т. Ф. Форма государства в историко-правовых исследованиях советского периода / Т. Ф. Ящук // Правовременность. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 20–33. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3). 20-33. – EDN: UQIUU.
3. Овчинникова, О. Д. Эволюция формы правления Российского государства: историко-теоретический аспект: монография / О. Д. Овчинникова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2011. – 172 с. – EDN: WYKLSJ.
4. Бредихин, А. Л. Истоки и перспективы республиканской формы правления / А. Л. Бредихин // Вестник Юридического института МИИТ. – 2023. – № 2 (42). – С. 62–67. – EDN: DZIUXT.
5. Лукашевич, М. Б. Эволюция формы государства (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Б. Лукашевич. – Санкт-Петербург, 2007. – 21 с. – EDN: QDYM XV.
6. Бредихин, А. Л. К вопросу о понятии и элементах формы государства / А. Л. Бредихин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 5. – С. 3–6. – EDN: QBGERH.
7. Проценко, Е. Д. Форма государства и государственный режим / Е. Д. Проценко, А. Л. Бредихин // Академический юридический журнал. – 2015. – № 2 (60). – С. 4–10. – EDN: TWLFTN.
8. Тищенко, А. Г. Образ и форма государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли: ретроспективный и юридико-компаративистский анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Г. Тищенко. – Санкт-Петербург, 2005. – 52 с.
9. Рассолов, М. М. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 447 с. – ISBN 978-5-238-01782-2. – EDN: WDSQAM.
10. Богачев, Н. И. Проблемы определения формы государства / Н. И. Богачев, А. Е. Новикова // Оригинальные исследования. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 63–66. – EDN: SPTAWE.
11. Авдеев, Д. А. Почему Россия не президентская и даже не суперпрезидентская республика / Д. А. Авдеев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 17–20. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-11-17-20. – EDN: GKTXOH.
12. Овчинникова, О. Д. К вопросу о форме правления / О. Д. Овчинникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10). – С. 20–24. – EDN: LDHGDJ.
13. Авдеев, Д. А. Дефекты и эффекты централизации государственного управления (отечественный опыт правоприменения) / Д. А. Авдеев // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 3–8 октября 2022 года) / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. – Вып. 8, ч. 1. – С. 6–13. – EDN: ZBDXHE.
14. Ившина, И. Н. Федерализация как способ изменения формы государства / И. Н. Ившина // История государства и права. – 2014. – № 9. – С. 32–36. – EDN: SXHNDP.
15. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. – Москва: Проспект, 2006. – 809, [1] с. – ISBN 5-482-00407-4.
16. Худолей, Д. М. О форме государств зарубежных стран / Д. М. Худолей // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 197–206. – EDN: JRYDSY.
17. Горбуль, Ю. А. К вопросу о форме правления современной России в контексте конституционных поправок 2020 года / Ю. А. Горбуль // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 2. – С. 31–35. – DOI: 10.18572/1813-1247-2021-2-31-35. – EDN: FJOPKC.
18. Зороян, С. Г. Форма правления в России в начале XX века (1906 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Г. Зороян. – Санкт-Петербург, 2006. – 21 с. – EDN: ZNRGOT.

19. Аббасов, О. Т. Смешанные формы государственного правления / О. Т. Аббасов // XVII Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2022»: сборник материалов. – Москва: Университет «Синергия», 2022. – С. 413–415. – EDN: BMRIWQ.
20. Гелиева, И. Н. Форма государственного правления в России: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Гелиева. – Краснодар, 2008. – 22 с. – EDN: ZNUKIN.
21. Гаджи-Заде, Э. А. Конституционные модели формы правления и институт президентства в странах СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. А. Гаджи-Заде. – Волгоград, 2005. – 42 с.
22. Акобян, Г. Г. Эволюция формы правления Республики Армения / Г. Г. Акобян, Р. Х. Акобян // Государство и право. – 2023. – № 3. – С. 146–152. – DOI: 10.31857/S102694520024780-9.
23. Маклаков, В. В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / В. В. Маклаков. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 868 с. – ISBN 5-466-00101-5.
24. Автономов, А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий / А. С. Автономов. – Москва: Инфограф, 1999. – 383 с. – EDN: VRKZKL.
25. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – Москва, 2010. – 606 с. – EDN: QRPKAV.
26. Арзамаскин, Н. Н. Эволюция формы государства (на современном опыте Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Арзамаскин. – Москва, 1996. – 24 с.
27. Личковаха, А. В. Эволюция формы правления и политического режима в постсоветской России: конституционно-правовые и институциональные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Личковаха. – Хабаровск, 2011. – 24 с. – EDN: ZOIBUV.
28. Рыбаков, В. А. Форма Советского государства: монография / В. А. Рыбаков. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 191 с. – ISBN 978-5-16-015525-8.
29. Селютина, Е. Н. Правовое положение главы государства в монархических и республиканских странах / Е. Н. Селютина // Вестник государственного и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 57–62. – EDN: SMMZHF.
30. Симонишвили, Л. Р. Формы правления: история и современность: учебное пособие / Л. Р. Симонишвили. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: МПСИ, 2011. – 278, [1] с. – ISBN 978-5-9765-0136-2; ISBN 978-5-9770-0093-2. – EDN: ROMGTB.
31. Теория государства и права: курс лекций / М. И. Байтин [и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2002. – 771 с. – ISBN 5-7975-0269-0.
32. Авдеев, Д. А. Российская форма государственного правления (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук / Д. А. Авдеев. – Тюмень, 2025. – 492 с.
33. Опритов, Я. И. Специфика формы государственного правления современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. И. Опритов. – Волгоград, 2000. – 37 с.
34. Варнавский, А. Г. Форма правления как объект конституционного регулирования (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Варнавский. – Москва, 2011. – 24 с. – EDN: ZOIBSX.
35. Пушкарев, С. В. Нетипичные элементы формы государственного правления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Пушкарев. – Казань, 2016. – 26 с. – EDN: ZQBKNJ.
36. Кушхов, И. Р. Соотношение элементов формы государства / И. Р. Кушхов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 6. – С. 10–16. – EDN: NXSICZ.
37. Попондопуло, В. Ф. Организация публичной власти как гарантия прав и свобод человека / В. Ф. Попондопуло // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 10. – С. 11–19. – DOI: 10.18572/1812-3767-2022-10-11-19. – EDN: XALPDL.
38. Осавелюк, А. М. Форма правления и государственный режим: поиск оптимального сочетания / А. М. Осавелюк // Вестник РГГУ. – 2013. – № 1 (102). – С. 97–107. – EDN: PZTYXX.
39. Осавелюк, А. М. Особенности правового статуса главы государства при разных формах правления: миф и реальность / А. М. Осавелюк // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 48–51. – DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-48-51. – EDN: HPZMRG.

References

1. Kerimov DA. Problems of the general theory of law and state. 2nd ed. Tyumen: Tyumen State University Publishing House; 2005. 681 p. (In Russ.). EDN: PEQEOA.

2. Yashchuk T.F. Form of government in historical and legal studies of the Soviet period. *Law Enforcement Review*. 2021;5(3):20–33. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).20-33. EDN: UQIIUU.
3. Ovchinnikova O.D. *Evolution of the form of government of the Russian state: historical and theoretical aspect*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011. 172 p. (In Russ.). EDN: WYKLSJ.
4. Bredikhin A.L. Origins and prospects of the republican form of government. *Bulletin of the Law Institute of MIIT*. 2023;(2(42)):62–67. (In Russ.). EDN: DZIUXT.
5. Lukashevich M.B. Evolution of the form of state (historical and legal analysis) [dissertation abstract]. St. Petersburg; 2007. 21 p. (In Russ.). EDN: QDYM XV.
6. Bredikhin A.L. On the concept and elements of the form of state. *State Power and Local Self-Government*. 2013;(5):3–6. (In Russ.). EDN: QBGE PH.
7. Protsenko E.D., Bredikhin A.L. Form of state and state regime. *Academic Law Journal*. 2015;(2(60)):4–10. (In Russ.). EDN: TWLFTN.
8. Tishchenko A.G. Image and form of the state in Russian and foreign political and legal thought: retrospective and comparative legal analysis [dissertation abstract]. St. Petersburg; 2005. 52 p. (In Russ.).
9. Rassolov M.M., Malakhov V.P., Ivanov A.A. *Current problems of the theory of state and law*. 2nd ed. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i pravo; 2010. 447 p. (In Russ.). ISBN 978-5-238-01782-2. EDN: WDSQAM.
10. Bogachev N.I., Novikova A.E. Problems of determining the form of state. *Original Research*. 2023;13(4):63–66. (In Russ.). EDN: SPTAWE.
11. Avdeev D.A. Why Russia is not a presidential or even a super-presidential republic. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;(11):17–20. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-11-17-20. EDN: GKT XOH.
12. Ovchinnikova O.D. On the issue of the form of government. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2009;(4(10)):20–24. (In Russ.). EDN: LDHGDJ.
13. Avdeev D.A. Defects and effects of centralization of public administration (Russian law-enforcement experience). In: Salikov M.S., editor. *Ural Forum of Constitutionalists (Ekaterinburg, October 3–8, 2022). Issue 8, Part 1*. Ekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; 2023. p. 6–13. (In Russ.). EDN: ZBDXHE.
14. Ivshina I.N. Federalization as a way of changing the form of state. *History of State and Law*. 2014;(9):32–36. (In Russ.). EDN: SXHNDP.
15. Buyanova M.O., et al. Marchenko M.N., editor. *Legal encyclopedic dictionary*. Moscow: Prospekt; 2006. 809, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-482-00407-4.
16. Khudoley D.M. On the form of states of foreign countries. *Perm Legal Almanac*. 2021;(4):197–206. (In Russ.). EDN: JRYDSY.
17. Gorbulyu Yu.A. On the form of government of modern Russia in the context of the 2020 constitutional amendments. *State Power and Local Self-Government*. 2021;(2):31–35. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2021-2-31-35. EDN: FJOPKC.
18. Zoroyan S.G. Form of government in Russia at the beginning of the 20th century (1906–February 1917) [dissertation abstract]. St. Petersburg; 2006. 21 p. (In Russ.). EDN: ZNRGOT.
19. Abbasov O.T. Mixed forms of government. In: *XVII International Scientific Congress “The Role of Business in the Transformation of Society – 2022”: proceedings*. Moscow: Synergy University; 2022. p. 413–415. (In Russ.). EDN: BMRIWQ.
20. Gelieva I.N. Form of government in Russia: constitutional and legal analysis [dissertation abstract]. Krasnodar; 2008. 22 p. (In Russ.). EDN: ZNUKIN.
21. Gadzhi-Zade E.A. Constitutional models of the form of government and the institution of presidency in the CIS countries [dissertation abstract]. Volgograd; 2005. 42 p. (In Russ.).
22. Hakobyan G.G., Hakobyan R.Kh. Evolution of the form of government of the Republic of Armenia. *State and Law*. 2023;(3):146–152. (In Russ.). DOI: 10.31857/S102694520024780-9.
23. Maklakov V.V. *Constitutional law of foreign countries. General part*. Moscow: Wolters Kluwer; 2006. 868 p. (In Russ.). ISBN 5-466-00101-5.
24. Avtonomov A.S. Legal ontology of politics: toward the construction of a system of categories. Moscow: Infograf; 1999. 383 p. (In Russ.). EDN: VRKZKL.
25. Chirkin V.E. *Constitutional law of foreign countries*. Moscow; 2010. 606 p. (In Russ.). EDN: QRPKAV.
26. Arzamaskin N.N. Evolution of the form of state (based on the modern experience of the Russian Federation) [dissertation abstract]. Moscow; 1996. 24 p. (In Russ.).

27. Lichkovakha A.V. Evolution of the form of government and political regime in post-Soviet Russia: constitutional, legal and institutional aspects [dissertation abstract]. Khabarovsk; 2011. 24 p. (In Russ.). EDN: ZOIBUV.
28. Rybakov V.A. *Form of the Soviet state*. Moscow: INFRA-M; 2020. 191 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-015525-8.
29. Selyutina E.N. Legal status of the head of state in monarchic and republican countries. *Bulletin of Public and Municipal Administration*. 2012;(2):57–62. (In Russ.). EDN: SMMZHF.
30. Simonishvili L.R. *Forms of government: history and modernity*. 2nd ed. Moscow: Flinta: MPSI; 2011. 278, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-9765-0136-2; ISBN 978-5-9770-0093-2. EDN: ROMGTB.
31. Baitin M.I., et al. Matuzov N.I., Malko A.V., editors. *Theory of state and law: lecture course*. 2nd ed. Moscow: Yurist; 2002. 771 p. (In Russ.). ISBN 5-7975-0269-0.
32. Avdeev D.A. Russian form of government (constitutional and legal research) [doctoral dissertation]. Tyumen; 2025. 492 p. (In Russ.).
33. Opritov Ya.I. Specifics of the form of government in modern Russia: theoretical and legal research [dissertation abstract]. Volgograd; 2000. 37 p. (In Russ.).
34. Varnavsky A.G. Form of government as an object of constitutional regulation (comparative legal analysis) [dissertation abstract]. Moscow; 2011. 24 p. (In Russ.). EDN: ZOIBSX.
35. Pushkarev S.V. Atypical elements of the form of government [dissertation abstract]. Kazan; 2016. 26 p. (In Russ.). EDN: ZQBKNJ.
36. Kushkhov I.R. Correlation of elements of the form of state. *State Power and Local Self-Government*. 2011;(6):10–16. (In Russ.). EDN: NXSICZ.
37. Popondopulo V.F. Organization of public authority as a guarantee of human rights and freedoms. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;(10):11–19. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2022-10-11-19. EDN: XALPDL.
38. Osavelyuk A.M. Form of government and state regime: seeking an optimal combination. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2013;(1(102)):97–107. (In Russ.). EDN: PZTYXX.
39. Osavelyuk A.M. Specifics of the legal status of the head of state under different forms of government: myth and reality. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;(7):48–51. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-48-51. EDN: HPZMRG.

Информация об авторе

Д.А. Авдеев – доктор юридических наук, доцент, доцент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России

Information about the Author

D.A. Avdeev – Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Academic Department of the School of Law and Management at Tyumen State University, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionnalists of Russia

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила 03.08.2026; одобрена после рецензирования 11.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.

The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 11.09.2026; accepted for publication 14.09.2026.

Научная статья
УДК 342.9
EDN: BKBYUT

Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования института государственной аккредитации в сфере высшего образования

Максим Алексеевич Каплюк

Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия,
<https://orcid.org/0000-0001-9037-5823>, kma@rgups.ru

Аннотация

Введение. Масштабное реформирование системы высшего образования в нашей стране, связанное с внедрением новой модели уровней высшего образования, безусловно потребует пересмотра перечня специальностей и направлений подготовки, принятия новых федеральных государственных образовательных стандартов, определяющих качество образования, оцениваемое в рамках государственной аккредитации. В связи с недавним введением механизмов «регуляторной гильотины» в сфере образования требуют переосмысления подходы к реализации процедур государственной аккредитации. Это определяет актуальность исследования проблем и перспектив развития государственной аккредитации как института, гарантирующего оказание государственных услуг в сфере высшего образования с обеспечением надлежащего качества образования.

Цель. Оценка правового регулирования государственной аккредитации высшего образования на предмет его соответствия актуальным задачам обеспечения качества образования и подготовка рекомендаций по его совершенствованию.

Методы. В работе используются общенаучные и специальные научные методы (системный, логический, функциональный, историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой). В качестве материалов использованы научные труды российских и зарубежных авторов, а также законодательство в области образования и ряд программных документов, определяющих направления государственной политики в этой сфере и в области саморегулирования.

Результаты и выводы. На основе критической оценки существующего правового регулирования порядка государственной аккредитации автором выявлено несовершенство российской системы государственной аккредитации высшего образования и предложены направления совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

В работе отмечается необходимость приближения аккредитационных показателей к критериям качества образования. Автор пришел к выводу о неготовности рынка труда к дифференциации документов об образовании по признаку наличия или отсутствия государственной аккредитации образовательных программ. Автором разработаны новые подходы к регулированию государственной аккредитации в сфере высшего образования, основанные на замене аккредитации в государственных вузах по базовым для них образовательным программам на более эффективный инструмент внутриведомственного контроля со стороны государственных органов – учредителей, передачи функций по государственной аккредитации высшего образования саморегулируемым профессиональным объединениям, а также более широкой оценке качества образования в ходе государственного контроля (надзора) в сфере образования на основе видоизмененных показателей аккредитационного мониторинга, реально отражающих уровень подготовки и создание условий для качественного освоения профессиональных компетенций.

Ключевые слова: высшее образование, государственная аккредитация, оценка квалификации, государственные функции, административно-правовое регулирование, высшее учебное заведение, саморегулирование, качество образования, государственные органы, стратегия развития образования

Для цитирования: Каплиук М.А. Проблемы и перспективы совершенствования правового института государственной аккредитации в сфере высшего образования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 105 – 115. EDN: BKBYUT

Original article

Problems and prospects for improving the legal regulation of the institution of state accreditation in the sphere of tertiary education

Maksim A. Kapliuk

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9037-5823>, kma@rgups.ru

Abstract

Introduction. The large-scale reform of the higher education system in our country, associated with the introduction of a new model of higher education levels, will undoubtedly require a review of the list of specialties and fields of study, as well as the adoption of new federal state educational standards that define the quality of education assessed within the framework of state accreditation. In light of the recent introduction of «regulatory guillotine» mechanisms in the field of education, approaches to implementing state accreditation procedures need to be reconsidered. This determines the relevance of studying the problems and prospects for the development of state accreditation as an institution that guarantees the provision of public services in the field of higher education while ensuring the proper quality of education.

Objective. An assessment of the legal regulation of state accreditation of higher education institutions to determine whether it meets the current requirements for ensuring the quality of education, and the development of recommendations for its improvement.

Methods. The work employs general scientific and special scientific methods (systemic, logical, functional, historical-legal, formal-legal, and comparative-legal). The materials include scientific works by Russian and foreign authors, as well as legislation in the field of education and a number of policy documents defining the directions of state policy in this area and in the field of self-regulation.

Results and conclusions. Based on a critical assessment of the existing legal regulation of the procedure for state accreditation, the author identified the shortcomings of the Russian system of state accreditation in the sphere of tertiary education and proposed directions for improving legislation in this area.

The paper highlights the need to align accreditation indicators with the criteria for the quality of education. The author concluded that the labor market is not ready to differentiate education documents based on whether or not educational programs have state accreditation. The author has developed new approaches to regulating state accreditation in the field of higher education, based on replacing accreditation in state universities for their core educational programs with a more effective tool of intra-departmental control by the founding state bodies, transferring the functions of state accreditation of higher education to self-regulatory professional associations, and conducting a broader assessment of the quality of education during state control (supervision) in the field of education – based on modified indicators of accreditation monitoring that truly reflect the level of training and the creation of conditions for the high-quality acquisition of professional competencies.

Keywords: higher education, state accreditation, assessment of qualification, state functions, administrative and legal regulation, higher educational institution, self-regulation, quality of education, government bodies, education development strategy

For citation: Kapliuk, M. A. Problems and prospects for improving the legal regulation of the institution of state accreditation in the sphere of tertiary education. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 105-155. (In Russ). EDN: BKBYUT

Введение

В сфере образования в нашей стране институт государственной аккредитации появился с принятием в 1992 году Закона Российской Федерации (далее – РФ) «Об образовании», который связал это понятие с подтверждением качества подготовки и государственным статусом образовательной организации высшего образования (далее – вуз)¹. В то время при переходе от административно-командной системы к рыночным механизмам управления во многих отраслях начал использоваться опыт зарубежных стран. Это также затронуло высшее образование, где появился новый инструмент контроля качества образования – государственная аккредитация по аналогии с зарубежными странами. Однако при этом не была учтена главная особенность российской образовательной системы, связанная с ее преимущественной государственностью, в отличие от западных стран, в которых большинство вузов являются негосударственными.

Действующий Федеральный закон «Об образовании в РФ»² и Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности³ не раскрывают определение понятия аккредитации, определяя ее целью подтверждение качества образования, которое в свою очередь связывается с выполнением аккредитационных показателей. Количество проведенных Рособрнадзором аккредитационных процедур в сфере высшего образования постепенно растет: в 2024 г. – 471, в 2025 г. – 487⁴, при этом на основе анализа данных ГАС «Электронное правосудие» количество обжалований в суде решений Рособрнадзора о лишении/отказе государственной аккредитации после увязки предмета аккредитации с аккредитационными показателями резко сократилось (см. табл. 1).

Таблица 1 – Количество судебных арбитражных дел, связанных с обжалованием вузами решений аккредитационного органа⁵

Tabl. 1 – The number of court arbitration cases related to universities challenging decisions of the accreditation body

2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1	4	1	3	1	4	0	0	0

Масштабное реформирование системы высшего образования в нашей стране, которое связано с внедрением новой модели уровней высшего образования в ближайшее десятилетие в соответствии с Указом Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»⁶, потребует актуализации перечня направлений подготовки и специальностей высшего образования и федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС), соответствие требованиям которых

¹ Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Российская газета. 1992. 31 июля.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

³ Постановление Правительства РФ от 19 мая 2023 г. № 797 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 23 (ч. I). Ст. 4134.

⁴ Ежегодные доклады Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2024–2025 гг. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 30.06.2026).

⁵ ГАС «Электронное правосудие». URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.06.2026).

⁶ Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 20. Ст. 3535.

оценивается в ходе государственной аккредитации. Одним из ключевых направлений государственной образовательной политики государственная программа «Развитие образования» называет повышение эффективности и качества образования в соответствии с реалиями настоящего и вызовами будущего¹. В указанных условиях актуальным представляется обеспечение наличия эффективного правового механизма гарантирования «качественного образования», для получения которого, как отмечается Президентом РФ В.В. Путиным, должны появиться новые возможности для молодежи².

Целью настоящего исследования является анализ соответствия действующего правового регулирования государственной аккредитации актуальным и перспективным целям и задачам обеспечения качества образования и выработка мер, которые можно предпринять для совершенствования правового регулирования в этой сфере на основе трансформации подходов к реализации данного института.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные научные методы (системный, логический, функциональный, историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой). В качестве материалов использованы труды российских и зарубежных авторов, а также положения законодательства в области образования и документов, определяющих направления развития государственной политики в этой сфере.

Результаты и обсуждение

Просуществовавшая почти тридцать лет система государственной аккредитации в сфере высшего образования неоднократно подвергалась обоснованной критике, в которой отмечалось ее несовершенство. Исследователями были выявлены такие проблемы, как слабая связь аккредитационных показателей с качеством образования [1–2], излишне формальный подход к оценке качества образования [3], отсутствие возможностей у экспертов детально вникнуть в существо дела в ходе оценки аккредитационных требований [4], проблемы кадрового обеспечения образовательных программ, реализуемых в сетевой форме [5], проведение оценки качества образования без участия представителей работодателей в части трудовых функций, на которые ориентирована образовательная программа [6], превращение аккредитации из механизма повышения эффективности деятельности в рычаг воздействия на государственные вузы [7].

В научной литературе продолжается дискуссия о необходимости государственной аккредитации: одни исследователи подчеркивают ее обязательность для всех вузов без исключения [8], а другие – отмечают возможность ее утраты по мере оптимизации контрольных функций, развития лицензирования в рамках введения риск-ориентированной модели и повышения значимости профессионально-общественной аккредитации [9–10].

С 2021 года оценка качества образования производится по степени соответствия аккредитационным показателям. В настоящее время Минобрнауки России утверждены 7 аккредитационных показателей³, из которых преобладающий вес имеет показатель № 5, связанный с результатом выполнения диагностической оценочной работы. Таким образом, определяющим фактором является результат тестирования студентов старшего курса обучения, а не создание условий для ведения образовательной деятельности. Мониторинг

¹ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 375.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 февраля.

³ Приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2023 г. № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.06.2026).

деятельности вузов показывает, что наиболее подготовленными к обучению в вузе являются студенты, зачисленные на бюджетные места общего конкурса и имеющие более высокий средний балл единого государственного экзамена, по сравнению со студентами, поступающими на платной основе или в рамках специальных квот¹. При этом нужно учитывать неравномерность знаний и способностей студентов, зачисленных в разные года с учетом меняющихся пропорций численности разных категорий поступающих. Таким образом, на основе неудовлетворительных результатов прохождения диагностической работы студентами только одного из курсов данной образовательной программы несправедливо лишать конституционного права на получение высшего образования студентов тех курсов, которые могли бы успешно пройти диагностическую работу, но не имеют права на участие в ней.

Показатели №№ 1 и 1.2 содержат усредненные результаты вступительных испытаний поступающих и скорее отражают востребованность определенной образовательной программы у абитуриентов нежели качество обучения в вузе.

Показатели №№ 2 и 6 оценивают наличие электронной информационно-образовательной среды и внутренней системы оценки качества образования, однако при этом степень детализации информации и эффективности ее использования в учебном процессе не учитывается.

Показатели №№ 3 и 4 отражают усредненную долю научно-педагогических работников из числа работников профильных организаций или имеющих ученую степень, однако при этом не позволяют выделить высококвалифицированных преподавателей, уникальных исследователей и ведущих экспертов-производственников, проводящих занятия в данном вузе.

Законодательство в области образования не включает аккредитационные показатели в определение понятия качества образования, которое связано не только с выполнением требований ФГОС, но и с необходимостью учета потребностей обучающегося и организации, по заказу которой осуществляется его обучение. При этом, как справедливо замечает И.Ю. Гольяпина, проверить соответствие качества услуг потребностям физического лица в ходе контроля (надзора) невозможно [11, с. 114]. Думается, что удовлетворить индивидуальные потребности каждого студента и работодателя в единой системе оценки качества высшего образования в ходе государственной аккредитации также затруднительно. Очевидно, что законодательная формулировка понятия качества образования нуждается в уточнении, что оно определяется на основе требований ФГОС в целях удовлетворения потребностей студента и предприятия, по заказу которого осуществляется его обучение в вузе.

Представляется целесообразным в качестве аккредитационных показателей, действительно связанных с качеством образования, использовать показатели, отражающие интеграцию научной и учебной деятельности, воспитательную работу со студенческой молодежью, уровень оснащения учебно-лабораторным и тренажерным оборудованием, увеличение соотношения количества преподавателей и студентов, качественный состав преподавателей (количество докторов наук, академиков, победителей профессиональных конкурсов и т.п.).

В литературе подчеркивается недопустимость подмены задачи государственной аккредитации, связанной с контролем за получением гражданами качественного образования, на мотивацию вузов к развитию [12, с. 105–106]. Совершенствование деятельности вузов безусловно положительно влияет на улучшение качества подготовки, но эта зависимость является не прямо пропорциональной и неконтролируемой, т.е. развитие учебно-лабораторной и тренажерной базы, профессорско-преподавательского состава, учебно-методического обеспечения улучшает качество образования, но не гарантирует выполнение в полном объеме государственных требований к качеству подготовки, установленных ФГОС.

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 30.06.2026).

Для оценки значимости и целесообразности государственной аккредитации высшего образования важным представляется понимание конечных целей ее введения и определение пользователей (выгодоприобретателей) ее результата. Законодательство в области образования предоставляет вузу, имеющему государственную аккредитацию, право выдавать выпускникам документы об образовании установленного государством образца, при этом ранее действовавшее законодательство в области образования также связывало это с включением в схему централизованного государственного финансирования. Сейчас бюджетное финансирование следует за государственным заданием, которое формируется по результатам конкурса на установление контрольных цифр приема. При этом эти цифры могут быть установлены и по неаккредитованным специальностям¹.

Согласно Правилам формирования и ведения федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» в Федеральный реестр документов об образовании не вносятся сведения об аккредитации образовательных программ². С учетом того, что формы документов об образовании, устанавливаемые неаккредитованными вузами, могут незначительно отличаться от форм, установленных Минобрнауки России, работодателям практически невозможно понять, имела ли аккредитацию специальность, по которой обучался работник.

Квалификационные справочники и профессиональные стандарты не дифференцируют требования к выпускникам вузов, обучавшимся по аккредитованной или неаккредитованной программе. Если для работодателя это не принципиальный момент, зачем тогда это разделение в высшем образовании? Как отмечается в литературе, институт аккредитации даже может приводить к снижению эффективности, если неясны причины его внедрения [13, с. 38].

Если государство с целью осуществления своих государственных функций по обеспечению реализации конституционного права граждан на получение высшего образования в государственном образовательном учреждении создало подконтрольные ему государственные вузы, которые, как отмечает С.А. Беляков, являются «организационно обособленным продолжением учредителя» [14, с. 55], зачем еще дополнительная процедура подтверждения со стороны государства? Например, какой смысл аккредитовывать государственные медицинские вузы, если они уже более ста лет реализуют одну и ту же образовательную программу и все их выпускники востребованы в медицинских учреждениях страны? Получается, государство само себе не доверяет, когда приняло решение о создании государственного вуза и выдало ему лицензию? В данном случае неважно, что это могут быть разные органы исполнительной власти, поскольку они действуют в едином публичном интересе.

Целесообразным представляется сохранение аккредитации при обучении студентов в вузах по непрофильным для них образовательным программам (например, реализация экономических специальностей в технических вузах и т.п.), а также для вузов, которые интегрируются в российскую образовательную систему с целью гармонизации подготовки кадров в этих вузах с национальной системой высшего образования в нашей стране.

¹ Приказ Минобрнауки России от 28 августа 2023 г. № 824 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования, а также по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2026).

² Постановление Правительства РФ от 31 мая 2021 г. № 825 «О федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) квалификации, документах об обучении» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 23. Ст. 4069.

На основе анализа публикуемых на официальном сайте Рособнадзора заключений комиссий по аккредитационной экспертизе было установлено, что, например, в 2025 году было проведено 487 процедур государственной аккредитации, из которых отрицательное решение было принято только в 22 % случаях, при этом большинство отказов вынесено в отношении именно негосударственных вузов¹. Это в очередной раз подтверждает, что для государственных вузов эта процедура носит просто очередной рутинный характер, наличие или отсутствие которой не будет оказывать влияние в целом на качество обучения. В данном случае введение аккредитации для частных вузов является оправданным, чтобы исключить снижение качества подготовки специалистов в условиях отсутствия дополнительного эффективного внутриведомственного контроля со стороны их учредителей в отличие от государственных вузов, для которых функции учредителей выполняют государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями по контролю и управлению.

В ряде крупных государств (Австралия, Вьетнам, Германия, США, Южная Корея, Япония и др.) аккредитация программ высшего образования не является функцией государственных органов и осуществляется независимыми агентствами по аккредитации, которые могут создаваться по территориальному или отраслевому признаку, образуя «систему коллективной саморегуляции» [15, с. 196]. При этом за центральным государственным органом управления высшим образованием сохраняются полномочия по определению аккредитационных агентств и регулированию их деятельности.

Согласно пункту 7 Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности для проведения аккредитационной оценки достаточно чтобы студенты проучились хотя бы один год. Таким образом, профессиональные дисциплины и практическая подготовка могут выпадать из предмета аккредитационной оценки. На этом этапе проверить можно только готовность вуза к их реализации, т.е. оценить создание условий – а это предмет лицензионного контроля.

Оценка выполнения аккредитационных показателей осуществляется в ходе государственной аккредитации и федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования, которые проводит один и тот же государственный орган, причем зачастую используя одни и те же методы и механизмы. Учитывая оценивание в ходе контрольно-надзорной деятельности нарушения любого пункта ФГОС, отсутствие института государственной аккредитации в существующей форме не приведет к снижению качества высшего образования. В подтверждение этих слов на одном из заседаний Общественного совета при Рособнадзоре была одобрена автоматическая аккредитация эффективных вузов, а также высказывались мнения об исключении государственной аккредитации из числа разрешительных процедур².

Поскольку главным показателем результативности работы вуза Президентом РФ В.В. Путиным в 2025 году определен уровень трудоустройства выпускников вуза, институт государственной аккредитации должен быть увязан с мониторингом трудоустройства выпускников, а также национальной системой оценки и подтверждения квалификаций,

¹ Доклад за 2025 год о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования.
URL: <http://static.government.ru/media/files/CCmecVEmiX3CuIKdvsnvbmVJEvRnbro9.pdf> (дата обращения: 01.05.2026; Раздел «Документы» официального сайта Рособнадзора.
URL: https://obrnadzor.gov.ru/search_ron_docs/ (дата обращения: 01.05.2026).

² См.: Протокол заседания Общественного совета Рособнадзора от 16.10.2019 № ОС-4/пр.
URL: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2021/01/protokol-zasedaniya-os-ot-16-oktyabrya-2019-g-2-1.pdf> (дата обращения: 01.04.2026).

которую предполагается совместить с государственной итоговой аттестацией выпускников, обучающихся по программам высшего образования¹. При этом думается, что вуз, получивший признание со стороны профессионального сообщества работодателей, должен иметь преференции в получении дополнительного бюджетного финансирования на совершенствование материальных и кадровых условий осуществления образовательной деятельности.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года предусматривала развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества с передачей саморегулируемым организациям ряда государственных функций². В настоящее время в различных сферах свою деятельность осуществляют около тысячи саморегулируемых организаций – в области строительства, энергоаудита и др. Законодательство о саморегулируемых организациях не исключает его применения в сфере высшего образования, а С.С. Купреев справедливо предлагает рассматривать аккредитацию и саморегулирование в единой системе правового воздействия [16, с. 28–30]. Так, логичной является передача вопросов государственной аккредитации высшего образования саморегулируемым организациям, которые могут создаваться в форме объединения субъектов профессиональной деятельности по отраслевому или региональному признаку.

Государственная аккредитация программ высшего образования может осуществляться профессиональными объединениями вузов, осуществляющими подготовку в определенной сфере деятельности (например, ведущие транспортные вузы – в части реализации транспортных специальностей, ведущие медицинские вузы – в части медицинских специальностей и т.д.). При этом эта работа должна вестись в тесном сотрудничестве с объединениями работодателей и советами по профессиональным квалификациям, активно участвующими в процессе оценки квалификаций выпускников вузов.

В прерогативе государственных органов должен остаться надзор за созданием необходимых условий для осуществления образовательной деятельности и соблюдением требований закона, а саморегулируемые организации должны осуществлять контроль качества обучения. Т.е. государство должно продолжить осуществлять контроль и надзор не только за полнотой и правильностью реализации переданных публичных полномочий саморегулируемыми организациями, но и за образовательной деятельностью вузов. В данном случае введение контроля со стороны государства за реализацией аккредитационных процедур негосударственными аккредитационными органами и развитие надзора в сфере образования за вузами будет являться своеобразной гарантией сохранения права управления государственной аккредитацией в сфере образования для центральных органов управления высшим образованием.

В данном случае государство передает реализацию действующей государственной функции на уровень профессионального сообщества, сохраняя при этом инструменты контроля, как за самими вузами, так и за саморегулируемыми организациями. При этом профессиональное сообщество будет само заинтересовано в исключении недобросовестных участников рынка образовательных услуг. Это позволит разгрузить контрольно-надзорный орган и сосредоточить его деятельность на осуществлении своего основного предназначения. При этом созданную систему аккредитационного мониторинга целесообразно использовать для мониторинга системы высшего образования в рамках контрольно-надзорной деятельности.

¹ См.: Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного Совета РФ по вопросам подготовки кадров для экономики от 10 февраля 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/79143> (дата обращения: 01.04.2026).

² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Выводы

Правовые основы государственной аккредитации в сфере высшего образования на современном этапе не способствуют в целом эффективному и рациональному решению задачи повышения качества образования. Избыточный тотальный подход к прохождению государственной аккредитации, который усугубляется утвержденным набором показателей, не отражающих реальный уровень подготовки и создание условий для качественного освоения профессиональных компетенций большинством выпускников, требует переосмысления и переоценки в современных условиях развития высшего образования и расширения его связи с производством.

Думается, что административно-правовое регулирование осуществления этой государственной функции должно развиваться в следующем направлении:

выпуска студентов по неаккредитованным образовательным программам не должно быть вообще, отсутствие государственной аккредитации может допускаться на этапе обучения студентов до начала итоговой государственной аттестации;

предлагается ввести автоматическую государственную аккредитацию всех государственных вузов по базовым для них образовательным программам с целью устранения избыточных административных процедур государственной аккредитации в связи с наличием у государственных органов, являющихся их учредителями, дополнительных инструментов внутриведомственного контроля качества подготовки;

предлагается сохранить прохождение процедур государственной аккредитации для государственных вузов при реализации непрофильных для них специальностей и направлений подготовки, вузов, интегрирующихся в российскую систему высшего образования, и негосударственных вузов;

предлагается возложить исполнение функции по государственной аккредитации высшего образования на саморегулируемые профессиональные вузовские объединения с обязательным участием представителей отраслевых работодателей;

одновременно предлагается сохранить в предмете существующей системы государственного контроля (надзора) в сфере образования оценку соответствия требованиям ФГОС, включая инструмент аккредитационного мониторинга с видоизмененными показателями, реально отражающими качество образования, для всех вузов без исключения.

При этом появление новых элементов саморегулирования в сфере высшего образования должно привести к включению новой главы в Федеральный закон «Об образовании в РФ», включающей в себя вопросы саморегулирования и расширение использования инструментов внутриведомственного контроля.

Практическая значимость данных предложений заключается в высвобождении значительных кадровых и материальных ресурсов вузов, которые могут быть перенаправлены на реальное повышение качества образовательной деятельности, а также кадровых ресурсов Рособнадзора, которые могут быть перенаправлены на усиление эффективности и развития контрольно-надзорной деятельности в сфере высшего образования. Также перспективной представляется возможность использования предложенной модели при разработке Стратегии развития образования до 2036 года и оптимизации деятельности государственных органов в сфере высшего образования, а также ее применимости при совершенствовании регулирования государственной аккредитации других уровней образования.

Список литературы

1. Рукавишников, С. М. О некоторых вопросах правового регулирования аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования / С. М. Рукавишников // Право и государственность. – 2023. – № 1 (1). – С. 60–66. – EDN: IXOIKM.

2. Циминтия, А. А. Государственная аккредитация образовательной деятельности как гарантия качества образования / А. А. Циминтия, В. Н. Саданова // Научный вестник государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2021. – № 4. – С. 76–79. – EDN: GTSXDD.
3. Ожиганова, М. В. Государственная аккредитация как форма оценки качества высшего образования / М. В. Ожиганова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2019. – № 1–2. – С. 293–297. – EDN: LODJQE.
4. Дарда, И. В. Перспективы государственной аккредитации вузов в контексте «регуляторной гильотины» / И. В. Дарда, В. А. Зернов // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 6. – С. 2–7. – DOI: 10.25586/RNU.HET.20.06.P.02. – EDN: CVWVSH.
5. Анисимова, Т. В. Некоторые проблемы при аккредитации образовательных программ, реализуемых в сетевой форме / Т. В. Анисимова // Мир образования – образование в мире. – 2021. – № 2 (82). – С. 38–42. – EDN: EQZFKT.
6. Дрондин, А. Л. Актуальные тенденции управления качеством высшего образования / А. Л. Дрондин // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 1 (58). – С. 287–292. – DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.111. – EDN: FDVVID.
7. Киселев, А. А. Аккредитация государственных вузов: роль и проблемы для деятельности государственных вузов / А. А. Киселев // Международный академический вестник. – 2016. – № 3 (15). – С. 12–14. – EDN: WMYZDX.
8. Ратников, В. В. Административная процедура аккредитации в сфере высшего образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Ратников. – Челябинск, 2012. – 23 с. – EDN: QICDDR.
9. Кирилловых, А. А. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере высшего образования в условиях административной реформы / А. А. Кирилловых // Право и образование. – 2022. – № 8. – С. 20–25. – EDN: HTZXRS.
10. Куликова, Т. Б. Правовая модель профессионально-общественной аккредитации образовательных программ / Т. Б. Куликова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. – С. 17–26. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.85.12.017-026. – EDN: YLYFZL.
11. Гольяпина, И. Ю. Правовое содержание качества образования / И. Ю. Гольяпина // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 12 (168). – С. 112–117. – EDN: VVQENE.
12. Ратников, В. В. Аккредитация высших учебных заведений: теоретико-правовое исследование : монография / В. В. Ратников, В. И. Майоров. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 144 с. – EDN: UBEVNF.
13. Adeyemo, K. S. Higher education and the challenges of skills production in the Philippines / K. S. Adeyemo, C. Sehoole // South African Journal of Higher Education. – 2015. – Vol. 29, No. 2. – P. 23–41. – DOI: 10.20853/29-2-475.
14. Беляков, С. А. О статусе высшего учебного заведения / С. А. Беляков // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 5–6. – С. 52–57. – EDN: HTNLYZ.
15. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы: аналитический доклад / В. М. Филиппов [и др.]. – 2-е изд. – Москва: Логос, 2006. – 487 с. – ISBN 5-98704-020-5. – EDN: QVHVYF.
16. Купреев, С. С. Аккредитация как современный метод административно-правового воздействия / С. С. Купреев // Административное право и процесс. – 2013. – № 5. – С. 28–30. – EDN: QAVQXN.

References

1. Rukavishnikov S.M. On some issues of legal regulation of accreditation indicators for educational programs of higher education. *Law and Statehood*. 2023;1(1):60–66. (In Russ.). EDN: IXOIKM.
2. Tsimintia A.A., Sadanova V.N. State accreditation of educational activities as a guarantee of education quality. *Scientific Bulletin of the Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute*. 2021;(4):76–79. (In Russ.). EDN: GTSXDD.
3. Ozhiganova M.V. State accreditation as a form of quality assessment of higher education. *Science of the XXI Century: Current Areas of Development*. 2019;(1–2):293–297. (In Russ.). EDN: LODJQE.
4. Darda I.V., Zernov V.A. Prospects for state accreditation of higher education institutions in the context of the “regulatory guillotine”. *Higher Education Today*. 2020;(6):2–7. (In Russ.). DOI: 10.25586/RNU.HET.20.06.P.02. EDN: CVWVSH.
5. Anisimova T.V. Some problems in accreditation of educational programs implemented in network form. *The World of Education – Education in the World*. 2021;2(82):38–42. (In Russ.). EDN: EQZFKT.

6. Drondin A.L. Current trends in quality management of higher education. *Business. Education. Law*. 2022;1(58):287–292. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.111. EDN: FDVVID.
7. Kiselev A.A. Accreditation of state universities: role and problems for the activities of state universities. *International Academic Bulletin*. 2016;3(15):12–14. (In Russ.). EDN: WMYZDX.
8. Ratnikov V.V. *Administrative procedure of accreditation in the field of higher education* [dissertation abstract]. Chelyabinsk; 2012. 23 p. (In Russ.). EDN: QICDDR.
9. Kirillovykh A.A. Improvement of control and supervisory activities in the field of higher education under administrative reform. *Law and Education*. 2022;(8):20–25. (In Russ.). EDN: HTZXRS.
10. Kulikova T.B. The legal model for professional-public accreditation of educational programs. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(12):17–26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.85.12.017-026. EDN: YLYFZL.
11. Goltzapina I.Yu. Legal content of the quality of education. *Law and State: Theory and Practice*. 2018;12(168):112–117. (In Russ.). EDN: VVQENE.
12. Ratnikov V.V., Mayorov V.I. *Accreditation of higher education institutions: theoretical and legal research*. Moscow: Yurlitinform; 2012. 144 p. (In Russ.). EDN: UBEVNF.
13. Adeyemo K.S., Sehoole C. Higher education and the challenges of skills production in the Philippines. *South African Journal of Higher Education*. 2015;29(2):23–41. DOI: 10.20853/29-2-475.
14. Belyakov S.A. About higher education institution's status. *University Management: Practice and Analysis*. 2003;(5–6):52–57. (In Russ.). EDN: HTNLYZ.
15. Filippov V.M., Agranovich B.L., Arseniev D.G., et al. *Management in higher education: experience, trends and prospects*. 2nd ed. Moscow: Logos; 2006. 487 p. (In Russ.). ISBN 5-98704-020-5. EDN: QVHVYF.
16. Kupreev S.S. Accreditation as a modern method of administrative and legal influence. *Administrative Law and Process*. 2013

Информация об авторе

М.А. Каплюк – канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения.

Information about the author

M.A. Kapliuk - Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department «State and Municipal Management», Rostov State Transport University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 26.07.2026; одобрена после рецензирования 03.09.2026; принята к публикации 05.09.2026.

The article was submitted 26.07.2026; approved after reviewing 03.09.2026; accepted for publication 05.09.2026.

Научная статья
УДК: 342.951+ 351.82
EDN: MTRNGL

Административная ответственность за нарушение режима пребывания: проблема разграничения между нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище

Олег Сергеевич Бездольный

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
bezdolnyoleg2@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-7776-9620>

Аннотация

Цель. Целью исследования является выявление коллизии между политикой ужесточения административной ответственности за нарушение миграционного режима в Российской Федерации и защитными нормами законодательства о беженцах и лицах, ищущих убежище, в том числе применительно к принципу невысылки, а также пределов применения статьи 18.8 КоАП РФ к данной категории иностранных граждан.

Метод. Методологическую основу исследования составил анализ действующего федерального законодательства, в том числе Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также материалов правоприменительной практики судов общей юрисдикции. Исследования также затрагивает и во многом строится на историко-правовом анализе этапов эволюции административно-правового регулирования миграции в России с 1990-х годов по настоящее время.

Результаты. В работе показано, что переход российской миграционной политики от точечных репрессивных мер к модели постоянного и цифровизированного контроля (реестры, цифровой учет и так далее) объясняется как экономической целесообразностью, так и общественным запросом на более комплексный миграционный контроль. Кроме того, представлена авторская критика формального подхода правоприменителей, при котором сам факт нарушения режима пребывания констатируется без учета вынужденного характера перемещения лица, ищущего убежище. Высказаны аргументы в защиту необходимости обязательной проверки судом или административным органом реальной возможности лица легализоваться или безопасно покинуть страну, а также риска преследования при возвращении на родину. Показано, что проблема является в первую очередь процессуальной.

Вывод. В статье доказывается, что решение выявленной коллизии лежит не в полном исключении лиц, ищущих убежище, из сферы административной ответственности, а в отказе от субсидиарного и формального применения к ним общих норм КоАП РФ и индивидуализации административного принуждения. Автором предложено закрепить на уровне пленума Верховного Суда Российской Федерации обязанность устанавливать причины нарушения миграционного режима при заявлении лица об угрозе его жизни или здоровью, предусмотреть приостановление административного выдворения на период рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, а также обеспечить судебный контроль обоснованности содержания таких лиц в центрах временного содержания иностранных граждан.

Ключевые слова: административная ответственность, миграционный контроль, беженцы, временное убежище, административное выдворение.

Для цитирования: Бездольный О.С. Административная ответственность за нарушение режима пребывания: проблема разграничения между нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 116 - 126. EDN: MTRNGL

Original article

Administrative liability for violating stay regulations: the problem of distinguishing between illegal migrants and asylum seekers

Oleg S. Bezdolny

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia,

bezdolnyoleg2@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7776-9620>

Abstract

Goal. The purpose of this study is to identify the conflict between the policy of increasing administrative liability for violations of the migration regime in the Russian Federation and the protective norms of legislation on refugees and asylum seekers, including the principle of non-deportation, as well as the limits of application of Article 18.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to this category of foreign citizens.

Method. The study is based on an analysis of current federal legislation, including the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the materials of the law enforcement practice of general jurisdiction courts. The study also focuses on the historical and legal analysis of the stages of the evolution of administrative and legal regulation of migration in Russia from the 1990s to the present.

Results. The paper shows that the transition of Russian migration policy from targeted repressive measures to a model of constant and digitalized control (registries, digital records, and so on) is explained both by economic expediency and by the demand of Russian society for more comprehensive migration control. In addition, the author's criticism of the formal approach of law enforcement officers is presented, in which the very fact of violating the residence regime is stated without taking into account the forced nature of the asylum seeker's movement. Arguments have been made in favor of the need for a court or administrative authority to verify the person's actual ability to legalize or safely leave the country, as well as the risk of persecution upon return to their home country. It has been shown that the issue is primarily procedural.

Conclusion. The article proves that the solution to the identified conflict lies not in the complete exclusion of asylum seekers from administrative liability, but in the refusal to apply the general rules of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to them in a subsidiary and formal manner, and in the individualization of administrative coercion. The author proposes to enshrine at the level of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the obligation to establish the reasons for the violation of the migration regime when a person claims that their life or health is at risk, to provide for the suspension of administrative deportation during the consideration of an asylum application, and to ensure judicial control over the validity of the detention of such persons in temporary detention centers for foreign citizens.

Keywords: administrative liability, immigration control, refugees, temporary asylum, administrative expulsion.

For citation: Bezdolny O.S. Administrative liability for violating stay regulations: the problem of distinguishing between illegal migrants and asylum seekers. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 116-126. (In Russ). EDN: MTRNGL

Введение

В последние годы административно-правовое регулирование миграции в России переживает качественный сдвиг, который заключается в переходе от разрозненных мер как бюрократического, так и репрессивного характера, к формированию комплексной системы постоянного контроля, который заключается в масштабной цифровизации сферы миграционного учета. Начиная с 2024 года был принят ряд федеральных законов, которые направлены на борьбу с нелегальной миграцией, а Указ Президента от 15 октября 2025 г.

№ 738 утвердил новую концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы. В связи с этим возникает закономерный вопрос о пределах применимости указанной логики к особой категории иностранных граждан, а именно беженцам и лицам, ищущим убежище, чье пребывание в стране изначально обусловлено не пренебрежением к закону, а вынужденным характером перемещения. Именно это противоречие между репрессивной логикой контроля за незаконной миграцией и защитной логикой международного и национального права о беженцах составляет центральную тему указанной статьи.

Вопросы административной ответственности за нарушение миграционного режима исследованы в российской науке довольно широко. Так, Ю.Н. Стручкова анализирует административное задержание иммигранта как самостоятельную меру принуждения, которая не должна приобретать карательный характер. Е.Б. Бедрина и Н.П. Неклюдова через экспертные оценки изучают реализацию миграционной политики на региональном уровне, а вопросы секьюритизации миграции были исследованы в работах К.К. Григорьевой.

Вместе с тем работы, посвященные именно коллизии между усилением административного контроля за незаконной миграцией и защитными механизмами законодательства о беженцах, в том числе пределам применения статьи 18.8 КоАП РФ к просителям убежища, исследованию не подвергались, а соответствующие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не получили системного осмысления применительно к правоприменительной практике, что и определяет актуальность указанной работы.

Для достижения этой цели, во-первых, проводится исследование предпосылок и этапов эволюции административно-правового регулирования в сфере миграции, во-вторых, проводится анализ действующей системы административного контроля, в том числе цифровой учет и ответственность работодателей, в третьих, определяются пределы применения статьи 18.8 КоАП РФ к беженцам и лицам, ищущим убежище и в четвертых, на основе анализа правоприменительной практики формулируются предложения по индивидуализации административной ответственности для данной категории лиц.

Этапы эволюции административно-правового регулирования в сфере миграции

На текущий момент нелегальная миграция остается одним из наиболее серьезных вызовов как для правопорядка, так и для национальной безопасности Российской Федерации. В ответ на эти вызовы государство планомерно ужесточает административно-правовой инструментарий. Так, в ноябре 2024 года приняты федеральные законы, существенно повысившие санкции за организацию незаконной миграции и смежные с этим правонарушения, по словам председателя Государственной Думы В.В. Володина, за 2024 год было принято 16 законов для борьбы с нелегальной миграцией¹. Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 утверждена новая Концепция государственной миграционной политики на 2026-2030 годы. Всё это актуализирует вопрос об эффективности и соразмерности административной ответственности в данной сфере.

Сейчас можно наблюдать переход российской политики к модели постоянного миграционного контроля, которая выражается в том, что административная ответственность дополняется реестрами, цифровым учетом, усилением контроля за работодателями и усилением их ответственности, а также попытками пресечения нелегальной миграции в целом как таковой. Этот переход можно охарактеризовать как смену парадигмы регули-

¹Грудцинов Р. Володин: Госдума с 2024 года приняла 16 законов для борьбы с нелегальной миграцией // Парламентская газета. 2025. 29 мая. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-gosduma-s-2024-goda-prinyala-16-zakonov-dlya-borby-s-nelegalnoy-migratsiey.html> (дата обращения: 19.06.2026).

рования, которая заключается в переходе от точечного реагирования на отдельные правонарушения к выстраиванию сплошной системы наблюдения за миграционным статусом иностранного на всех его этапах нахождения в стране, начиная с момента въезда и заканчивая постановкой на учет по месту пребывания.

Такая логика соответствует более общей тенденции, которая отмечается рядом исследователей миграционной политики. Так, О.А. Хараева в своей рецензии на книгу «глобальное и региональное измерение миграционных процессов» рассматривает переход государств от эпизодического реагирования на миграционные потоки к системному управлению ими как самостоятельную политическую функцию [1, с. 170]. Похожая логика прослеживается и в зарубежной науке [2, с. 598], где исследуются вопросы об «экстернализации» и инструментализации миграционного контроля в Европейском Союзе, в том числе посредством усложнения государственного контроля путем создания системы цифрового учета и распределения контрольных функций между большим числом акторов, а не просто ужесточения санкций для конечного нарушителя.

Главная предпосылка усиления административной ответственности и административного контроля за незаконной миграцией в Российской Федерации это сочетание как экономической целесообразности трудовой миграции в Россию, так и общественного запроса на контроль за незаконной миграцией.

С экономической стороны доклад ФНИСЦ РАН [3, с. 599] о трудовой миграции в Россию прямо указывает, что растущий дефицит кадров становится ключевым фактором долгосрочного спроса на иностранную рабочую силу, хотя вклад мигрантов в долгосрочный экономический рост остается ограниченным, что и объясняет двойственность государственной политики, которая стремится одновременно сохранить приток кадров и модернизировать механизмы его регулирования.

С точки зрения общественного запроса социологические данные подтверждают устойчивый и растущий характер запроса на контроль за незаконной миграцией. Так, еще в 2021 году 81% россиян поддерживали ужесточение контроля за незаконной миграцией, причем согласие выражало как старшее поколение (старше 55 лет), так и молодые респонденты (от 18 до 34 лет)¹.

Концепция миграционной политики на 2026-2030 годы исходит из того, что рост числа иностранных наемных работников сохранится, но миграционная политика должна, с одной стороны обеспечивать безопасность и защиту рынка труда, с другой стороны гарантировать социальную стабильность и адаптацию иностранцев². Таким образом, в указанной Концепции можно наблюдать некий компромисс между запросом общества и экономической целесообразностью привлечения иностранной рабочей силы.

Еще одной предпосылкой является секьюритизация миграции, то есть перевод миграционного вопроса в плоскость общественной безопасности. Указанный вопрос является предметом исследования российских ученых [4, с. 60].

Вместе с тем у такой предпосылки есть вполне себе материальные основания, поскольку преступность в мигрантской среде возрастает. Так, в материалах Следственного комитета Российской Федерации незаконная и неконтролируемая миграция описывается как один из факторов криминогенной обстановки, теневой экономики и коррупции,

¹Более 80% россиян считают, что в РФ необходимо ужесточить контроль за незаконной миграцией // ТАСС. 2021. 20 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10499967> (дата обращения: 02.07.2026).

²О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 19.06.2026).

а в 2024 году ведомственные публикации связывали законодательные инициативы с ростом преступности среди нелегально находящихся лиц на территории России¹.

Более широкий историко-правовой контекст этой тенденции раскрывается в работе С.М. Поповой, А.А. Яник и С.Ф. Карповой «Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023)» [5, с 36]. В указанной работе исследователи выделили семь этапов эволюции российской миграционной политики и показали, что на протяжении всего постсоветского периода она колеблется между двумя конкурирующими приоритетами. С одной стороны у государства имеется объективная необходимость в привлечении иностранной рабочей силы для закрытия потребностей рынка труда, с другой стороны государство сталкивается с острой необходимостью обеспечения государственной и общественной безопасности. Как раз такая конкуренция приоритетов, по мнению авторов, объясняет противоречивость законодательных мер, которые принимались государством.

Третьей предпосылкой являются те претензии, которые накопились как со стороны общества, так и со стороны органов государственной власти, к инфраструктуре допуска мигрантов. Сюда можно включить и фиктивную регистрацию, и поддельные документы, и слабый контроль работодателей за своими сотрудниками трудовыми мигрантами, а также трудовую деятельность таких мигрантов вне разрешенных условий. При этом, речь идет не о единичных нарушениях, а о целой инфраструктуре по допуску и легализации таких лиц. В научной литературе это описывается как проблема формальных и неформальных институтов регулирования, которые и определяют положение трудовых мигрантов в России [6, с. 204-205]. Масштаб этой проблемы подтверждается статистикой МВД России. Так, только за 2024 год в отношении иностранных граждан было составлено около 3 миллионов протоколов об административных правонарушениях, часть из которых были за нарушение миграционного режима².

В тоже самое время МВД России фиксирует и рост выявленных случаев организации незаконной миграции, что свидетельствует о системности проблемы, а не об отдельных единичных нарушениях. Еще в 2018 году фиксировался устойчивый рост фиктивных постановок на учет, а также смежной практики «резиновых офисов», то есть фирм, регистрируемых без намерения вести коммерческую деятельность, а исключительно для постановки мигрантов на учет по юридическому адресу организации [7, с. 45].

В научной литературе это описывается как проблема формальных и неформальных институтов, которые и определяют положение трудовых мигрантов в России, в которых понятие неформальности описывается не как правовая аномалия, а системный результат взаимодействия экономических и социальных институтов, что применимо и к инфраструктуре допуска мигрантов, где нелегальные схемы легализации дополняют, а не замещают формальные институты регулирования [8].

Российский законодатель и правоприменитель далеко не сразу пришел к политике постоянного миграционного контроля. До начала 2010-х годов ядром ответственности были «классические» составы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сфере миграции, будь то нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (статья 18.8 КоАП РФ), незаконная трудовая деятельность (статья 18.10 КоАП РФ), нарушение правил привлечения иностранцев работодателями (статья 18.15 КоАП РФ).

¹ Бастрыкин А. И. Миграция и национальная безопасность: баланс между безопасностью и правами человека // Записки следователя. 2024. № 6. URL: <https://pressa.sledcom.ru/ZHurnal/Magazine-6-2024/item/1939911/> (дата обращения: 19.06.2026).

² В РФ в 2024 году на мигрантов составили более 3 млн протоколов за нарушения // ТАСС. 2025. 11 марта. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23364069> (дата обращения: 02.07.2026).

В дальнейшем была усилена территориальная модель ответственности для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей. Так, по статьям 18.8 и 18.10 КоАП РФ предусмотрены гораздо более высокие штрафы за миграционные нарушения, которые, к тому же, предусматривают выдворение как дополнительное наказание.

Однако простое усиление административной ответственности не сильно повлияло на рынок труда в среде нелегальных мигрантов, так как нарушения миграционного законодательства зачастую уже заложены в экономику рынка труда. Так исследования показывают [9, с. 149-151], что работодатели в крупных российских городах не готовы массово отказываться от иностранной рабочей силы несмотря на рост издержек такого найма. На практике это означает, что штрафы, которые предусмотрены для нелегальных мигрантов по статьям КоАП РФ не устраняют экономический стимул работодателя поддерживать либо полностью нелегальные, либо полулегальные схемы занятости.

Кроме того, отмечается [10, с. 101], что сама по себе процедура легализации представляет собой крайне бюрократизированный процесс, при котором коммерциализация разрешительных документов, коррупция и отчасти оппортунизм самих работодателей выглядят как надежный способ для мигранта обезопасить себя от контроля со стороны органов государственной власти.

Таким образом, простое ужесточение административной ответственности путем усиления репрессивного компонента, в том числе в наиболее экономически привлекательных для мигрантов регионах, было слишком слабой мерой. В первую очередь, она давила на конечного нарушителя, однако недостаточно затрагивала сами причины воспроизводства нарушений, такие как рынок посредников, фиктивные регистрации в «резиновых» квартирах, стоимость и сложность процедуры легализации (и привлекательность коррупционного пути в связи с этим), а также вероятность выявления.

Ситуация начала меняться в 2018 году. Тогда была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики на 2019-2025 годы, которая заложила рамки управляемой миграции, в том числе меры по их адаптации¹. Концепция же миграционной политики на 2026-2030 годы развивает эту тенденцию еще дальше, развивая идеи «управляемой миграции». К таким мерам отнесены и предварительная верификация иностранца, цифровой учет его статуса, контроль работодателя, режим высылки для лиц без законных оснований его пребывания в стране, а также профилактика незаконной миграции как составную часть концепции национальной безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем именно переход к модели постоянного миграционного контроля обостряет вопрос о пределах применения административной ответственности к различным категориям иностранных граждан. Если в отношении трудовых мигрантов, нарушающих правила въезда, пребывания или осуществления трудовой деятельности, усиление контроля оправдано, то применительно к беженцам и лицам, ищущим убежище, субсидиарно применять такую логику представляется неразумным.

Правовое положение лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища на территории Российской Федерации

Особенность правового положения указанной категории мигрантов состоит в том, что нарушение правил въезда или режима пребывания является не пренебрежением миграционным законодательством, а результатом вынужденного перемещения, отсутствия документов, невозможности обратиться к органам государственной власти гражданской принадлежности либо объективной невозможности своевременно легализовать свое пребывание. Поэтому применение статьи 18.8 КоАП РФ к беженцам и лицам, которые

¹О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046> (дата обращения: 20.06.2026).

ходатайствуют о получении такого статуса, а также лицам, ищущим временное убежище на территории Российской Федерации, требует самостоятельной оценки не только самого факта нарушения миграционного режима, но и причин такого нарушения.

В указанном смысле ужесточение миграционной политики выявляет более общий правовой риск, который заключается в том, что логика борьбы с незаконной миграцией может вступать в противоречие с защитной логикой законодательства о беженцах. Этот риск затрагивает и международно-правовую сферу, поскольку статья 33 Конвенции ООН «О статусе беженцев» 1951 года закрепляет принцип невысылки, запрещающий возвращение беженца в страну происхождения в случае, если там есть угроза его жизни или свободе из-за его расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Федеральный закон «О беженцах» исходит из того, что лицо, ищущее защиту, не должно быть возвращено против его воли в государство, где сохраняются обстоятельства, вызывающие опасения стать жертвой преследования. Конституционный Суд Российской Федерации¹ также рассматривал временное убежище как меру дополнительной защиты, препятствующую выдворению или депортации лица, которое формально не имеет законных оснований для пребывания, но в силу гуманитарных обстоятельств вынуждено находиться на территории Российской Федерации. При этом Конституционный Суд отметил, что временное убежище не может рассматриваться как альтернатива общему порядку получения разрешения на пребывание в стране. Таким образом, указанная защитная мера не отменяет миграционные требования как таковые, а лишь исключает принудительное возвращение лица при сохранении обязательств, угрожающих его безопасности.

Соответственно, проблема применения статьи 18.8 КоАП к беженцам и лицам, которые ищут убежище, заключается не в том, что такие лица должны быть полностью исключены из зоны административной ответственности за такое правонарушение, а в том, что необходимо применять к ним более высокую степень индивидуализации при принятии решения о привлечении к административной ответственности. Суд или административный орган должны в обязательном порядке установить, имелась ли у лица реальная возможность соблюсти требования миграционного законодательства, могло ли оно безопасно выехать из Российской Федерации, обращалось ли оно за защитой и не повлечет ли административное выдворение угрозы преследования, насилия или иные серьезные последствия для такого лица.

Кроме того, даже сейчас на практике уже проявилась проблема, при которой само обращение иностранного гражданина за временным убежищем не всегда рассматривается судами как препятствие для назначения или сохранения административного выдворения. Так, в деле Верховного Суда Республики Карелия² иностранный гражданин был привлечен к административной ответственности по части 2 статьи 18.8 КоАП, в результате чего ему был назначен штраф с принудительным административным выдворением, а последующее заявление о предоставлении ему временного убежища суд не признал обстоятельством, которое исключает правомерность назначенного наказания.

Судом было указано, что положения статьи 10 Федерального закона «О беженцах» не могут толковаться как освобождающие лицо от административного правонарушения, которое было совершено до подачи заявления о временном убежище. Эта позиция показывает важную правоприменительную проблему, что момент обращения за защитой приобретает решающее значение, хотя сама необходимость такой защиты может возникать

¹ По жалобе Закарии Мусы Ясира Мустафы, Маланга Сулеймана и ряда других иностранных граждан на нарушение их конституционных прав подпунктом 2 пункта 2 статьи 12 Федерального закона «О беженцах»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1317-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

² Решение Верховного Суда Республики Карелия от 17 января 2025 г. по делу № 12-13/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AlaZSjxYIAYG/> (дата обращения: 20.06.2026).

независимо от того, успело ли лицо формально подать заявление до выявления нарушения миграционного режима.

Указанный пример демонстрирует, что даже при временной «блокировке» высылки из Российской Федерации лицо может сохранить статус подлежащего выдворению и продолжать находиться в условиях ограничения свободы. При этом в научной литературе административное задержание иммигранта рассматривается как самостоятельная мера административного принуждения, которая не должна и не может приобретать карательный характер и при применении которой необходимы индивидуальная оценка действий лица, судебный контроль и альтернативы, особенно если высылка за пределы Российской Федерации такого лица фактически невозможна [11, с. 43].

Из этого можно сделать вывод, что указанная проблема носит не столько временный, сколько процессуальный характер. В данном случае, ключевым является не то, сколько лицо содержалось в специальном учреждении ЦВСИГ (центр временного содержания иностранных граждан), а то, обладает ли оно реальной возможностью инициировать проверку, в том числе и судебную, обоснованности своего дальнейшего содержания с учетом изменившихся обстоятельств, прежде всего факта подачи либо рассмотрения заявления о временном убежище. Если такая проверка носит формальный характер и ограничивается лишь констатацией факта вынесенного постановления о выдворении, то дальнейшее содержание лица фактически выпадает из-под судебного контроля, даже если имеются основания для его проведения.

В этом смысле индивидуализация должна проявляться не только на стадии принятия решения о привлечении к административной ответственности, но и на стадии исполнения уже назначенного наказания, поскольку суд или орган, который исполняет постановление о выдворении, должен иметь процессуальную обязанность периодически пересматривать целесообразность содержания лица с учетом новых обстоятельств, а не только формально фиксировать истечение или продление установленного законом срока [12, с. 101-102].

Таким образом, главный риск состоит в том, что беженцы и лица, ищущие убежище, могут быть фактически приравнены к обычным нарушителям миграционного режима. Между тем временное убежище, по позиции Конституционного Суда Российской Федерации, является мерой дополнительной защиты, препятствующей выдворению или депортации лица, которое формально не имеет законных оснований пребывания, но в силу гуманитарных обстоятельств вынуждено находиться на территории Российской Федерации.

Еще одним риском является формальный подход к составу статьи 18.8 КоАП. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что при привлечении к ответственности за нарушение режима пребывания правоприменитель не должен ограничиваться формальной констатацией факта отсутствия документов или истечения срока пребывания, а обязан выяснять, была ли у лица реальная возможность легализоваться или выехать из России.

И главный риск состоит в том, что выдворение может вступить в противоречие с принципом невысылки. В правовой аналитике по практике выдачи и выдворения искателей убежища¹ отмечалось, что лицо, ходатайствующее о признании беженцем, не может быть возвращено против его воли в государство гражданской принадлежности при сохранении обстоятельств, которые являлись причиной исхода из страны его гражданского происхождения.

¹ Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Об обеспечении прав иностранных граждан в ходе процедур экстрадиции, депортации, выдворения и получения убежища в Российской Федерации» от 4 февраля 2014 г. [приняты путем заочного голосования 11–14 апреля 2014 г.] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.president-sovet.ru/files/8b/7f/8b7f605f22dc0b614bfb2a1d04c1f7f1.pdf> (дата обращения: 20.06.2026).

Таким образом, проблема применения статьи 18.8 КоАП к лицам, ищущим убежище, заключается не в необходимости полного их освобождения от административной ответственности, а в недопустимости субсидиарного применения общих норм о нарушении миграционного законодательства к таким лицам. В каждом административном деле по указанной категории правонарушений необходимо устанавливать, была ли у лица реальная возможность соблюсти миграционные требования, когда и по каким причинам оно обратилось за защитой, имеются ли препятствия для возвращения и не приведет ли административное выдворение к фактическому отказу в защите такого лица. Без такой индивидуализации дальнейшее ужесточение административной ответственности может создать риск выдворения из России не только реальных нарушителей миграционного режима, но и лиц, которые потенциально нуждаются в защите от преследования в стране происхождения.

Основываясь на проведенном анализе, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования в обозначенной области:

Во-первых, в целях недопущения выдворения лиц, объективно нуждающихся в защите, представляется необходимым закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимость обязательного установления причин нарушения миграционного режима в случае, если лицо заявляет об угрозе его жизни или здоровью в стране происхождения. Указанная проверка должна включать в себя реальность и безопасность возможного выезда лица из России, а также оценку риска его преследования на родине.

Во-вторых, целесообразно предусмотреть приостановление исполнения административного выдворения на период рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища независимо от момента его подачи. При этом само привлечение к административной ответственности может не исключаться, однако назначение и исполнение выдворения должны быть отделены от оценки состава правонарушения и поставлены в прямую зависимость от результатов процедуры предоставления защиты.

В-третьих, требуется обеспечить возможность проверки, в том числе судебной, обоснованности содержания лица в центрах временного содержания иностранных граждан при подаче ходатайства о предоставлении лицу убежища. Это позволило бы исключить приравнивание просителей убежища к обычным нарушителям режима пребывания и обеспечить индивидуализацию административного принуждения в соответствии с принципом невысылки.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что переход российской миграционной политики от точечных репрессивных мер к модели постоянного и цифровизированного контроля закономерен, и объясняется устойчивой конкуренцией двух приоритетов, а именно - экономического и обеспечения безопасности общества. Но логика сплошного контроля, которая оправдана в отношении трудовых мигрантов, может неправомерно распространяться и на другую категорию иностранных граждан, а именно лиц, ищущих убежище на территории Российской Федерации.

Решение данной коллизии лежит не в исключении такой категории из-под административной ответственности, а в отказе от формального подхода и субсидиарного применения к ним положений КоАП. На сегодняшний день эти проблемы все еще актуальны.

Соответственно, представляется разумным двигаться не в сторону либерализации законодательства, а в сторону индивидуализации административного принуждения, то есть проверять возможность легализации иным путем и безопасно ли лицу выезжать в страну происхождения, приостанавливать выдворение на период рассмотрения обоснованности ходатайства о временном убежище и обязательный контроль со стороны как органов государственной власти, так и судов. Без указанных действий дальнейшее

ужесточение миграционного контроля рискует превратить административную ответственность в механизм, который позволяет высылать лиц, нуждающихся в защите, что противоречит как национальному, так и международному законодательству.

Список источников

1. Хараева О. А. Управление миграцией и модели миграционной политики: рецензия на книгу «Глобальное и региональное измерение миграционных процессов» / О. А. Хараева // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 166–172. - <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12048>.
2. Kent, J. Changing Motivations or Capabilities? Migration Deterrence in the Global Context / J. Kent, K. P. Norman, K. H. Tennis // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22, No. 4. – P. 853–878. - <https://doi.org/10.1093/isr/viz050>.
3. Красинец Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды, механизмы и инструменты регулирования / Е. С. Красинец // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», Москва, 26–28 ноября 2025 г. Вып. 9, ч. 2 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. – Москва: Издательский дом УМЦ, 2026. – С. 597–600. - ISBN 978-5-6055394-5-2.
- Григорьева К. С. Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции / К. С. Григорьева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 58–85. - <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.4>.
4. Попова, С. М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 24–51. - <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>. - EDN: VBXQFC.
5. Хонходжаев Ф. Т. Институты и практики регулирования миграции в России: ключевые проблемы положения трудовых мигрантов / Ф. Т. Хонходжаев, Ш. Ю. Акрамов // Миграционные мосты в Евразии: глобальное и региональное измерения: сборник трудов / под ред. С. В. Рязанцева, С. Н. Мищук, М. Н. Храмовой. – Москва, 2021. – С. 201–207. - <https://doi.org/10.38006/00187-097-5.2021.201.207>.
6. Максименко А. Ф. Проблема фиктивной регистрации иностранных граждан по месту пребывания в России / А. Ф. Максименко // Молодой ученый. – 2018. – № 28 (214). – С. 45–46.
7. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. - 536 с. - ISBN 978-5-7598-1090-2.
8. Флоринская Ю. Ф. Работодатели и иностранные мигранты на рынках труда крупных российских городов: взаимодействие в новых условиях / Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2 (167). – С. 144–154.
9. Бедрина Е. Б. Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений / Е. Б. Бедрина, Н. П. Неклюдова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 98–123. - <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-98-123>. - EDN: CZTRYW.
10. Стручков Ю. Н. Отдельные аспекты административно-правового принуждения в сфере миграции как метода обеспечения правопорядка / Ю. Н. Стручков // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 42–44. - <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-1-42-44>. - EDN: LAAURO.
11. Кириллов М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации / М. А. Кириллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 101–103. - EDN: TMQJAN.

References

1. Kharaeva O.A. Migration management and models of migration policy: book review of “Global and Regional Dimension of Migration Processes”. *Demographic Review*. 2020;7(4):166–172. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v7i4.12048.
2. Kent J., Norman K.P., Tennis K.H. Changing motivations or capabilities? Migration deterrence in the global context. *International Studies Review*. 2020;22(4):853–878. DOI: 10.1093/isr/viz050.

3. Krasinets E.S. Labor migration to Russia: trends, mechanisms and regulatory instruments. In: Bulavina M.A., Gerasimov V.I., editors. *Big Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference*; 2025 Nov 26–28; Moscow. Issue 9, Pt 2. Moscow: UMC Publishing House; 2026. p. 597–600. (In Russ.). ISBN 978-5-6055394-5-2.
4. Grigoryeva K.S. Migrants as “persons susceptible to terrorist ideology”: institutional analysis of the Russian case of migration securitization. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(3):58–85. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4.
5. Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. Transformation of Russian migration policy: stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and Municipal Law*. 2023;(4):24–51. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666. EDN: VBXQFC.
6. Khonkhodzhaev F.T., Akramov Sh.Yu. Institutions and practices of migration regulation in Russia: key problems of labor migrants’ status. In: Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N., Khramova M.N., editors. *Migration Bridges in Eurasia: Global and Regional Dimensions*. Moscow; 2021. p. 201–207. (In Russ.). DOI: 10.38006/00187-097-5.2021.201.207.
7. Maksimenko A.F. The problem of fictitious registration of foreign citizens at the place of stay in Russia. *Molodoi Uchenyi*. 2018;(28(214)):45–46. (In Russ.).
8. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., editors. *In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market*. Moscow: HSE Publishing House; 2014. 536 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1090-2.
9. Florinskaya Yu.F. Employers and foreign migrants in the labor markets of large Russian cities: interaction under new conditions. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;(2):144–154. (In Russ.).
10. Bedrina E.B., Neklyudova N.P. Implementation of migration policy in the Sverdlovsk Region through the eyes of experts: search for management solutions. *Ars Administrandi*. 2024;16(1):98–123. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2024-1-98-123. EDN: CZTRYW.
11. Struchkov Yu.N. Certain aspects of administrative-legal coercion in the sphere of migration as a method of ensuring law and order. *Migration Law*. 2025;(1):42–44. (In Russ.). DOI: 10.18572/2071-1182-2025-1-42-44. EDN: LAAURO.
12. Kirillov M.A. On the principle of individualization of punishment enforcement in the criminal-executive legislation of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(1(29)):101–103. (In Russ.). EDN: TMQJAN

Информация об авторе

Бездольный О. С. – аспирант, кафедра административного права и процесса им. Л.Л. Попова, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Information about the author

O. S. Bezdolny – postgraduate student, L.L. Popov Department of Administrative Law and Process, Kutafin Moscow State Law University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 09.07.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 27.08.2026.
The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 24.08.2026; accepted for publication 27.08.2026

Участие несовершеннолетних в создании медиаконтента: проблемы формирования и защиты цифровой идентичности ребенка в нормах семейного законодательства

Ольга Григорьевна Зубарева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-007-0525-8659>

Аннотация

Введение. Цифровая трансформация общественных отношений обусловила активное вовлечение несовершеннолетних в создание и распространение медиаконтента посредством социальных сетей, видеохостингов, блогов и иных цифровых платформ. Участие детей в медиаконтентности способствует реализации их творческого потенциала и права на самовыражение, однако одновременно создает новые риски нарушения прав и законных интересов ребенка, связанные с распространением персональных данных, формированием цифрового следа, коммерческим использованием результатов деятельности несовершеннолетнего и вмешательством в его частную жизнь. Действующее законодательство Российской Федерации не содержит комплексного правового регулирования данных общественных отношений, что обуславливает необходимость научного осмысления проблематики и выработки предложений по совершенствованию семейно-правового механизма защиты ребенка в цифровой среде.

Цель. Разработать теоретико-правовую модель защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего при его участии в создании медиаконтента и обосновать необходимость формирования семейно-правового механизма защиты цифровой идентичности ребенка.

Методы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, логико-правовой методы исследования, а также методы анализа, синтеза и правового моделирования.

Результаты. Обосновано, что участие несовершеннолетнего в создании медиаконтента представляет собой самостоятельную разновидность социально значимой деятельности ребенка, затрагивающую широкий комплекс его личных неимущественных и имущественных прав. Предложено авторское определение цифровой идентичности несовершеннолетнего как самостоятельного объекта семейно-правовой защиты. Выявлены пробелы действующего законодательства в части регулирования вопросов распространения медиаконтента с участием детей, защиты их цифрового образа и распоряжения доходами, получаемыми от использования результатов медиаконтентности. Разработаны предложения по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации.

Выводы. В условиях цифровизации общественных отношений обеспечение защиты цифровой идентичности несовершеннолетнего должно рассматриваться как одно из самостоятельных направлений реализации принципа приоритета интересов ребенка. Обоснована необходимость закрепления в семейном законодательстве обязанности родителей обеспечивать защиту цифровой идентичности ребенка и учитывать долгосрочные последствия распространения информации о несовершеннолетнем в цифровой среде.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ребенок, медиаконтент, цифровая идентичность, цифровая среда, семейное право, родительские права, интересы ребенка, цифровой след, защита прав ребенка.

Для цитирования: Зубарева О. Г. Участие несовершеннолетних в создании медиаконтента: проблемы формирования и защиты цифровой идентичности ребенка в нормах семейного законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 127-136. - EDN: SYWSBI

Original article

Participation of Minors in the Creation of Media Content: Problems of Forming and Protecting a Child's Digital Identity in the Framework of Family Law

Olga G. Zubareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
zubareva-og@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-007-0525-8659>

Abstract

Introduction. The digital transformation of social relations has led to the active involvement of minors in the creation and distribution of media content through social networks, video hosting services, blogs, and other digital platforms. Children's participation in media activities contributes to the realization of their creative potential and the right to self-expression, but it also poses new risks of violating children's rights and legitimate interests, such as the dissemination of personal data, the creation of a digital footprint, the commercial use of minors' work, and interference in their private lives. The current legislation of the Russian Federation does not contain a comprehensive legal regulation of these social relations, which necessitates a scientific analysis of the issue and the development of proposals for improving the family-legal mechanism for protecting children in the digital environment.

Purpose. To develop a theoretical and legal model of protecting the rights and legitimate interests of minors in their participation in the creation of media content and to substantiate the need to form a family and legal mechanism for protecting a child's digital identity.

Methods. The study was based on the dialectical method of cognition, formal legal, system-structural, comparative legal, and logical-legal research methods, as well as methods of analysis, synthesis, and legal modeling.

Results. It is substantiated that the participation of a minor in the creation of media content is an independent type of socially significant activity for a child, affecting a wide range of their personal non-property and property rights. The author proposes a definition of a minor's digital identity as an independent object of family law protection. The gaps in the current legislation regarding the distribution of media content involving children, the protection of their digital image, and the management of income derived from the use of media activities are identified. Proposals for improving the family legislation of the Russian Federation have been developed.

Conclusions. In the context of the digitalization of social relations, ensuring the protection of a minor's digital identity should be considered as an independent aspect of implementing the principle of prioritizing the interests of the child. The need to enshrine in family legislation the obligation of parents to ensure the protection of a child's digital identity and to consider the long-term consequences of disseminating information about a minor in the digital environment is justified.

Keywords: minor, child, media content, digital identity, digital environment, family law, parental rights, child's interests, digital footprint, protection of child's rights.

For citation: Zubareva O. G. Participation of minors in the creation of media content: problems of forming and protecting a child's digital identity in the framework of family law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 127 - 136. (In Russ.) EDN: SYWSBI

Введение

Семья, материнство, отцовство и детство традиционно рассматриваются российским государством в качестве важнейших социальных ценностей, определяющих устойчивое развитие общества и государства. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ семья отнесена к числу фундаментальных ценностей российского общества, нуждающихся в особой государственной защите.

Цифровая трансформация общественных отношений обусловила активное вовлечение несовершеннолетних в создание и распространение медиаконтента посредством социальных сетей, видеохостингов, блогов и иных цифровых платформ [1, с. 99; 2, с. 516; 3 с. 34].

В современных условиях особую актуальность приобретает обеспечение эффективной защиты прав и законных интересов ребенка в цифровой среде [4, с. 23; 5, с.40]. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к существенной трансформации механизмов социализации несовершеннолетних. Если ранее ребенок выступал преимущественно потребителем информации, то сегодня он становится активным участником цифровой коммуникации и самостоятельным создателем медиаконтента [6, с. 54].

Современные цифровые платформы предоставляют несовершеннолетним широкие возможности для творческой самореализации, развития способностей, получения новых знаний и навыков. Вместе с тем вовлечение детей в создание медиаконтента сопровождается возникновением ранее неизвестных семейно-правовой науке общественных отношений, требующих самостоятельного правового регулирования [7, с. 107].

Следует отметить, что участие несовершеннолетнего в создании медиаконтента не ограничивается ведением личных блогов или размещением отдельных публикаций в социальных сетях. В настоящее время широкое распространение получили семейные блоги, коммерческие интернет-проекты с участием детей, образовательные и развлекательные каналы, деятельность на цифровых платформах, предусматривающая получение доходов от распространения аудиовизуального контента [8, с. 12-13]. При этом ребенок нередко становится не только субъектом творческой деятельности, но и объектом постоянной цифровой демонстрации.

Особую актуальность исследуемой проблематике придает тот факт, что вопросы правового регулирования участия несовершеннолетних в создании медиаконтента стали предметом обсуждения на заседании экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 18 июня 2026 года². Данное обстоятельство свидетельствует о переходе рассматриваемой проблематики из сферы научной дискуссии в плоскость законодательной политики государства.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии комплексного подхода к регулированию отношений, возникающих в связи с участием несовершеннолетних в создании медиаконтента. Нормы семейного, гражданского и информационного законодательства регулируют лишь отдельные аспекты указанных общественных отношений, не формируя единого механизма защиты прав и законных интересов ребенка в цифровой среде [8, с.91].

В научной литературе исследуются отдельные вопросы защиты персональных данных несовершеннолетних, обеспечения информационной безопасности детей, регулирования деятельности блогеров и защиты права на частную жизнь [9, с. 39; 10, с. 60; 11, с. 93]. Вместе

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977

² <https://rutube.ru/video/c5d6021020f76ea9f2b939af63a6f2b7/>

с тем комплексное исследование цифровой идентичности несовершеннолетнего как самостоятельного объекта семейно-правовой защиты в настоящее время отсутствует.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость разработки теоретико-правовой модели защиты цифровой идентичности ребенка и совершенствования семейного законодательства Российской Федерации с учетом современных вызовов цифровой эпохи.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что участие несовершеннолетних в создании медиаконтента представляет собой самостоятельную разновидность общественных отношений, обладающих существенной спецификой и не охватываемых в полной мере существующими механизмами правового регулирования.

Традиционно участие ребенка в различных формах творческой деятельности рассматривалось через призму реализации его культурных, образовательных и личных прав. Вместе с тем цифровая среда существенно изменила характер соответствующих отношений. Создание медиаконтента в современных условиях предполагает не только реализацию творческого потенциала несовершеннолетнего, но и формирование значительного массива сведений о его личности, доступных неопределенному кругу лиц.

Представляется, что именно данное обстоятельство обуславливает необходимость выделения особого объекта правовой охраны – цифровой идентичности несовершеннолетнего. Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что отдельные элементы цифровой идентичности уже находятся под правовой защитой¹. Так, ст.152.1 ГК РФ² обеспечивает охрану изображения гражданина и его частной жизни, ст.6 ФЗ «О персональных данных» устанавливает специальные требования к обработке информации о личности, а ст.65 СК РФ³ закрепляет обязанность родителей действовать в интересах ребенка. Однако указанные правовые механизмы существуют изолированно друг от друга и не образуют единой системы защиты цифрового образа несовершеннолетнего.

По нашему мнению, подобный подход не позволяет учитывать особенности формирования личности ребенка в условиях цифровой среды. Каждый отдельный элемент информации о несовершеннолетнем может не представлять самостоятельной угрозы его интересам. Однако совокупность таких сведений способна сформировать устойчивый цифровой образ ребенка, который будет существовать независимо от его воли и оказывать влияние на дальнейшую реализацию принадлежащих ему прав.

В связи с этим представляется обоснованным рассматривать цифровую идентичность несовершеннолетнего в качестве самостоятельного объекта семейно-правовой защиты. Вопросы цифровой копии личности, в системе объектов гражданских прав, ранее были уже предметом исследования [12, 27].

Под цифровой идентичностью несовершеннолетнего предлагается понимать совокупность персональных данных, сведений о частной жизни, изображений, аудиовизуальных произведений, результатов творческой деятельности и иных цифровых следов, формирующих представление о личности ребенка в информационном пространстве и подлежащих

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»// Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451; Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»// Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, N 1, ст. 48; Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 N 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 N 2471-р»// Собрание законодательства РФ, 08.05.2023, N 19, ст. 3481;

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 16.

самостоятельной семейно-правовой защите в целях обеспечения его прав, законных интересов и благополучного развития [9, с. 40].

Предлагаемое определение позволяет выделить ряд признаков цифровой идентичности несовершеннолетнего.

Во-первых, цифровая идентичность носит комплексный характер. Она включает не отдельные сведения о ребенке, а всю совокупность информации, формирующую его цифровой образ.

Во-вторых, цифровая идентичность обладает длительным характером существования. В отличие от многих иных объектов семейно-правовой защиты последствия ее формирования могут сохраняться на протяжении значительного периода времени и проявляться уже после достижения ребенком совершеннолетия.

В-третьих, процесс формирования цифровой идентичности несовершеннолетнего в большинстве случаев осуществляется не самим ребенком, а его законными представителями либо иными лицами. Именно данное обстоятельство обуславливает необходимость использования механизмов семейно-правовой защиты.

В-четвертых, цифровая идентичность непосредственно связана с обеспечением права ребенка на частную жизнь, достоинство личности, свободное развитие и сохранение индивидуальности.

Проведенное исследование работ отечественных цивилистов [10, с. 60; 11, с. 93] позволяет выделить несколько основных моделей участия несовершеннолетних в создании медиаконтента.

Первая модель предполагает самостоятельное создание ребенком медиаконтента в пределах его возрастных возможностей.

Вторая модель связана с участием несовершеннолетнего в семейных медиапроектах, инициированных родителями либо иными законными представителями.

Третья модель характеризуется профессиональным или коммерческим использованием медиаконтента с участием ребенка.

Каждая из указанных моделей обладает собственной спецификой, однако общим для них является формирование цифровой идентичности несовершеннолетнего и возникновение риска нарушения его прав и законных интересов.

Особого внимания заслуживает проблема коммерциализации медиаконтента с участием детей. В последние годы получили широкое распространение семейные блоги и иные цифровые проекты, предполагающие систематическое размещение информации о ребенке и получение доходов от такой деятельности. При этом действующее законодательство не содержит специальных норм, определяющих порядок распоряжения денежными средствами, полученными в результате использования цифрового образа несовершеннолетнего [10, с. 60].

Представляется, что подобный законодательный пробел не соответствует принципу приоритета интересов ребенка. Фактически несовершеннолетний становится участником деятельности, приносящей экономическую выгоду другим лицам, однако гарантии защиты его имущественных интересов остаются недостаточно определенными.

Еще одной проблемой является отсутствие эффективного механизма учета мнения несовершеннолетнего при распространении информации о его личности в цифровой среде. Ст. 57 СК РФ предусматривает обязанность учитывать мнение ребенка при решении ряда вопросов, затрагивающих его интересы. Вместе с тем вопросы размещения медиаконтента с участием несовершеннолетнего в большинстве случаев остаются за пределами правового регулирования.

По нашему мнению, дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на формирование комплексного семейно-правового механизма защиты цифровой идентичности несовершеннолетнего.

Содержание указанного механизма целесообразно рассматривать через совокупность взаимосвязанных элементов.

К числу таких элементов следует отнести обязанность родителей обеспечивать защиту цифровой идентичности ребенка; необходимость оценки долгосрочных последствий распространения информации о несовершеннолетнем; специальные гарантии защиты имущественных интересов ребенка при коммерческом использовании медиаконтента; а также возможность ограничения доступа к информации, распространение которой противоречит интересам несовершеннолетнего.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего развития семейного законодательства Российской Федерации путем нормативного закрепления цифровой идентичности несовершеннолетнего в качестве самостоятельного объекта правовой защиты и создания специальных механизмов обеспечения прав и законных интересов ребенка в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Обсуждение

Предложенная в настоящем исследовании концепция цифровой идентичности несовершеннолетнего как самостоятельного объекта семейно-правовой защиты обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к обеспечению прав и законных интересов ребенка в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Следует отметить, что действующее российское законодательство исходит из фрагментарного регулирования отношений, связанных с защитой личности несовершеннолетнего в информационном пространстве. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы регулируются нормами семейного, гражданского и информационного законодательства. Однако существующий механизм правового регулирования ориентирован преимущественно на защиту отдельных прав ребенка, без учета комплексного характера процессов формирования его цифрового образа.

Так, нормы законодательства о персональных данных направлены на обеспечение законности обработки соответствующей информации. Вместе с тем даже добросовестное соблюдение требований законодательства о персональных данных не исключает возможности формирования цифрового образа несовершеннолетнего, который в дальнейшем способен оказывать влияние на его частную жизнь, социальную адаптацию и реализацию принадлежащих ему прав.

Аналогичная ситуация наблюдается применительно к гражданско-правовой охране изображения гражданина и защите частной жизни. Указанные механизмы имеют существенное значение для обеспечения прав личности, однако каждый из них направлен на защиту отдельного нематериального блага. Между тем цифровая идентичность несовершеннолетнего формируется под воздействием совокупности различных информационных элементов, существующих в тесной взаимосвязи друг с другом.

По нашему мнению, именно комплексный характер цифровой идентичности обуславливает необходимость использования семейно-правовых средств защиты. В отличие от иных отраслей права семейное право традиционно ориентировано на обеспечение благополучного развития ребенка и защиту его интересов в долгосрочной перспективе. Указанное обстоятельство приобретает особое значение в условиях цифровой среды, где последствия распространения информации могут сохраняться на протяжении многих лет.

Представляется, что одним из наиболее дискуссионных вопросов является определение пределов осуществления родительских прав при формировании цифровой идентичности ребенка. Традиционно семейное законодательство (гл. 12 СК РФ) предоставляет родителям широкие полномочия по воспитанию несовершеннолетнего и определению способов его развития. Вместе с тем цифровая среда поставила перед правовой наукой принципиально новый вопрос: вправе ли родители по собственному усмотрению формировать

цифровой образ ребенка, последствия существования которого будут затрагивать интересы несовершеннолетнего уже после достижения им совершеннолетия?

По нашему мнению, ответ на данный вопрос должен основываться на принципе приоритета интересов ребенка, что согласуется с традиционным подходом, изложенным в ст. 57 СК РФ. Само по себе осуществление родительских прав не может рассматриваться в качестве достаточного основания для неограниченного распространения информации о несовершеннолетнем. В каждом конкретном случае подлежит оценке соответствие подобных действий интересам ребенка как в настоящем, так и в будущем.

Особое значение данный вывод приобретает применительно к коммерческому использованию медиаконтента с участием несовершеннолетних. Анализ современной цифровой практики свидетельствует о том, что семейные блоги и иные медиапроекты нередко предполагают систематическое размещение информации о ребенке в целях получения дохода [10, с. 60; 11, с. 93]. В подобных ситуациях возникает риск подмены интересов несовершеннолетнего имущественными интересами иных лиц.

Представляется, что действующее законодательство не содержит достаточных гарантий защиты имущественных прав ребенка в рассматриваемой сфере. По существу отсутствует специальный правовой режим доходов, получаемых в результате использования цифровой образа несовершеннолетнего. Вместе с тем участие ребенка в создании медиаконтента во многих случаях выступает одним из основных факторов коммерческой привлекательности соответствующего проекта.

В связи с этим представляется обоснованным дополнение статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации положениями, предусматривающими специальные гарантии защиты имущественных интересов несовершеннолетнего при коммерческом использовании медиаконтента с его участием. Законодательное закрепление соответствующего механизма позволит обеспечить более последовательную реализацию принципа приоритета интересов ребенка.

Не менее важным направлением совершенствования законодательства является развитие правовых механизмов защиты цифровой идентичности несовершеннолетнего как элемента его личной сферы. В настоящее время российское семейное законодательство не содержит прямого указания на обязанность родителей учитывать последствия распространения информации о ребенке в цифровой среде. Между тем именно родители в большинстве случаев принимают решения о публикации соответствующих сведений.

По нашему мнению, статья 65 Семейного кодекса Российской Федерации может быть дополнена положением, устанавливающим обязанность родителей обеспечивать защиту цифровой идентичности несовершеннолетнего и учитывать возможные последствия распространения информации о нем в информационно-телекоммуникационных сетях.

Предлагаемое изменение не предполагает ограничения права родителей на воспитание ребенка либо осуществление семейной коммуникации в цифровой среде. Речь идет о законодательном закреплении дополнительного критерия оценки добросовестности осуществления родительских прав применительно к новым общественным отношениям, возникшим в результате цифровизации.

Таким образом, обсуждение результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что категория цифровой идентичности несовершеннолетнего обладает не только теоретическим, но и существенным прикладным значением. Ее использование создает предпосылки для формирования комплексного механизма защиты прав ребенка в цифровой среде и дальнейшего совершенствования семейного законодательства Российской Федерации.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, цифровизация общественных отношений привела к возникновению новых форм участия несовершеннолетних в информационном пространстве, среди которых особое

место занимает создание медиаконтента. Участие ребенка в данной деятельности затрагивает широкий комплекс личных неимущественных и имущественных прав, что обуславливает необходимость формирования специальных правовых механизмов их защиты.

Во-вторых, действующее законодательство Российской Федерации не содержит комплексного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с участием несовершеннолетних в создании медиаконтента. Нормы семейного, гражданского и информационного законодательства обеспечивают защиту лишь отдельных элементов правового статуса ребенка, не формируя целостного механизма охраны его интересов в цифровой среде.

В-третьих, обоснован вывод о том, что ключевым объектом правовой охраны в рассматриваемой сфере выступает не отдельное изображение ребенка, его персональные данные либо сведения о частной жизни, а формируемая в результате их совокупного распространения цифровая идентичность несовершеннолетнего.

В-четвертых, под цифровой идентичностью несовершеннолетнего предлагается понимать совокупность персональных данных, сведений о частной жизни, изображений, аудиовизуальных произведений, результатов творческой деятельности и иных цифровых следов, формирующих представление о личности ребенка в информационном пространстве и подлежащих самостоятельной семейно-правовой защите в целях обеспечения его прав, законных интересов и благополучного развития.

В-пятых, специфика цифровой идентичности несовершеннолетнего определяется тем обстоятельством, что ее формирование в большинстве случаев осуществляется не самим ребенком, а его родителями либо иными законными представителями. Указанная особенность предопределяет необходимость использования именно семейно-правовых средств защиты интересов несовершеннолетнего.

В-шестых, установлено, что существующая модель осуществления родительских прав не учитывает в полной мере риски, связанные с формированием цифрового образа ребенка. В условиях цифровой среды принцип приоритета интересов несовершеннолетнего должен распространяться не только на вопросы его воспитания и содержания, но и на процессы создания, распространения и коммерческого использования медиаконтента с его участием.

В-седьмых, особого правового регулирования требует коммерческое использование медиаконтента с участием несовершеннолетних. Получение доходов посредством распространения цифрового образа ребенка объективно затрагивает его имущественные интересы, что обуславливает необходимость установления дополнительных законодательных гарантий их защиты.

В-восьмых, в целях совершенствования семейного законодательства Российской Федерации представляется обоснованным:

- дополнить статью 65 Семейного кодекса Российской Федерации положением об обязанности родителей обеспечивать защиту цифровой идентичности ребенка и учитывать возможные последствия распространения информации о нем в цифровой среде;
- разработать правовой механизм учета мнения несовершеннолетнего при размещении медиаконтента, затрагивающего его права и законные интересы;
- установить специальные гарантии защиты имущественных прав ребенка при коммерческом использовании медиаконтента с его участием;
- предусмотреть правовые механизмы ограничения доступа к информации о несовершеннолетнем либо ее удаления в случаях, когда дальнейшее распространение такой информации противоречит интересам ребенка.

Таким образом, проведенное исследование позволяет рассматривать цифровую идентичность несовершеннолетнего в качестве самостоятельного объекта семейно-правовой защиты, а ее обеспечение – как одно из перспективных направлений развития современного семейного законодательства Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества.

Список источников

1. Гаврилова, Ю. А. Конституционализация информационной безопасности в российском праве: проблема совершенствования теоретической модели / Ю. А. Гаврилова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 97–116. – <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116>. – EDN: JSVYQW.
2. Демкин, В. О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий / В. О. Демкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 512–527. – <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>. – EDN: FTBYVW.
3. Степанов, О. А. О цифровой идентичности человека в виртуальном пространстве / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Российская юстиция. – 2025. – № 10. – С. 30–35. – https://doi.org/10.52433/01316761_2025_10_30. – EDN: WIVZLX.
4. Дугенец, А. С. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России / А. С. Дугенец, Л. В. Павлова // Административное право и процесс. – 2023. – № 5. – С. 22–25. – EDN: OFERFW. – <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-22-25>.
5. Провалинский, Д. И. Правовой статус личности в цифровом пространстве / Д. И. Провалинский // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 38–53. – <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.38-53>. – EDN: LDQWUW.
6. Подустова, О. Л. Правовые аспекты защиты прав детей в цифровом пространстве / О. Л. Подустова, А. А. Чурочкина // Вопросы безопасности. – 2025. – № 2. – С. 53–66. – <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2025.2.74098>. – EDN: NLUAPO.
7. Хисамова, Р. В. Особенности защиты прав детей в интернете / Р. В. Хисамова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2. – С. 105–113. – <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113>. – EDN: XGVZCG
8. Сустина, Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. И. Сустина. – Москва, 2023. – 234 с.
9. Лескина, Э. И. Информационная безопасность несовершеннолетних в аспекте функционирования цифровой образовательной среды / Э. И. Лескина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2024. – № 4. – С. 37–43. – <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43>.
10. Никишина, А. В. Правовое регулирование участия несовершеннолетних в создании медиаконтента: системные пробелы российского законодательства и пути их преодоления / А. В. Никишина // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 3. – С. 58–68. – <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2026.184.3.058-068>. – EDN: TWDOZP
11. Савенко, Н. Е. Правовое регулирование деятельности блогеров / Н. Е. Савенко // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 6. – С. 92–99. – <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.6.3>. – EDN: FZAGVD
12. Богустов, А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства / А. А. Богустов // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 25–31. – <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-25-31>.

References

1. Gavrilova Y.A. Constitutionalization of information security in Russian law: the problem of improving the theoretical model. *RUDN Journal of Law*. 2023;27(1):97–116. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116. EDN: JSVYQW.
2. Demkin V.O. Digital personality and digital image of a person: characteristics and place of concepts in the system of related categories. *RUDN Journal of Law*. 2024;28(3):512–527. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527. EDN: FTBYVW.
3. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On the digital identity of a person in virtual space. *Russian Justice*. 2025;(10):30–35. (In Russ.). DOI: 10.52433/01316761_2025_10_30. EDN: WIVZLX.
4. Dugenets A.S., Pavlova L.V. State regulation of ensuring information security of minors as a component of Russia's national security. *Administrative Law and Process*. 2023;(5):22–25. (In Russ.). DOI: 10.18572/2071-1166-2023-5-22-25. EDN: OFERFW.

5. Provalinsky D.I. Legal status of an individual in the digital space. *Justice*. 2023;5(1):38–53. (In Russ.). DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53. EDN: LDQWUW.
6. Podustova O.L., Churochkina A.A. Legal aspects of protecting children's rights in the digital space. *Security Issues*. 2025;(2):53–66. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7543.2025.2.74098. EDN: NLUAPO.
7. Khisamova R.V. Features of protecting children's rights on the Internet. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2025;(2):105–113. (In Russ.). DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113. EDN: XGVZCG.
8. Sustina T.I. *Legal support for the information security of minors in the context of digital transformation of society* [dissertation]. Moscow; 2023. 234 p. (In Russ.).
9. Leskina E.I. Information security of minors in the aspect of the functioning of the digital educational environment. *Vestnik VGU. Series: Law*. 2024;(4):37–43. (In Russ.). DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43.
10. Nikishina A.V. Legal regulation of minors' participation in the creation of media content: systemic gaps in Russian legislation and ways to overcome them. *Actual Problems of Russian Law*. 2026;21(3):58–68. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.058-068. EDN: TWDOPZ.
11. Savenko N.E. Legal regulation of bloggers' activities. *Journal of Russian Law*. 2024;28(6):92–99. (In Russ.). DOI: 10.61205/jrp.2024.6.3. EDN: FZAGVD.
12. Bogustov A.A. Digital image (digital copy of personality) in the system of objects of civil rights: the experience of model legislation. *Law Bulletin of Samara University*. 2023;9(4):25–31. (In Russ.). DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-25-31

Информация об авторе

О.Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

O. G. Zubareva – Cand. of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law Russian, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 03.07.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 14.08.2026.

The article was submitted 03.07.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 14.08.2026.

Научная статья
УДК 349.2
EDN: FNPIL

Непосредственно связанные с трудовыми отношения в предмете трудового права

Эльвира Николаевна Бондаренко

Москва, Россия, bondarenko03@rambler.ru

Аннотация

Введение. Одной из основных задач трудового законодательства является правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Целью статьи является попытка критического анализа той части предмета трудового права, которую составляют отношения, непосредственно связанные с трудовыми (ст. 1 ТК РФ).

Теоретическую основу статьи составили законодательные акты в сфере трудового права, а также труды ведущих специалистов в обозначенной проблемной области, которые позволили изучить различные точки зрения на рассматриваемые вопросы.

Результаты и выводы. Установлено, что отношение «трудоустройство у данного работодателя» - результат самостоятельного трудоустройства, завершающегося заключением трудового договора и представляющего собой трудовое отношение. В статье поддерживаются высказанные мнения ученых по некоторым дискуссионным вопросам, касающимся предмета настоящей работы.

Ключевые слова: Трудовой кодекс, трудовые отношения, непосредственно связанные с трудовыми отношения, трудоустройство у данного работодателя, служба занятости, частное агентство занятости, Закон о занятости

Для цитирования: Бондаренко Э. Н. Непосредственно связанные с трудовыми отношения в предмете трудового права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 137-144. EDN: FNPIL

Original article

Directly related to labor relations in the subject of labor law

Elvira N. Bondarenko

Moscow, Russia, bondarenko03@rambler.ru

Abstract

Introduction. The main task of labor legislation is the legal regulation of labor relations and other directly related relations. Labor relations are crucial in the subject of labor law, but those derived from them or closely related to them, as they were variously called before the current Labor Code, were almost always present in the subject, making it complex and heterogeneous.

Purpose. To analyze the controversial issues that arise when considering the relations that constitute the subject of labor law, which are directly related to labor relations.

The theoretical basis of the article is made up of legislative acts in the field of labor law, as well as the works of leading experts in the designated problem area, which allowed us to study various points of view on the issues under consideration.

Results and conclusions. The author has attempted a critical analysis of that part of the subject of labor law that consists of relations directly related to labor (Article 1 of the Labor Code of the Russian Federation). The study reveals that, in the author's opinion, the relationship "employment with a given employer" is the result of independent Employment, culminating in the conclusion of an employment contract and constituting an employment relationship. The author provides additional arguments in support of the opinion of scholars who disagree with the separation of financial liability from the employment relationship. "Directly related" and considers it unfounded to include in this group of relations those entities whose sphere of activity extends beyond the immediate connection with labor relations.

Keywords: Labor Code, labor relations directly related to labor relations, employment with this employer, Employment service, private employment agency, Employment Law

For citation: Bondarenko, E. N. Directly related to labor relations in the subject of labor law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 137 - 144. (In Russ.) EDN: FNPIL

Введение

Одной из задач трудового законодательства, и, надо полагать, основной, является правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (ст. 1 ТК РФ).

Обсуждения и результаты

Определяющими в предмете трудового права являются, разумеется, трудовые отношения, однако производные от них или тесно связанные с ними, как по-разному их называли до действующего Кодекса, практически всегда присутствовали в предмете, делали его сложным и неоднородным.

Сложным – по количеству входящих в него отношений: девять непосредственно связанных с трудовыми. А неоднородным, отчасти, как писал Р.З. Лившиц, возможно, потому, что эта модель охватывает производственную и социальную стороны [1, с. 140]. Кроме того, ни субъекты этих отношений (чаще, присутствовал один из «основных»: работник или работодатель, и то не всегда), ни содержание, ни объект этих отношений, ни основания их возникновения не находятся как бы «внутри» предмета трудового права. Некоторые из этих отношений, конечно, «обслуживают» в определённой мере трудовые отношения, но их трудно назвать *непосредственно* связанными с трудовыми, потому что у иных из них гораздо более широкие полномочия, чем только связь с трудовыми отношениями. Это и государственный федеральный контроль (надзор), профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства, социальное страхование; индивидуальные трудовые споры, рассматриваемые в суде как один из множества видов гражданских дел, хотя и с особенностями. Занятость и трудоустройство, например, и возникает, и заканчивается до наступления трудового отношения, и поэтому в этом отношении вовсе нет субъектов трудового права. Связь с трудовым отношением есть, но она не такая простая. Рассмотрим ниже. **Это первое.**

Второе. В последние годы с внесением изменений в Трудовой кодекс (в частности, гл. 53.1), с принятием новых законов, в том числе Федерального закона от 12.12.2023 N 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)¹, имеющих прямое отношение к занятости и трудоустройству, возникает несколько вопросов. Часть Закона о занятости и трудоустройству посвящена непосредственно безработным (глава 5).

¹ Далее – Закон о занятости.

Обратившийся в службу занятости гражданин получает государственную помощь. Смысл включения этого вопроса в сферу трудового законодательства состоит в том, чтобы способствовать безработному получить работу, причём, прежде всего, по трудовому договору. Поскольку о помощи в поисках работы говорится в Законе о занятости (хотя в числе законов, регулирующих этот вопрос, Трудовой кодекс РФ не назван), целью лица, ищущего работу, является – как один из вариантов – заключение трудового договора. Не останавливаясь на правовом статусе безработного, заметим, что благоприятным исходом работы службы занятости и безработного является вакансия подходящей работы, сообщение о которой обязан представить работодатель, нуждающийся в таком специалисте (ст. 53). Дальше всё зависит от заинтересованных сторон. Если будущие работник и работодатель договорятся и заключат трудовой договор, вопрос решён.

Прежде чем делать какой-либо вывод, вспомним, что в ст.1 ТК РФ в числе непосредственно связанных с трудовым отношений значится и «трудоустройство у данного работодателя». В связи с этим возникает как минимум два вопроса: что здесь понимается под трудоустройством; кто подразумевается под «данным работодателем». Чем он отличается от не «данного», а от обычного работодателя. Какой конкретно субъект имеется в виду? Логично предположить, что он – тот, кто гарантированно заключает трудовой договор. Иначе почему он «данный», и каковы эти гарантии?

Сначала коротко о трудоустройстве. В Законе о занятости и других нормативных актах, касающихся трудоустройства, определение его понятия не даётся, хотя, например, в Законе о занятости этот термин повторяется в 23 статьях. В научной литературе этот вопрос не обойден вниманием. Во 2-м томе Курса трудового права Санкт-Петербургского университета понятие трудоустройства даётся глубоко и всесторонне [2].

В одном из учебников по трудовому праву трудоустройство определяется как комплекс организационных, экономических и правовых мер, обеспечивающих трудовую занятость граждан [3, с. 114]. Интересно было бы выяснить наличие юридических оснований для включения этого отношения в число «непосредственно связанных»: ведь здесь названы субъекты именно трудового отношения, и только они. Когда Государственная служба занятости находит подходящую работу (ст. 27 Закона о занятости) и предлагает её безработному, ему выдаётся соответствующее направление, с которым он идёт (может и не идти) к работодателю, имеющему вакансию. Существует мнение, что сам факт явки с направлением есть символ свершившейся сделки. Но такое предположение ошибочно. Трудоустройство закончилось в тот миг, когда безработному вручена эта бумага. Служба занятости не имеет права настаивать на заключении трудового договора лишь на том основании, что документы безработного соответствуют требованиям работодателя. Служба имеет дело только с документами. Дальше – не тишина, а заключение трудового договора, обе стороны которого могут от него отказаться. Если отказался работодатель, то несостоявшийся работник, конечно, может обжаловать отказ в суд, но успех его ждёт, если суд признает отказ необоснованным (ст. 64 ТК РФ).

В.А. Абалдуев критически исследовал этот вопрос и привёл не всегда, по его мнению, правильные судебные решения, признающие отказ обоснованным [4].

Приведём пример из судебной практики с другим решением: девушке с направлением службы занятости отказали в связи с отсутствием опыта работы по специальности¹.

¹Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 N 88-25550/2025 данное определение оставлено без изменения. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 15.05.2025 N 33-4011/2025 (УИД 64RS0027-01-2024-000934-20).

Понятно, что суду трудно убедить работодателя в наилучших профессиональных качествах претендента. К тому же, согласно п.10 Постановления Пленума Верховного Суда «необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) и заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя»¹.

Е.Н. Доброхотова пишет: «Трудоустройство ...легко отождествить с заключением трудового договора или приёмом на работу. Но заключение трудового договора как способ возникновения трудового правоотношения находится вне границ отношений по обеспечению занятости, совершается в области рынка труда...Бывшие субъекты рынка труда становятся субъектами трудовых отношений, т.е. действуют в дальнейшем в сфере занятости» [2, с. 409]. Иначе говоря, направление, выданное на вакантную должность, не имеет юридического значения. Только информационное. И где же тут, спрашивается, «данный работодатель»? Тот, кто предполагался на эту роль, имеет право обоснованно отказаться. О подобном трудоустройстве, можно говорить, например, в порядке ст. 198 ТК РФ. В ней есть ч.2, согласно которой работник данной организации может заключить дополнительный к своему трудовому ученический договор. Может заключить ученический договор и любое другое лицо, ищущее работу. Но обращает внимание: и тут нет «данного» работодателя. Лицо, ищущее работу или желающее поучиться, скорее, оно – «данное», претендующее в смысле желания работать или учиться у конкретного работодателя. Это взаимодействие возможно, если работодатель согласится.

Третье. Согласно главе 53.1 ТК РФ с учётом внесённых в неё изменений² правом осуществлять деятельность по предоставлению труда работников наделены частные агентства занятости, имеющие аккредитацию, и иные, названные в ст. 341.1-1 Кодекса субъекты. Определить «данного работодателя» в этой ситуации представляется ещё сложнее, если эту деятельность можно назвать трудоустройством. Частное агентство занятости и другие субъекты, обозначенные в ст. 341.1-1, заключившие, согласно ч.1 ст. 341.1, трудовой договор с работником, не являются де-факто его работодателем в содержательном смысле понятия. Договор о предоставлении труда работников (персонала) является договором возмездного оказания услуг, по которому направляющая сторона – исполнитель по указанному договору, временно направляет своих работников с их согласия к принимающей стороне – заказчику (ст. 341.1-2). При этом трудовые отношения между этими работниками и направляющей стороной не прекращаются, а трудовые отношения между этими работниками и принимающей стороной (формально не работодателем) не возникают. «Данный работодатель» не просматривается и в этой ситуации, если под ним мы продолжаем понимать субъекта, юридически и фактически готового (если чуть ли не обязанного) принять на работу конкретного соискателя. В частное агентство занятости лицо, ищущее работу, идёт сознательно и добровольно, заключает с ним – якобы работодателем – трудовой договор, но это не тот трудовой договор, определение понятия которого дано в ст. 56 ТК РФ.

Во втором томе Курса российского трудового права «Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы)» авторы пишут, что трудоустройство можно понимать как

¹ "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3, март, 2007.

² "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). В данном виде документ опубликован не был.

включение граждан в трудовое отношение, которое может быть самостоятельным, – непосредственное трудоустройство. Или осуществляться при участии органов специальной компетенции (органов по вопросам занятости или трудоустройства при посредничестве третьих лиц) [2, с. 409]. Как видим, не только государственных. «Данного работодателя» среди этих лиц нет. Тот, кто формально является работодателем, не исполняет свои прописанные в законе обязательства, а тот, кто фактически осуществляет обязательства работодателя, де-юре – не субъект трудовых отношений. Здесь «данного работодателя» искать бесполезно.

В скобках заметим, что мы не отрицаем предоставление труда работников (аутстаффинг), и внимание к различным вариантам занятости объясняется желанием обнаружить того работодателя, который обязан заключить трудовой договор, поскольку, как можно понять, именно в этом смысле он будет «данным» (как, например, в счёт квоты при определённых обстоятельствах).

Четвёртое. Федеральный закон от 12.12.2023 N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», существенно обновленный по сравнению с аналогичным законом 1991 года, включает главу 4 «Единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России».

В ст. 17 говорится, в частности, о том, что платформа является федеральной государственной информационной системой, решающей, в частности, задачу содействия занятости населения, в том числе посредством размещения информации о работодателях, испытывающих потребность в работниках, наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, гражданах, стремящихся найти работу.

Предоставление мер государственной поддержки в сфере занятости населения осуществляется на основании обращения гражданина или работодателя в органы службы занятости в порядке, предусмотренном законом (ст. 20). Обратим внимание, что здесь не говорится о трудоустройстве граждан. Однако работодатель, который обязан размещать информацию о свободных рабочих местах и вакантных должностях, в том числе о потребности в их замещении, в пятидневный срок со дня получения уведомления органа службы занятости о направлении к нему гражданина *для проведения переговоров о трудоустройстве* размещает на платформе информацию о дне и результатах проведенных с гражданином переговоров, а в случае отказа в приеме на работу гражданина – также информацию о причине отказа. Работодатель, не зарегистрированный на единой цифровой платформе, указывает в направлении органа службы занятости информацию о дне и результатах проведенных с гражданином переговоров. В интересующем нас аспекте отмечаем: если информация получена и таким «платформенным» способом, суть дела не меняется. Подходящий работодатель не назначается «данным», и субъект станет юридически работодателем подходящего работника в случае обоюдного благоприятного завершения переговоров, день и результат которых размещается на платформе (п.11 ст. 53).

Рассмотрев возможные случаи трудоустройства в качестве работника, заключившего трудовой договор с работодателем, пытаюсь разобраться в том, кого законодатель имел в виду под «данным работодателем», приходим к выводу, что трудоустройство у «данного работодателя» может иметь место только путём самостоятельных действий лица, ищущего работу, и работодателя, то есть, непосредственное трудоустройство. Но в этом случае возникшее между ними отношение – не непосредственно связанное с трудовым, а самое что ни на есть настоящее трудовое отношение, и возникает оно только на основании договора.

А так называемое отношение «по трудоустройству у данного работодателя» может существовать как отношение по трудоустройству и занятости с участием государства и иных специальных лиц.

Пятое. В ст. 1 Трудового кодекса РФ, кроме рассмотренного отношения «трудоустройство у данного работодателя», в числе непосредственно связанных с трудовым значатся и другие отношения. Приведём некоторые значимые, на наш взгляд, соображения по этому поводу.

Выше отмечалась разноотраслевая принадлежность некоторых отношений, отсутствие единого основания их объединения в группу «непосредственно связанных» с трудовыми отношений. Некоторые недостатки такого соединения разных отношений в предмете трудового права давно подвергаются критике в научной литературе. Остановимся на некоторых, но прежде приведём замечательную цитату по этому поводу из первого тома «Курса российского трудового права Санкт-Петербургского университета», где авторы пишут о тесно связанных или производных от трудовых отношениях, которые «настолько связаны с последними, что их существование *вне или в отдельности от трудовых либо бессмысленно, либо невозможно*» [5, с. 107]. Вот и отличный критерий, прекрасно работающий, чтобы разобратся в содержании этой части предмета трудового права.

Обратимся к той части отношений этой группы, которую раньше, и нет-нет, сейчас называют коллективными трудовыми отношениями. Не вдаваясь в историю, заметим, что так их называли и называют маститые трудовики, например, А.С. Пашков [6, с. 508], Р.З. Лившиц [1, с. 131], А.М. Куренной [7] и другие. Так, А.М. Лушников и М.В. Лушникова в учебнике «Курс трудового права», том 1, пишут, что три вида отношений имеют единую правовую природу, и их надо объединить: организация труда и управление трудом; социальное партнерство, ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров и соглашений; участие работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства в предусмотренных законом случаях [8, с. 104].

Можно добавить сюда и рассмотрение коллективных трудовых споров, которые возникают по тем же поводам, что и конфликты по социальному партнёрству, и рассматриваются в аналогичном порядке. Конечно, существование этой группы отношений *вне трудового отношения* бессмысленно, как и подготовка и дополнительное профессиональное образованию работников непосредственно у данного работодателя. Бессмысленно существование материальной ответственности, вырванной как части сложного многообразного содержания трудового правоотношения. Мало кто в науке трудового права согласился с таким решением законодателя, как и вообще с идеей расщеплённого трудового отношения.

Как можно теоретически оправдать удаление охранительного сегмента из содержания полноценного регулятивного правоотношения и вставить его в чужеродную группу других отношений наряду с совершенно иными субъектами: профсоюзами и государственным контролем? Оторвав часть от целого? Так, авторы учебника по трудовому праву под редакцией Ю.П. Орловского и А.Ф. Нуртдиновой считают, что отношения по материальной ответственности, хотя и обладают некоторыми чертами охранительных отношений, но их субъектами являются стороны трудовых отношений. Работодатель не обладает правоспособными правомочиями (он может и отказаться от взыскания ущерба), и, кроме того, он не вправе применять государственные санкции [9]. Конечно, нельзя

отрицать связь обязательного социального страхования в случаях, предусмотренных федеральными законами (не нормами трудового права), но мы говорим о непосредственной связи этих отношений.

Заключение

Очевидно, надо критически переоценить содержание предмета трудового права и найти основание, объединяющее разные отношения, входящие в его предмет, установить непосредственную связь с трудовым отношением. Именно предмет, его определённое содержание дают основание самостоятельности отрасли.

Список источников

1. Иванов, С. А. Личность в советском трудовом праве / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц. – Москва: Наука, 1982. – 232 с.
2. Курс российского трудового права. Т. 2. Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы) / под ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. – Москва: Юрист, 2001. – 560 с. – ISBN 5-7975-0467-7.
3. Маврин, С. П. Трудовое право России: учебник / С. П. Маврин, М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – 446 с. – ISBN 5-9645-0015-3.
4. Абалдуев, В. А. Трансформация правовых последствий необоснованного отказа в приеме на работу в практике современного российского правосудия / В. А. Абалдуев // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 10 (167). – С. 100-109. – <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.167.10.100-109>. – EDN: DTETBE.
5. Курс российского трудового права: в 3 т. Т. 1. Часть общая / А. В. Гребенщиков, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов; под ред. Е. Б. Хохлова. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 572 с. – ISBN 5-288-01678-X.
6. Пашков, А. С. Избранные труды по трудовому праву: приложение к Российскому ежегоднику трудового права / А. С. Пашков. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 519 с. – ISBN 5-9645-0043-9.
7. Куренной, А. М. Производственная демократия и трудовое право / А. М. Куренной. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1989. – 216 с. – ISBN 5-211-00257-1.
8. Лушников, А. М. Курс трудового права: в 2 т. Т. 1. Историко-правовое введение. Общая часть. Коллективное трудовое право: учебник / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – Москва: Проспект, 2003. – 446 с. – ISBN 5-98032-108-X.
9. Трудовое право России: учебник / Ю. П. Орловский [и др.]; отв. ред. Ю. П. Орловский, А. Ф. Нуртдинова. – 3-е изд. – Москва: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2010. – 647 с. – ISBN 978-5-98209-068-3 (КОНТРАКТ). – ISBN 978-5-16-004099-8 (ИНФРА-М).

References

1. Ivanov S.A., Livshits R.Z. *Personality in Soviet labor law*. Moscow: Nauka; 1982. 232 p. (In Russ.).
2. Mavrin S.P., Pashkov A.S., Khokhlov E.B., editors. *Course of Russian labor law. Vol. 2. Labor market and employment security: legal issues*. Moscow: Yurist; 2001. 560 p. (In Russ.). ISBN: 5-7975-0467-7.
3. Mavrin S.P., Filippova M.V., Khokhlov E.B. *Labor law of Russia: textbook*. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University; 2005. 446 p. (In Russ.). ISBN: 5-9645-0015-3.
4. Abalduev V.A. Transformation of the legal consequences of unjustified refusal of employment in the practice of modern Russian justice. *Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(10):100-109. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.100-109. EDN: DTETBE.

5. Grebenshchikov A.V., Mavrin S.P., Khokhlov E.B. *Course of Russian labor law. Vol. 1. General part.* Khokhlov E.B., editor. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 1996. 572 p. (In Russ.). ISBN: 5-288-01678-X.

6. Pashkov A.S. *Selected works on labor law: supplement to the Russian Yearbook of Labor Law.* Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University; 2006. 519 p. (In Russ.). ISBN: 5-9645-0043-9.

7. Kurennoy A.M. *Industrial democracy and labor law.* Moscow: Moscow State University Publishing House; 1989. 216 p. (In Russ.). ISBN: 5-211-00257-1.

8. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *Course of labor law. Vol. 1. Historical and legal introduction. General part. Collective labor law: textbook.* Moscow: Prospekt; 2003. 446 p. (In Russ.). ISBN: 5-98032-108-X.

9. Orlovsky Yu.P., et al. *Labor law of Russia: textbook.* 3rd ed. Orlovsky Yu.P., Nurtdinova A.F., editors. Moscow: KONTRAKT: INFRA-M; 2010. 647 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-98209-068-3; ISBN: 978-5-16-004099-8

Информация об авторе

Э.Н. Бондаренко – доктор юридических наук, профессор, г.Москва, Россия.

Information about the author

E.N. Bondarenko – Dr. Sci. (Law), Professor, г. Москва, Россия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 25.05.2026; одобрена после рецензирования 06.07.2026; принята к публикации 10.07.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 06.07.2026; accepted for publication 10.07.2026.

Научная статья
УДК 343.2
EDN: QQQAUJ

Критический анализ признаков системы в перечне наказаний: куда ведет лестница наказаний?

Юрий Иванович Блохин

Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Россия
prisons@mail.ru, SPIN-код: 2087-8342, <https://orcid.org/0009-0006-2263-0355>

Аннотация

Введение. В доктрине уголовного права устоявшимся термином для обозначения перечня наказаний, закрепленного в ст. 44 УК РФ, стал термин «система наказаний», именуемая иногда лестницей наказаний. Автор статьи подвергает сомнению наличие признаков системы в перечне наказаний, и предлагает проверить перечень наказаний на соответствие общесистемным критериям.

Цель исследования – критическая проверка перечня наказаний, предусмотренного ст. 44 УК РФ, на соответствие признакам системности (иерархичность, взаимозависимость элементов и целостность) и разработка предложений по повышению его внутренней согласованности и практической эффективности.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили теория систем и правовая философия, доктринальные разработки уголовного права и анализ нормативных положений УК РФ и УИК РФ (в частности ст. 44, 54, 56 УК РФ, ст. 69 УИК РФ), а также анализ судебной практики и отдельных санкций (например, санкции ст. 158 УК РФ). Использованы методы философско-теоретического анализа, системного и догматико-правового анализа, логического сопоставления и критической нормативной оценки; применён проектно-конструктивный подход при формулировании предложений.

Результаты. Представлена авторская критика существующей модели: доказано отсутствие признаков системности в перечне наказаний; выявлены конкретные противоречия – несопоставимость тяжести различных наказаний (штраф, обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), парадоксы с местом и содержанием ареста и лишения свободы, нарушение системности при изменении содержания наказания в виде ограничения свободы, наличие «специальных ступеней» в лестнице наказаний и «мёртвых» норм. Показано, что простая перестановка элементов не решит проблем.

Выводы. В статье доказывается, что действующий перечень наказаний не обладает системной структурой, что подрывает логическую основу правоприменения; предложены конкретные меры, направленные на переработку построения перечня – отделение универсальных и специальных мер, уточнение критериев иерархии и приведение содержания санкций в соответствие с их позиционированием. В частности, видится необходимым внедрить следующие предложения: с учетом длительного неприменения обоснованным видится исключение из перечня основных наказаний по сути «мертвые» наказания в виде ареста и смертной казни; поместить ограничение свободы после наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исключить

возможность применения лишения свободы в разных формах, существенно отличающихся друг от друга по карательной составляющей - содержание в колонии-поселении; отбываемое в исправительных колониях закрытого типа; отбываемое в форме тюремного заключения.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, лестница наказаний, статья 44 УК РФ, арест, лишение свободы, обязательные работы, соразмерность, системный анализ, правоприменение

Для цитирования: Блохин Ю. И. Критический анализ признаков системы в перечне наказаний: куда ведет лестница наказаний? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 145-155. EDN: QQQUJ

Original article

A critical analysis of the system's features in the list of punishments: where does the ladder of punishments lead?

Yuri I. Blokhin

Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

prisons@mail.ru, SPIN-код: 2087-8342, <https://orcid.org/0009-0006-2263-0355>

Abstract

Introduction. In criminal law doctrine the consolidated term for the catalogue of penalties enshrined in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation has become the notion of a “system of penalties”, frequently referred to as the “ladder of penalties”. The author questions the existence of systemic features in that catalogue and proposes to assess the list of penalties against general systems criteria.

Objective. The aim of the study is a critical examination of the list of penalties provided by Art. 44 Criminal Code for conformity with systemness criteria (hierarchy, interdependence of elements and emergence) and the development of proposals to enhance its internal coherence and practical effectiveness.

Materials and methods. The methodological basis of the research comprises systems theory and legal philosophy, doctrinal developments in criminal law and analysis of the normative provisions of the Criminal Code and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, as well as review of case law and selected sanctions (e.g. the sanction under Art. 158 Criminal Code RF). Employed methods include philosophical-theoretical analysis, systemic analysis, doctrinal (dogmatic) legal analysis, logical comparison and critical normative appraisal; a constructive, policy-oriented (project-constructive) approach was applied in formulating proposals.

Results. The article advances an original critique of the prevailing model: it demonstrates the absence of systemic features in the catalogue of penalties and identifies concrete inconsistencies – the incomparability of the severity of different penalties (fine, compulsory labour, deprivation of the right to hold certain offices or engage in certain activities), paradoxes regarding the placement and substantive content of arrest and deprivation of liberty, disruption of systemness following changes in the content of the penalty of restriction of liberty, the presence of “special rungs” applicable only to limited categories of persons, and inactive (dead-letter) provisions. The analysis shows that mere rearrangement of elements cannot resolve these structural problems.

Conclusions. The article concludes that the current list of penalties lacks a systemic structure, undermining the logical foundations of uniform law-enforcement practice; it proposes concrete measures for revising the catalogue – separating universal and special measures, clarifying hierarchy criteria and aligning the substantive content of sanctions with their formal positioning. In particular, the authors recommend: (1) excluding from the primary list “dead” penalties (arrest and capital punishment) that have long been inoperative; (2) placing restriction of liberty after deprivation of the right to hold certain offices or engage in certain activities; (3) eliminating the possibility of applying deprivation of liberty in disparate forms that differ substantially in punitive severity (serving a sentence in a colony-settlement, serving in closed-type correctional colonies, serving as imprisonment in a penitentiary).

Keywords: punishment, system of punishments, ladder of punishments, list of punishments, sequence, arrest, deprivation of liberty, imprisonment

For citation: Blokhin, Yu. I. A critical analysis of the system's features in the list of punishments: where does the ladder of punishments lead? *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 145-155. (In Russ). EDN: QQQAUJ

Введение

Система наказаний является предметом оживленных научных дискуссий. С одной стороны, многие авторы учебных пособий продолжают использовать термин «лестница наказаний» как удобную дидактическую модель. С другой стороны, в современной доктрине все чаще звучит аргументированная критика этого подхода. Спектр мнений варьируется от полного отрицания какой-либо системности, кроме простого перечня определенной совокупности наказаний в ст. 44 УК РФ, до обоснования признаков системности в перечне наказаний, классифицированных по различным основаниям (по содержанию кары, по субъекту, по потенциалу исправления и т.д.).

Целью данной статьи является критический анализ признаков системности в перечне наказаний для последующего формулирования выводов и внесения предложений, направленных на придание признаков системности в предусмотренном законодательством и применяемом судами арсенале уголовных наказаний.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили теория систем и правовая философия, доктринальные разработки уголовного права и анализ нормативных положений УК РФ и УИК РФ (в частности ст. 44, 54, 56 УК РФ, ст. 69 УИК РФ), а также анализ судебной практики и отдельных санкций (например, санкции ст. 158 УК РФ). Использованы методы философско-теоретического анализа, системного и догматико-правового анализа, логического сопоставления и критической нормативной оценки; применён проектно-конструктивный подход при формулировании предложений.

Обсуждение

1. Понятие и признаки системы наказаний

Исчерпывающий перечень наказаний приведен в статье 44 УК РФ, которая называется «Виды наказаний». В то же время в литературе по уголовно-правовой тематике устоявшимся термином для обозначения перечня наказаний является термин «система наказаний».

Названный термин прочно вошел в отечественную уголовно-правовую науку. По меткому выражению С.Ф. Милюкова, этот термин «составляет исключение из подавляющего большинства уголовно-правовых терминов, не получивших однозначной трактовки в теории уголовного права и практике их применения и вокруг которого в отечественной юридической литературе сложилось завидное единодушие» [1, с. 149]. Автор сравнивает два определения, появление которых в литературе разделяет ровно 85 лет. Одно из них принадлежит С.В. Познышеву, писавшему, что система наказаний «представляет собой совокупность карательных мер данного кодекса в их соотношении друг с другом и имеет вид перечня, в котором наказания размещаются по степени их относительной важности» [2, с. 465]. Второе принадлежит А.С. Михлину: «Все наказания в УК образуют систему наказания - исчерпывающий их перечень, включающий все виды наказаний в определенном порядке» [3, с. 21].

Простое рассмотрение изложенных определений позволяет сделать вывод, что все авторы в качестве признака системы наказаний выделяют иерархию, определенную последовательность наказаний. Аналогичные определения можно встретить во множестве современных изданиях [4, с. 252; 5, с. 46; 6, с. 182; 7, с. 177 и др.].

И.А. Подройкина определяет систему наказаний как «обусловленное социальной средой и входящее в состав уголовной ответственности целостное множество взаимосвязанных элементов – уголовных наказаний, служащее для определения исходных границ наказуемости преступлений и получившее отражение в перечне уголовных наказаний,

в статьях Общей части УК РФ, регламентирующих конкретные наказания, в типовых санкциях и в санкциях статей Особенной части УК РФ» [8, с. 18].

В то же время, встречаются и такие подходы к определению системы наказаний: «Система наказаний в российском уголовном праве представляет собой комплексную совокупность мер, применяемых к лицам, совершившим преступления. В её арсенале предусмотрены такие виды наказаний, как лишение свободы, штрафы, обязательные работы, исправительные работы, а также принудительные меры медицинского характера» [9, с. 291].

В приведенной цитате отметим два обстоятельства. Во-первых, принудительные меры медицинского характера не являются наказанием и не входят в совокупность наказаний. Во-вторых, что существеннее, приведенное определение системы наказаний не позволяет отличить ее (систему) от простой совокупности наказаний.

Большинство названных выше исследователей систему наказаний именуют также лестницей наказаний, отождествляя эти понятия. В то же время И.Я. Фойницкий системой наказаний называет простую совокупность «карательных мер, применяющихся у данного народа в определенную эпоху» [10, с. 70], а лестница наказаний получается, если «различные карательные меры поставлены законодательством в определенной последовательности, с допущением перехода от высших к низшим» [10, с. 71].

Отметим, что простую совокупность нельзя называть системой. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, «простые суммативные целостности (например, сноп сена, куча мусора или яблоки в корзине) вовсе не являются системами. В отличие от первых (искусственно созданных или случайно образовавшихся), система - сложная целостность, возникшая в результате объективного закономерного процесса соединения составляющих ее элементов» [11, с. 221].

Очевидно, что система наказаний должна отвечать общим признакам любой системы, в связи с чем необходимо обратиться к некоторым определениям системы в философии. Рассмотрению «системы» в рамках общей теории права существенный вклад внес В.Н. Садовский, который предлагал понимать под ней «множество взаимосвязанных элементов, которые только в своей совокупности образуют целое» [12, с. 18].

В философском словаре «система» определяется как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство» [13, с. 429.]. Таким образом, выделяемые И.Я. Фойницким признаки, которыми он наделяет лестницу наказаний, присущи и понятию системы, в связи с чем в настоящей статье понятия «система наказаний» и «лестница наказаний» будут применяться как тождественные.

Изложенное выше позволяет сформулировать признаки любой системы, которыми, очевидно, должна обладать и система наказаний: 1. иерархия, определенная последовательность элементов; 2. взаимосвязь элементов между собой; 3. эмерджентность - вытекающая из взаимосвязи новая целостность, обладающая свойствами, которыми не обладают входящие в систему элементы. Изучение вопроса позволило прийти к выводу, что перечень наказаний, закрепленный в ст. 44 УК РФ, не обладает ни одним признаком системы, аргументы чему будут приведены ниже.

2. Критический анализ признаков системы в перечне наказаний

Признак последовательности (иерархичность) является первичным, без которого невозможно существования взаимосвязи и тем более эмерджентности.

Для иллюстрации приведем метафоричное именование системы наказаний лестницей, а для примера возьмем приставную лестницу, сужающуюся от основания к вершине (см. рис.1).

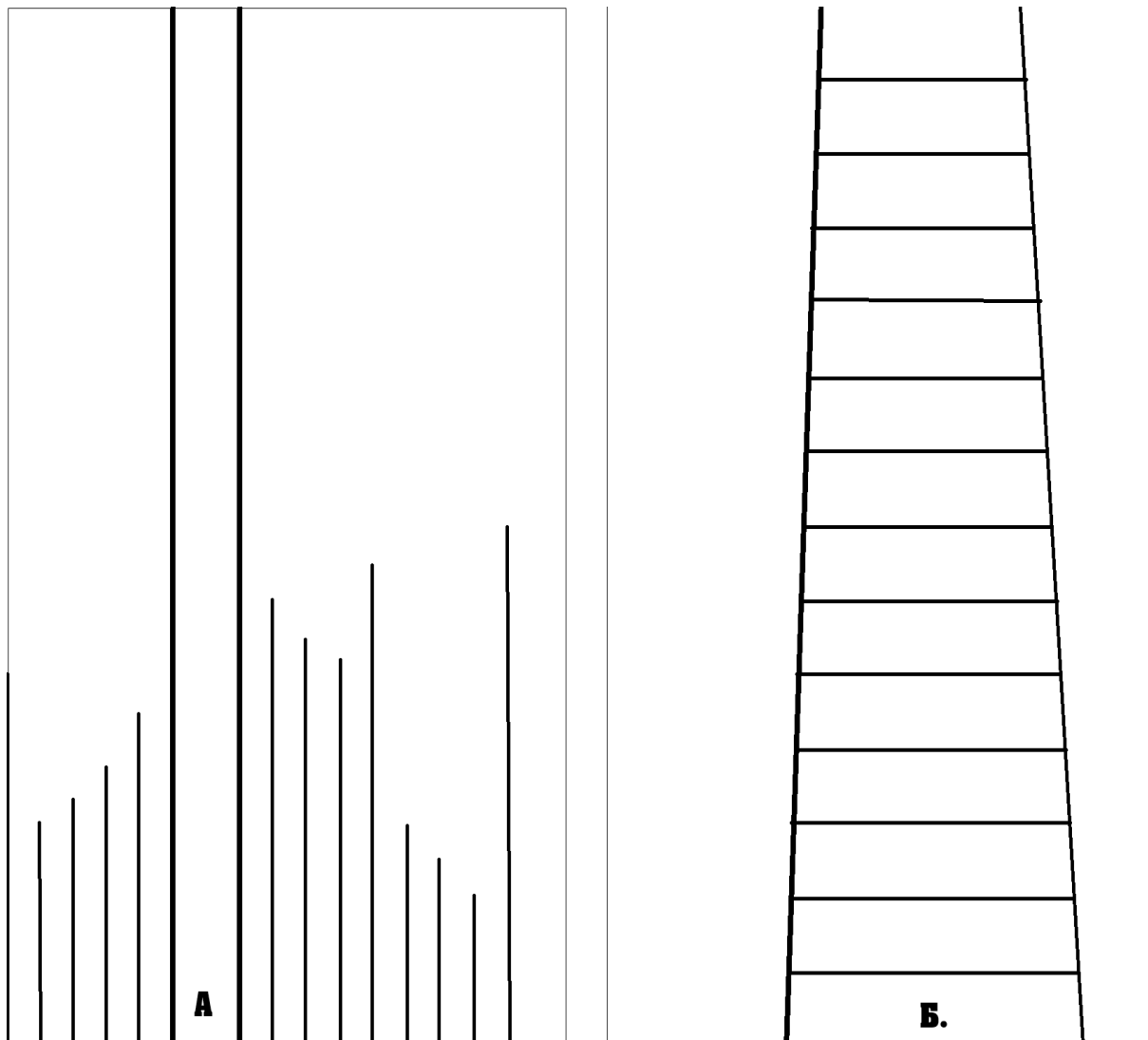

Рис. 1. Схема элементов лестницы в разобранном виде и в сборе
Fig. 1. Diagram of staircase components: exploded and assembled views

Представим, что наша лестница состоит из тринадцати перекладин (по числу наказаний). Наличие двух длинных тетив и тринадцати перекладин не образуют никакой лестницы, пока мы не закрепим их между собой в определенной последовательности (рис. 1А). И только когда мы разместим тетивы вертикально и закрепим между ними горизонтальные перекладины, причем в определенной последовательности, мы получим новый предмет - приставную лестницу (Рис. 1Б).

Все авторы представленных выше определений системы наказаний исходят из того, что наказания в ст. 44 УК РФ перечислены последовательно - от наименее суровых к наиболее суровым. Однако, изучение вопроса показало, что такой иерархии в перечне наказаний не было изначально при принятии УК РФ, а впоследствии вносимые в перечень наказаний изменения еще больше усугубили положение.

А. Взаимная строгость отдельных наказаний условна

Например, наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью и обязательных работ по своему содержанию не сопоставимы между собой, так как заключаются в лишении или ограничении разных прав и свобод, ценность которых, особенно для самого осужденного, невозможно измерить. Штраф предполагает изъятие из собственности осужденного определенной суммы денег. Обязательные работы поражают свободу труда и свободу выбора рода трудовой деятельности, право на оплату труда и свободу на распоряжение свободным временем. Не существует аргументов в пользу того, что ограничения при обязательных работах непременно имеют большее по силе «карательное воздействие» [14, с. 141], чем изъятие определенной суммы денег.

Рассмотрим на примере конкретной санкции за кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ). С учетом того, что штраф стоит на первом месте, а обязательные работы занимают в перечне наказаний четвертое место, то иерархия наказаний предполагает, что максимальный размер штрафа должен быть менее суровым воздействием, чем обязательные работы, назначаемые даже на минимальный срок. По санкции ч.1 ст. 158 УК РФ максимальный размер штрафа составляет 80 тыс. руб, а минимальный размер обязательных работ - 60 часов (ч. 2 ст. 49 УК РФ). С учетом положения ч. 2 ст. 27 УИК РФ о том, что время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов, то за пять недель при работе в среднем по 2 часа в день с одним выходным осужденный отбудет обязательные работы (а фактически может еще раньше, работая по 4 часа в день, что позволяет та же ч. 2 ст. 27 УИК).

Можно ли утверждать, что не найдется осужденного, для которого легче бесплатно работать по 2 часа в день с одним выходным пять недель, чем единовременно заплатить 80 тыс. руб.? Таким образом, взаимная суровость некоторых наказаний, измеряемых в несопоставимых карательных составляющих, весьма условна и является результатом договоренности.

Б. Содержание ограничения свободы существенно изменено

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ статья 44 УК РФ дополнена новым наказанием - принудительными работами, которые заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых учреждением уголовно-исполнительной системы (ст. 53.1 УК РФ). Но ровно такое содержание имело наказание в виде ограничения свободы до внесения изменений в ст. 53 УК РФ и Главу 8 УИК РФ Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. №377-ФЗ¹. Так, в соответствии со ст. 53 УК РФ в первоначальной редакции ограничение свободы заключалось в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора. А одной из обязанностей осужденных было «работать там, куда они направлены администрацией исправительного центра» (п. «б» ч. 3 ст. 50 УИК РФ).

Таким образом, содержание наказаний в виде принудительных работ и ограничения свободы (до 27 декабря 2009 года) идентичны. Но Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ в содержание наказания в виде ограничения свободы внесены изменения, существенно изменившие карательную составляющую ограничения свободы. В редакции названного закона наказание в виде ограничения свободы уже заключается в установлении

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. №377-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы" // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6453.

судом осужденному определенных ограничений, при этом осужденный продолжает проживать по своему месту жительства. Следовательно, существенно изменилась «степень суровости» наказания, в связи с чем место ограничения свободы в перечне наказаний должно было измениться.

В. Место ареста в лестнице наказаний вызывает сомнения

Согласно перечню наказаний арест считается более мягким наказанием по сравнению с содержанием в дисциплинарной воинской части и тем более с лишением свободы на определенный срок. Однако, содержание лишения свободы УК РФ раскрывает через изоляцию от общества (ч. 1 ст. 56), а ареста - в «содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества» (ч. 1 ст. 54). Из этого следует логический вывод, что арест заключается в содержании осужденного в условиях строгого лишения свободы.

Возможные оппоненты могут возразить, что мягкость этого наказания выражается в меньших сроках. Однако, этот аргумент также не состоятелен. В первоначальной редакции УК РФ арест мог назначаться на срок от 1 до 6 месяцев, в то время как лишение свободы - от 6 месяцев до 20 лет. Конечно, медианный срок у лишения свободы существенно выше, а краткость ареста компенсируется жесткостью условий содержания. Однако, срок в 6 месяцев - общий как для ареста, так и для лишения свободы. С учетом правил взаимосвязи элементов и сравнительной тяжести наказание в виде ареста, назначаемого на максимальный срок, должно быть более мягким, чем более строгое наказание, назначаемое на минимальный срок. Тем более, что рассматриваемые наказания располагаются через одно в перечне наказаний. Сегодня же, после изменений в ст. 56 УК РФ, внесенных п. 14 статьи 1 Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ¹ минимальный срок лишения свободы снижен до двух месяцев. Таким образом, срок от двух до шести месяцев является общим

и для ареста, и для лишения свободы на определенный срок. Условия содержания, которые будут приведены ниже, свидетельствуют явно не в пользу ареста.

Для более полной картины считаем необходимым, помимо сравнения дефиниций, рассмотреть условия содержания, установленные уголовно-исполнительным законодательством для осужденных к аресту и осужденных к лишению свободы на определенный срок.

В первую очередь обращает на себя внимание, что ст. 69 УИК (ч.2) распространяет на осужденных к аресту условия содержания, установленные на общем режиме в тюрьме. Известно, что тюрьмы не исполняют весь срок лишения свободы самостоятельно. Тюремное заключение применяется либо в рамках назначенного срока лишения свободы (его часть) для увеличения карательной составляющей в отношении отдельных категорий осужденных (ч. 2 ст. 58 УК), либо применяется в качестве взыскания к злостным нарушителям режима при их содержании в исправительной колонии, когда исчерпаны все меры воздействия внутри учреждения (ч. 4 ст. 78 УИК). Таким образом, на осужденных к аресту распространяются условия содержания, установленные для лишения свободы в самой строгой его форме - тюремного заключения. Согласно ст. 69 УИК на «осужденных к аресту распространяются условия содержания, установленные настоящим Кодексом для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в условиях общего режима в тюрьме». Эта же статья конкретизирует условия содержания, сравнение которых показывает, что в арестном доме, где отбывается арест, условия содержания еще жестче, чем даже на строгом режиме в тюрьме (см. Таблицу 1.)

Г. Наличие в лестнице наказаний специальных «ступеней»

Специальными ступенями в настоящей статье называются наказания, которые не могут применяться ко всем осужденным и имеют весьма ограниченное применение

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 №162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

(или не используются вовсе). Возвращаясь к образу лестницы, это будут либо перекладки, которыми можно пользоваться ограниченным категориям лиц, либо перекладки, которыми не могут пользоваться определенные категории лиц, а также перекладки, которые самостоятельно не могут использоваться и своего отдельного места не занимают, и те, которые есть только в проекте лестницы при фактическом отсутствии.

Таблица 1. Сопоставительная таблица условий содержания осужденных в арестном доме и тюрьме

Table 1. Comparative table of conditions of detention for convicts in an arrest house and a prison

Условия содержания	Арестный дом	Тюрьма	
		общий режим	строгий режим
Проживание	камеры	камеры	камеры
Свидания (краткосрочные/длительные)	—	2/2	2/1
Размер денег, разрешенных к расходованию (руб.)	400	9 400	7 900
Посылки (передачи)/бандероли	---	2/2	1/1
Телефонные разговоры	В порядке исключения	Без ограничений	
Продолжительность прогулки (час.)	1	2	1,5

В перечне наказаний, которые якобы расположены последовательно, есть наказания, которые применяются лишь к некоторым дифференцированным категориям (содержание в дисциплинарной воинской части - применяются только к военнослужащим, проходящим службу по призыву или к начавшим военную службу по контракту на должностях рядового или сержантского состава в первый год службы (ч. 1 ст. 55 УК РФ), ограничение по военной службе - применяется только в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (ч. 1 ст. 51 УК РФ)). В то же время в перечне наказаний есть наказания, которые, напротив, не могут применяться к военнослужащим. Так, военнослужащим, к которым может применяться содержание в дисциплинарной воинской части, не могут назначаться обязательные работы, исправительные работы, а военнослужащим, которым может назначаться ограничение по военной службе, не могут назначаться исправительные работы. Для них альтернативой исправительным работам выступает ограничение по военной службе. Никаким категориям военнослужащих не могут назначаться наказания в виде ограничения свободы и принудительных работ.

Наказание в виде лишения специального, воинского, или почетного звания, классного чина и государственных наград, назначаемое только в качестве дополнительного (ч. 3 ст. 45 УК РФ), выступает в качестве не самостоятельной перекладки, а может для усиления прикрепляться к некоторым другим. Таким образом, в иерархии наказаний дополнительное наказание не может занимать никакого места.

Арест не применяется в силу того, что это наказание не введено в действие. Примечательно, что в первоначальной редакции Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ¹ арест должен был быть введен в действие по мере создания условий для его исполнения, но не позднее 2001 года. А Федеральным законом от 10.01.2002 № 4-ФЗ² срок для введения ареста был отодвинут до 2006 года. Далее в этот закон изменений не вносилось.

¹ Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

² Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 4-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в федеральные законы "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации" и "О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 130.

В то же время не принималось и Федерального закона о введении в действие положений УК РФ о наказании в виде ареста по аналогии с Федеральными законами от 28.12.2004 №177-ФЗ¹ и от 27.12.2009 № 377-ФЗ².

Наказание в виде смертной казни не может применяться в соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р³.

Таким образом, в «лестнице наказаний» наличествуют «ступени», которые значатся лишь в проекте лестницы без возможности фактического их использования (см. рис. 2).

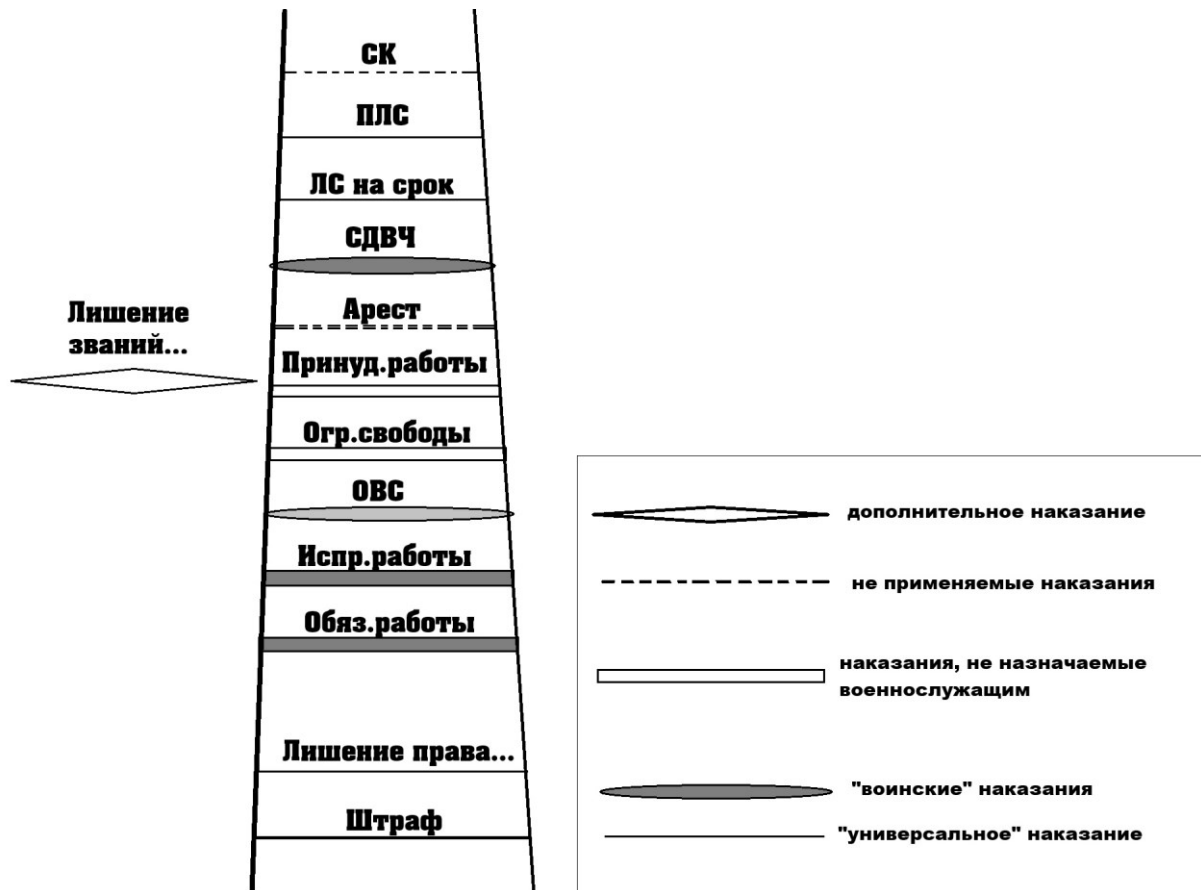

Рис. 2. Схема «лестницы наказаний»
Fig. 2. Diagram of the "punishment ladder"

¹ Федеральный закон «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» от 28.12.2004 №177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 2.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» от 27.12.2009 №377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1), ст. 6453.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

Выводы

Изложенное в настоящей статье позволяет сделать вывод о том, что в перечне наказаний, приведенном в ст. 44 УК РФ, отсутствуют признаки системы - нет последовательности и взаимосвязи, что влечет отсутствие целостности.

В то же время можно сделать вывод о том, что путем перестановок наказаний невозможно придать перечню вид системы. Справедливо предложение И.А. Подройкиной о том, что необходимо предусмотреть отдельные подсистемы основных и дополнительных наказаний и исключить из подсистемы основных наказаний наказания, применяемые к военнослужащим [8, с.11].

Помимо разделения перечней основных и дополнительных наказаний, видится необходимым внедрить и следующие предложения:

1. С учетом длительного неприменения обоснованным видится исключение из перечня основных наказаний по сути «мертвые» наказания в виде ареста и смертной казни;
2. Поместить ограничение свободы после наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
3. Исключить возможность применения лишения свободы в разных формах, существенно отличающихся друг от друга по карательной составляющей - содержание в колонии-поселении (наказание, идентичное принудительным работам); отбываемое в исправительных колониях закрытого типа; отбываемое в форме тюремного заключения.

Такое исключение разных форм лишения свободы возможно путем выведения из системы исправительных учреждений колоний-поселений с последующим перепрофилированием их под исправительные центры для исполнения принудительных работ, а также путем выделения тюремного заключения в дополнительное наказание.

Учет настоящих выводов и предложений позволит придать уголовному законодательству в части наказания и назначения наказания, а также в санкциях статей Особенной части более системный характер и, соответственно, повысит его эффективность.

Список источников

1. Милуков, С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа: монография / С. Ф. Милуков. – Санкт-Петербург: СПбИВЭСЭП, 2000. – 279 с. – ISBN 5-94201-457-4.
2. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С. В. Познышев. – Москва, 1912. – 653 с.
3. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. – Москва: Бек, 1997. – 702 с. – ISBN 5-85639-218-3.
4. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 252 с. – ISBN 978-5-534-05796-6.
5. Уголовное право. Общая часть. Семестр II: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 304 с. – ISBN 978-5-534-16554-8.
6. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. – 182 с. – DOI: 10.29039/01902-3.
7. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. – 6-е изд. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2023. – 177 с. – DOI: 10.29039/01997-9.
8. Подройкина, И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. А. Подройкина. – Омск, 2017. – 44 с.
9. Смирнов, М. А. Система наказаний в отечественном уголовном праве: сравнение с системами наказаний зарубежных стран / М. А. Смирнов, Д. А. Троицкий // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 10.1. – С. 290–296. – EDN: ZGDRGE.
10. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Москва: Добросвет-2000, 2000. – 464 с. – ISBN 5-89391-061-3.
11. Керимов, Д. А. Философские основания политико-правовых исследований: монография / Д. А. Керимов. – Репр. изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 336 с. – ISBN 978-5-16-014486-3.

12. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем / В. Н. Садовский. – Москва: Наука, 1974. – 276 с.
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 8-е изд. – Москва: Республика: Современник, 2009. – 846 с. – ISBN 978-5-250-02323-1.
14. Филимонов, В. Д. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания / В. Д. Филимонов // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права (28–29 мая 2009 года). – Москва: Проспект, 2009. – С. 139–142.

References

1. Milyukov S.F. *Russian criminal legislation: a critical analysis*. SPbIVESSEP; 2000. 279 p. ISBN 5-94201-457-4. (In Russ.).
2. Poznyshev S.V. *Fundamental principles of the science of criminal law. General part of criminal law*. Moscow; 1912. 653 p. (In Russ.).
3. Naumov A.V., editor. *Dictionary of criminal law*. Beck; 1997. 702 p. ISBN 5-85639-218-3. (In Russ.).
4. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. *Criminal law. General part: textbook for higher education institutions*. 7th ed., rev. and enl. Yurayt Publishing; 2025. 252 p. ISBN 978-5-534-05796-6. (In Russ.).
5. Podroykina I.A., Seregina E.V., Ulezko S.I., editors. *Criminal law. General part. Semester II: textbook for students of higher education institutions, legal programmes*. 6th ed., rev. and enl. Yurayt; 2025. 304 p. ISBN 978-5-534-16554-8. (In Russ.).
6. Duyunov V.K., editor. *Criminal law. General and special parts*. RIOR: INFRA-M; 2025. 182 p. DOI: 10.29039/01902-3. (In Russ.).
7. Duyunov V.K., editor. *Criminal law of Russia. General and special parts: textbook*. 6th ed. RIOR: INFRA-M; 2023. 177 p. DOI: 10.29039/01997-9. (In Russ.).
8. Podroykina I.A. *Theoretical foundations for the construction of a system of penalties in Russian criminal legislation*. Abstract of doctoral dissertation (Dr. Jurid. Sci.). Omsk; 2017. 44 p. (In Russ.).
9. Smirnov M.A., Troitsky D.A. The system of penalties in domestic criminal law: comparison with punishment systems of foreign countries. *Humanitarian Scientific Journal*. 2025;(10.1):290-296. (In Russ.). EDN: ZGDRGE.
10. Foynitsky I.Ya. *The doctrine of punishment in connection with penology*. Moscow: Dobrosvet-2000; 2000. 464 p. ISBN 5-89391-061-3. (In Russ.).
11. Kerimov D.A. *Philosophical foundations of political-legal research: monograph*. Reprint ed. Moscow: Norma: INFRA-M; 2026. 336 p. ISBN 978-5-16-014486-3. (In Russ.).
12. Sadovsky V.N. *Foundations of general systems theory*. Moscow: Nauka; 1974. 276 p. (In Russ.).
13. Frolov I.T., editor. *Philosophical dictionary*. 8th ed. Moscow: Respublika: Sovremennik; 2009. 846 p. ISBN 978-5-250-02323-1. (In Russ.).
14. Filimonov V.D. Restoring social justice as an aim of criminal punishment. In: *The category "purpose" in criminal law, penal law and criminology: proceedings of the IV Russian Congress of Criminal Law (28-29 May 2009)*. Moscow: Prospekt; 2009. p. 139-142. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.И. Блохин - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, юридический факультет, Ростовский филиал Российской таможенной академии.

Information about the author

Y.I. Blokhin - Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academ, Rostov-on-Don, Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 25.05.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 08.07.2026.
The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 08.07.2026.

Научная статья

УДК 343.13

EDN: IONAUG

Гарантии прав уголовно преследуемого лица: от нормативного идеала к динамической системе

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация

Введение. Конституционная аксиома о высшей ценности прав человека вступает в противоречие с доминантой публичного интереса в уголовном преследовании, что требует специальных юридических механизмов, отсутствие которых ведёт к релятивизации прав личности.

Цель. Автор поставил задачей комплексный анализ системы гарантий прав и законных интересов уголовно преследуемого лица, выявление системного разрыва между нормативным закреплением и правоприменительной практикой, разработку теоретически обоснованной классификации гарантий и предложений по их совершенствованию.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, логический, метод правового моделирования, а также эмпирический метод (анкетирование правоприменителей).

Результаты. Установлено, что гарантии прав уголовно преследуемого лица носят динамический институционально-деятельностный характер и включают три несущих элемента: непротиворечивые нормы, добросовестную деятельность должностных лиц и активную позицию адвоката-защитника. Выявлена устойчивая поляризация в восприятии гарантий между адвокатами (93 % связывают их с признанием доказательств недопустимыми) и оперативными сотрудниками (87 % настаивают на ведомственном порядке утверждения ОРМ). Обоснована трёхуровневая классификация гарантий: гарантии-условия, статусно-инструментальные гарантии и специальные гарантии соразмерности и качества закона. Предложено легализовать категорию «надлежащее качество закона» в Федеральном законе от 14.06.1994 № 5-ФЗ как гарантийный стандарт.

Выводы. В статье доказывается, что эффективность гарантий детерминирована синхронным функционированием всех трёх элементов системы; наиболее уязвимым этапом является допроцессуальная «бесстатусная зона». Реальность конституционных гарантий находится в прямой зависимости от преодоления обвинительного уклона и ликвидации «бесстатусных» зон при оперативно-розыскном преследовании.

Ключевые слова: уголовное преследование, оперативно-розыскное преследование, процессуальные гарантии, правовой статус, качество закона, соразмерность, право на защиту, обвинительный уклон, бесстатусное лицо, судебный контроль, недопустимость доказательств

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав уголовно преследуемого лица: от нормативного идеала к динамической системе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 156-171. - EDN: IONAUG

Original article

Guarantees of the rights of a criminally prosecuted person: from the normative ideal to a dynamic system

Yuri B. Chupilkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract

Introduction. The constitutional axiom of the highest value of human rights conflicts with the dominance of the public interest in criminal prosecution, which requires special legal mechanisms, the absence of which leads to the relativisation of individual rights.

Purpose. The author aims to comprehensively analyze the system of guarantees of the rights and legitimate interests of a criminally prosecuted person, identify the systemic gap between normative consolidation and law enforcement practice, develop a theoretically grounded classification of guarantees and proposals for their improvement.

Methods. The methodological basis of the research includes general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods: formal legal, comparative legal, logical, legal modeling, as well as an empirical method (survey of law enforcers).

Results. The guarantees of the rights of a criminally prosecuted person are dynamic and institutional-activity-based, consisting of three core elements: consistent norms, good faith conduct of officials, and active defense counsel. A persistent polarization in the perception of guarantees is revealed between lawyers (93% associate them with the exclusion of evidence) and operatives (87% insist on departmental approval of operational-search measures). A three-level classification is substantiated: condition-guarantees, status-instrumental guarantees, and special guarantees of proportionality and quality of law. It is proposed to legalize the category of "proper quality of law" in Federal Law No. 5-FZ of June 14, 1994 as a guarantee standard.

Conclusions. The effectiveness of guarantees is determined by the synchronous functioning of all three elements; the most vulnerable stage is the pre-procedural "non-status zone". The reality of constitutional guarantees directly depends on overcoming the accusatory bias and eliminating the "non-status zones" in operational investigative activities.

Keywords: criminal prosecution, procedural guarantees, legal status, quality of law, proportionality, right to defense, accusatory bias, non-status person, judicial control, inadmissibility of evidence.

For citation: Chupilkin, Yu. B. Guarantees of the rights of a criminally prosecuted person: from a normative ideal to a dynamic system. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 156 – 171. (In Russ). EDN: IONAUG

Введение

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством (ч. 1 ст. 1), где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Данная аксиологическая установка оказывает прямое воздействие на легальное определение задач уголовного судопроизводства, что находит отражение в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, где охрана прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, позиционируется как приоритетная цель. Однако имманентная для уголовного судопроизводства доминанта публичного интереса, ориентированного на раскрытие преступлений и изобличение виновных, объективно сопряжена с ограничением прав и свобод индивида.

Основным объектом исследования являются гарантии прав лица, подвергаемого уголовному преследованию, под которым предлагается понимать физическое лицо, в отношении которого осуществляются существенно ограничивающие его права действия и меры процессуального и оперативно-розыскного характера, направленные на установление

и изобличение в совершении преступления. В рамках данного родового понятия выделяются следующие виды:

- заподозренный – физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное и (или) оперативно-розыскное преследование по установлению его причастности к совершенному преступлению в связи с обоснованным предположением о совершении им преступления;
- подозреваемый – физическое лицо, наделенное статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное преследование по его установлению и изобличению в совершении преступления;
- обвиняемый – физическое лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств его виновности, наделенное статусом обвиняемого в соответствии со ст. 47 УПК РФ, в отношении которого продолжается уголовно-процессуальное преследование по изобличению (обличению) в совершенном преступлении [1, с. 112–127].

В теории и практике высказываются полярные точки зрения на примат прав личности. Ряд авторов (Ю.К. Орлов [2, с. 14], А.С. Кончаловский¹, Ю.А. Цветков [3, с. 8–16]) подвергают сомнению саму возможность абсолютного доминирования прав отдельного индивида над общественными и государственными интересами, рассматривая идею о «высшей ценности» личности как социальную иллюзию («химеру»). Критический анализ позволяет отнести данную позицию к разряду правового редукционизма, так как она игнорирует нормативное закрепление императивов правового государства.

Напротив, классики уголовно-процессуальной науки (И.Я. Фойницкий [4, с. 10], М.С. Строгович [5, с. 67], А.М. Ларин [6, с. 62]) обосновывают зависимость уровня гарантированности прав личности от характера государства и политического режима, подчёркивая, что уголовный процесс имеет высокое политическое значение, выступая индикатором гуманности государственного устройства.

И.В. Ростовщиков [7, с. 26] и Ю.А. Ляхов [8, 48–49] коррелируют степень демократичности государства с интенсивностью защиты прав личности в суде.

В современном дискурсе акцент смещается на поиск системного баланса между интересами личности и государства (В.Н. Карташов [9, с. 3], С.А. Авакьян [10, с. 44–47]). Именно в рамках концепции баланса гарантии прав личности выступают не помехой, а необходимым условием легитимного и эффективного правосудия. Гарантированность прав, таким образом, является неотъемлемым и ключевым элементом конституционно-правового статуса личности, детерминирующим реальность его содержания.

Материалы и методы (теоретические основы)

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных учёных в области уголовно-процессуального права, оперативно-розыскной деятельности, конституционного права, теории государства и права. Эмпирическую базу составили решения Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, материалы судебной практики, а также результаты проведённого авторами анкетирования судей, прокуроров, следователей, оперуполномоченных и адвокатов. Использовались общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, социологический).

¹ Андрей Кончаловский: Я мракобес и ватник // Российская газета. – 2017. – 13 июня. №7292. – URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2017/06/13.html> (дата обращения: 10.08.2022).

Результаты и обсуждение

Понятие и эволюция научных подходов к уголовно-процессуальным гарантиям

Отсутствие легальной дефиниции «гарантий» в УПК РФ обусловило формирование поливариантных доктринальных подходов. Законодатель оперирует смежными, но не тождественными понятиями: «обеспечение прав» (ст. 16 УПК РФ), «охрана прав» (ст. 11 УПК РФ) и «защита прав» (ст. 6, 44, 45, 47 УПК РФ). В науке долгое время господствовало отождествление терминов «гарантируются» и «обеспечиваются» как синонимичных, что находит подтверждение в этимологическом и лексикографическом анализе русского языка (В.С. Шадрин [11, с. 39]). Однако последующая концептуализация выявила необходимость в более строгом категориальном размежевании. О.В. Гладышева предлагает рассматривать «обеспечение» как родовую категорию, а «уголовно-процессуальные гарантии» – как систему взаимосвязанных процессуальных средств, закреплённых законом и предназначенных для эффективной защиты законных интересов [12, с. 14].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что доктринальное учение об уголовно-процессуальных гарантиях по своему содержательному объёму существенно шире института обеспечения прав, регламентированного УПК РФ.

В обобщенном виде под процессуальными гарантиями понимаются установленные законом средства и способы, содействующие осуществлению правосудия, защите и реализации прав и законных интересов личности [13, с. 59, 14, с. 212].

В структурном отношении в научной литературе к элементам гарантий относят: процессуальные нормы; права и обязанности участников; принципы судопроизводства; уголовно-процессуальную форму; правоприменительную деятельность; меры процессуального принуждения; процессуальную ответственность. Ряд учёных (Р.Д. Рахунов [15, с.185], Э.Ф. Куцова [16, с. 129]) рассматривают в качестве центральной гарантии права, предоставленные обвиняемому.

Другое научное направление (В.Е. Юрченко [17, с. 56]) акцентирует обязанности должностных лиц и процессуальные санкции.

Значительная группа учёных (В.А. Стремовский [18, с. 123], И.С. Самощенко [19, с. 81], Т.Н. Добровольская [20, с. 133]) определяет гарантии через призму правовых норм, что, однако, не учитывает деятельностьный аспект.

Наиболее комплексный (синтетический, системно-деятельностный) подход объединяет нормативный и функциональный компоненты. О.В. Гладышева и В.А. Семенцов определяют гарантии как закреплённые в законе средства и способы, фактически обеспечивающие реализацию прав [21 с. 26]. Л.М. Володина рассматривает механизм обеспечения прав как систему, включающую цели процесса, регламентацию статусов, гарантии реализации и реабилитационные средства [22, с. 38]. Ю.В. Деришев и Ю.Г. Овчинников предлагают двухсоставную дефиницию: система процессуальных норм плюс законная деятельность по их реализации [23, с. 41].

Таким образом, эволюция научных представлений демонстрирует движение от узких, одноэлементных трактовок уголовно-процессуальных гарантий к комплексным, системным моделям. Современное понимание гарантий в доктрине должно преодолевать разрыв между нормативным закреплением и правоприменительной практикой. Гарантии прав личности, в особенности подвергаемой уголовному преследованию, представляют собой не статичный набор норм или прав, а динамическую, институционально-деятельностную систему. Эта система включает: а) иерархически выстроенные и взаимосвязанные нормы-гарантии; б) корреспондирующие права и обязанности участников; в) процессуальные формы и принципы, задающие алгоритмы деятельности; г) механизмы ответственности и контроля за исполнением обязанностей властными субъектами; д) правоприменительную деятельность, направленную на реализацию всех вышеназванных элементов.

Триединая модель элементов системы гарантий

Система процессуальных гарантий прав уголовно преследуемого лица включает три несущих элемента:

нормативный элемент – иерархически выстроенные и непротиворечивые правовые нормы (международные, конституционные, отраслевые);

деятельностный элемент – добросовестная правоприменительная деятельность должностных лиц правоохранительных и судебных органов;

адвокатский элемент – активная и квалифицированная профессиональная деятельность адвоката-защитника.

Выпадение или дисфункция любого из этих звеньев приводит к релятивизации конституционных предписаний.

Ключевым системообразующим и одновременно наиболее уязвимым элементом динамической системы гарантий выступает правоприменительная деятельность. Проведённое автором анкетирование судей, прокуроров, следователей, оперативных сотрудников и адвокатов позволило объективировать системный разрыв между нормативным закреплением и реальной реализацией¹.

Зафиксирована поляризация в восприятии сущности гарантий. На вопрос о том, какие положения являются гарантиями прав уголовно преследуемого лица, адвокаты (93 %) и судьи (84 %) ключевое значение придают негативным процессуальным последствиям нарушений – признанию доказательств недопустимыми и отмене судебных решений. Прокуроры (75 %) и следователи (64–69 %) склонны рассматривать в качестве гарантии добросовестную деятельность должностных лиц, тогда как судьи оценивают этот субъективный фактор крайне скептически (43 %). Своевременную квалифицированную помощь адвоката-защитника как гарантию признают лишь 33–39 % следователей и оперативных сотрудников, в то время как среди адвокатов этот показатель достигает 87 %. Данный разрыв подтверждает тезис о недооценке адвокатского элемента стороной обвинения, что деформирует всю гарантирующую конструкцию.

Анализ практики подтверждает эти выводы на конкретных примерах. Прямое и грубое нарушение абсолютных прав проявляется в применении пыток и жестокого обращения. За 24 года обращения российских граждан в ЕСПЧ последний более 3 тыс. раз признал Россию нарушителем Конвенции – и это каждое восьмое решение за всё время его существования. Чаще всего Россия нарушала статьи, гарантирующие право на жизнь (ст. 2), запрет пыток (ст. 3), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5)². Показательно, что 57,8 % постановлений, где признавалось нарушение права на жизнь, были вынесены именно против России, а размер компенсации только по решениям 2021 года в связи с нарушением прав участников уголовного процесса составил свыше 8 млн евро³.

Не менее разрушительной является практика формального соблюдения при фактическом игнорировании гарантий. Яркая иллюстрация – пример из практики Куцевского районного и Краснодарского краевого судов, где была проигнорирована безусловная обязанность, установленная ч. 4 ст. 271 УПК РФ, удовлетворить ходатайство о допросе специалистов, явка которых обеспечена стороной защиты. Такой обвинительный уклон

¹ Эмпирические данные получены автором в ходе анкетирования, в период с 2019 по 2025 гг. Анкетированием было охвачено 790 респондентов, в том числе: 96 судей, 94 прокурора, 109 следователей Следственного комитета РФ, 93 следователя органов внутренних дел, 112 оперуполномоченных ОВД, 286 адвокатов.

² Царева, М. Конвенция по правам человека стала исключительно европейской // Газета «Коммерсантъ». – 2022. – 16 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560896> (дата обращения: 21.09.2022). – Режим доступа: свободный.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: [сайт]. – М., 2021. – С. 230. – URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86ddc9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741>

суда лишает обвиняемого возможности представить опровергающие доказательства [24, с. 34].

В этой связи в качестве обязательного элемента гарантий прав личности следует выделить нормы, предусматривающие процессуальные негативные последствия:

1) недопустимость доказательств – любое нарушение прав личности, сопряжённое с собиранием доказательств, должно влечь их безусловное признание недопустимыми [2, с. 75];

2) безусловная отмена приговора при грубых нарушениях права на защиту – целесообразно дополнить перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ) соответствующим основанием.

Трагический случай с учёным Д. Колкером, арестованным при неизлечимой болезни с вопиющим игнорированием медицинских документов, демонстрирует, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу к тяжелобольному лицу следует расценивать как жестокое обращение. Если сторона защиты предоставила документы о заболевании, препятствующем содержанию под стражей, суд был обязан избрать альтернативную меру¹. Подобные факты, как отмечает Е. Меркачёва, не единичны: только в Москве несколько десятков человек можно освободить по состоянию здоровья прямо сейчас, но судьи и врачи боятся это сделать². В этой связи заслуживает внимания опыт Бельгии, где Министерство юстиции провело социальный эксперимент: 55 судей и прокуроров добровольно отправились в тюрьму, чтобы на себе ощутить условия содержания и обращение с заключёнными³. Для России проведение подобных экспериментов особенно актуально.

Неотъемлемым и активным элементом системы гарантий выступает добросовестная деятельность адвоката-защитника. Конституционный Суд РФ корректно обозначил обязанности государства по созданию условий для подготовки квалифицированных юристов и установлению профессиональных стандартов⁴. ЕСПЧ последовательно развивает доктрину, согласно которой формальное назначение защитника не отвечает требованиям Конвенции, требуется фактическая и эффективная защита. Назначение адвоката не приводит к автоматическому выполнению требований подп. «с» п. 3 ст. 6 ЕКПЧ. Само по себе назначение защитника не означает наличия эффективной защиты, так как назначенному адвокату могут помешать выполнять его профессиональные обязанности либо сам адвокат может уклониться от их выполнения (Постановление ЕСПЧ от 13.05.1980 по делу «Артико против Италии»). Бездействие со стороны адвоката в виде не обжалования вынесенных судебных актов признается нарушением подп. «с» п. 3 ст. 6 ЕКПЧ, совместно с п. 1 ст. 6 ЕКПЧ (Постановление ЕСПЧ от 19.12.2013 по делу «Сийрак против России», Постановление от 21.06.2011 по делу «Орлов против России», Постановление от 30.06.2009 по делу «Ананьев против России»).

Принятый Всероссийским съездом адвокатов в 2017 году «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» нормативно закрепил необходимость

¹ Меркачева, Е. Всемирно известный ученый Колкер умер в СИЗО спустя сутки после задержания. – URL: <https://www.mk.ru/social/2022/07/03/vsemirno-izvestnyy-uchenyy-kolker-umer-v-sizo-spustya-sutki-posle-zaderzhaniya.html> (дата доступа: 04.08. 2022).

² Почему тяжелобольных не сажают под домашний арест. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/eva-merkacheva-v-moskve-neskolko-desyatkov-chelovek-mozhno-osvobodit-po-sostoyaniyu-zdorovya-priamo-sejchas-no-vrachi-boyatsya/> (дата доступа: 04.08. 2022).

³ В Бельгии прокуроры и судьи добровольно сели в тюрьму в рамках эксперимента. – URL: <https://300.pravo.ru/news/242946/> (дата обращения: 04.08. 2022).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Доступ из СПС Гарант.

активной защиты¹. Однако на практике фиксируется та же дисфункция: Кассационное определение Второго КСОЮ от 26.01.2023 по делу № 77-174/2023 констатировало, что адвокат формально участвовал в процессе, поддерживал необоснованные ходатайства, задавал вредные для защиты вопросы и игнорировал смягчающие обстоятельства, чем фактически нанёс ущерб интересам подзащитного. Такое «квази-участие» имитирует защиту и разрушает всю гарантирующую конструкцию. Следовательно, полноценное функционирование системы требует двунаправленной добросовестности: со стороны государства и со стороны профессионального сообщества адвокатов.

Проблема «бесстатусных» лиц на допроцессуальных этапах

Наиболее уязвимым этапом уголовного преследования является допроцессуальная деятельность, проводимая в ходе оперативно-розыскного преследования и при проведении проверочных действий до возбуждения уголовного дела. Лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) или проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, пребывает в «слепой» правовой зоне, будучи лишённым законодательно закреплённого статуса – «бесстатусное лицо». Отсутствие базовых правовых гарантий (право знать существо подозрений, право на адвоката) создаёт предпосылки для произвола. Деятельностный элемент становится единственным, но крайне ненадёжным барьером. Адвокатский элемент, как правило, не активирован. Анкетирование подтвердило практическую востребованность ликвидации «бесстатусной зоны». Так, 79 % судей и 60 % прокуроров поддерживают право лица на помощь адвоката уже при проведении гласных ОРМ (опрос, обследование), тогда как 75 % оперуполномоченных категорически отвергают эту идею. Ещё более радикальный разрыв наблюдается в вопросе о допуске адвоката при фактическом задержании после негласных ОРМ: 97 % адвокатов и 72 % судей – «за», но 91 % оперуполномоченных и 75 % следователей ОВД – «против». Эти цифры являются эмпирическим обоснованием вывода о существовании сознательно поддерживаемой правоприменителем «бесстатусной зоны», в которой гарантирующая функция права уступает место оперативной целесообразности.

Принцип соразмерности и качество закона как гарантийный стандарт

Центральное место в системе гарантий занимает принцип соразмерности (пропорциональности) ограничений прав личности, получивший детальную разработку в практике ЕСПЧ. Легитимация любого ограничения прав обусловлена кумулятивным соблюдением трёх критериев: 1) законность (правовое основание) – ограничение должно иметь основание в национальном законе, отвечающем критерию «качества права» (доступность, предсказуемость, определённость); 2) легитимность цели; 3) необходимость в демократическом обществе и пропорциональность.

Конституционный Суд РФ последовательно указывает на необходимость определённости, ясности, непротиворечивости и системной согласованности правовых норм². Однако категория «качество закона» в России существует как законодательно-техническая,

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г. Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов. – URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 24.05.2024),

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2004. N 27. Статья 2804; Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 года № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.06.2005. N 23. Ст. 2311.

в то время как в практике ЕСПЧ она является правоохранительно-гарантийной. По мнению автора, подход КС РФ следует дополнить гарантийной составляющей: «качество закона» – это свойство нормативного правового акта, которое характеризуется: 1) формально-техническим совершенством (определённость, ясность, непротиворечивость); 2) наличием в его содержании адекватных и эффективных процессуальных гарантий, делающих любое допускаемое им ограничение прав предсказуемым, соразмерным и защищённым от произвола. Принцип «качества закона» предлагается закрепить в Федеральном законе от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

В ходе проведенного анкетирования выявлен острый конфликт в оценке необходимости судебного контроля и унификации процедур как сквозных гарантий соразмерности. Абсолютное большинство адвокатов (97 %) и судей (83 %) поддерживают симметричную защиту неприкосновенности жилища независимо от того, проводится ли ОРМ «обследование» или следственное действие «обыск», тогда как 43 % оперуполномоченных выступают против. Ещё показательнее отношение к порядку утверждения постановлений о проведении ОРМ, допускающих симуляцию преступного поведения (проверочная закупка, оперативный эксперимент и пр.): 87 % оперуполномоченных настаивают на сохранении ведомственного порядка, в то время как 68 % адвокатов и 52 % судей требуют передачи этих полномочий суду. Кроме того, 91 % адвокатов, 78 % судей и 73 % прокуроров выступают за унификацию протокола ОРМ по аналогии с требованиями ст. 166 УПК РФ, что напрямую коррелирует с концепцией «надлежащего качества закона», предполагающей наличие адекватных процессуальных гарантий.

Классификация гарантий прав уголовно преследуемого лица

Исторически в науке уголовного процесса сформировалась бинарная классификация гарантий, исходящая из целевого назначения уголовного судопроизводства. В соответствии с ней выделяются: 1) гарантии правосудия и 2) гарантии прав и законных интересов личности (участников процесса) [25, с. 22; 26, с. 27]. Гарантии правосудия направлены на то, чтобы добиться достоверного эффективного результата, необходимого для принятия процессуальных решений по уголовному делу, направленного на обеспечение прав и законных интересов личности, организаций, пострадавших от публичных правонарушений. Это возможно только путем правильного установления обстоятельств по делу, выявления лица, совершившего преступление, сбора доказательств его виновности и привлечения к уголовной ответственности. Гарантии прав личности в уголовном процессе выступают прежде всего в качестве средства защиты от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Как показывает историко-правовой анализ, такое общее деление долгое время носило формальный характер, поскольку в советский период (50–70-е гг. XX в.) доминировала доктрина, рассматривавшая гарантии прав личности исключительно как производный, подчиненный элемент гарантий правосудия. Частный интерес личности в этой парадигме признавался лишь в той мере, в какой он не противоречил интересам государства и общества. Данный подход нашел отражение в законодательстве, что исключало, например, возможность закрепления презумпции невиновности как абсолютного принципа [27, с. 56].

Коренной перелом в этой доктрине произошел с принятием Конституции РФ 1993 года, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Это конституционное положение придало гарантиям прав личности самостоятельную и высшую ценность, не зависящую от задач уголовного преследования. Более того, был осознан и теоретически оформлен тезис о возможном и законном несовпадении интересов установления объективной истины (публичный интерес) и интересов конкретного лица, вовлеченного в процесс (частный интерес). Следовательно, современная теория, не отрицая системного единства всех гарантий уголовного судопроизводства, настаивает на принципиальном разграничении

процессуальных гарантий правосудия и процессуальных гарантий прав участников процесса как обладающих различным целевым назначением и содержанием.

В научных исследованиях, посвященных вопросам процессуальных гарантий, представлено множество их классификаций. Многообразие подходов обусловлено сложностью самого феномена гарантий, их полифункциональностью и отраслевой спецификой. Для целей настоящего исследования представляется обоснованным сгруппировать существующие доктринальные позиции по трем основным критериям: формально-юридические признаки, целевое назначение (соотношение публичных и частных интересов) и этап процессуальной деятельности (гарантии вовлечения). Такая группировка позволяет выявить как универсальные элементы механизма гарантирования, так и специальные средства, ориентированные именно на защиту прав уголовно преследуемого лица.

Первая группа классификаций строится на формально-юридических критериях. Так, Л.А. Кротова, исходя из сферы действия уголовно-процессуальных норм, выделяет две группы: 1) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, охватывающими регулирующим воздействием всю систему уголовного процесса, основные условия судопроизводства либо содержащими разъяснения процессуальных понятий и институтов; 2) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, которые охватывают регулирующим воздействием определенные типичные процессуальные ситуации [28, с. 106].

Н.И. Капинус отмечает, что источником процессуальных гарантий может быть не только уголовно-процессуальный закон, но и любой другой источник уголовно-процессуального права. Он классифицирует все процессуальные гарантии, применяемые в сфере уголовного судопроизводства, по юридической силе их источника на три группы: международно-правовые средства обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного процесса; конституционные; специальные, к которым относит нормы уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуальные нормы, закрепленные в иных федеральных законах [29, с. 122].

В.Д. Гончаренко, исследовавший право на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, к юридическим гарантиям относит: 1) гарантии-условия (правовое закрепление общих условий реализации и охраны права; состояние режима законности и правового порядка; функционирование элементов правовой системы); 2) гарантии-средства (правовые нормы, закрепляющие право и его гарантии; деятельность субъектов права по реализации и охране права; организационно-обеспечительную деятельность); 3) гарантии-способы (закрепление конкретного права и его гарантий; имплементация международно-правовых норм; ориентация и рекомендация в сфере обеспечения права; контроль и надзор) [30, с.116–117].

Достоинством приведенных классификаций является четкая структурированность нормативного материала, возможность выстроить иерархию гарантий по юридической силе и сфере действия. Однако для целей исследования правового положения именно уголовно преследуемого лица они обладают существенным недостатком – обезличенностью. Формально-юридические классификации описывают гарантии как абстрактные нормативные образования, не акцентируя внимания на конфликтной природе статуса лица, в отношении которого осуществляется публичное преследование. Они статичны и не отражают динамику реализации гарантий в условиях нарастания государственного принуждения.

Вторая группа классификаций преодолевает указанный недостаток, поскольку в ее основании лежит целевое назначение гарантий и, соответственно, различие публичных и частных интересов в уголовном процессе. А.Д. Бойков считает, что процессуальные гарантии должны быть классифицированы применительно к задачам судопроизводства. В общем плане речь может идти о двух типах гарантий – гарантиях публичного интереса и гарантиях субъективных прав. Они в какой-то, иногда значительной, части могут совпадать, но их отождествление недопустимо [31, с. 198].

Л.Д. Кокорев и В.З. Лукашевич отмечают, поскольку в уголовном процессе между общественными и личными интересами возможны и есть расхождения, даже конфликты, для обеспечения интересов личности предусматриваются специальные гарантии, польза от которых для интересов государства неочевидна [32, с. 112].

В.С. Шадрин также отмечает, что между гарантиями правосудия и гарантиями прав личности связь не является идиллической и связь равенства между ними стоит не всегда [11, с. 36].

В рамках гарантий прав личности, подвергаемой преследованию, необходима дальнейшая конкретизация. Особого внимания заслуживает выделение такой их разновидности, как правовые гарантии вовлечения лица в уголовное судопроизводство. Данный институт охватывает совокупность юридических процедур, условий и оснований, определяющих правомерный переход лица из статуса гражданина в статус формализованного участника процесса (подозреваемого, обвиняемого).

И.Л. Петрухин в монографии, посвященной вопросам неприкосновенности личности и принуждения в уголовном процессе, рассматривает, предусмотренные законом основания и условия задержания, основания и условия применения мер пресечения, как гарантии неприкосновенности личности [33, с. 9, 105, 169, 224]. Т.е. законодательные основания и условия для задержания и ареста им рассматриваются как гарантии, охраняющие личность от незаконного и необоснованного ограничения свободы. При этом исследователь указывает на это по умолчанию в названиях глав, не давая развернутого обоснования.

В.Ю. Мельников справедливо отмечает, что гарантии прав личности включают в себя предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок вовлечения, а также совокупность прав на защиту [34, с. 36]. Однако В.Ю. Мельников не раскрывает содержание категории «порядок вовлечения» лица в уголовное судопроизводство.

Восполняя этот пробел, подчеркнем, что термин «порядок» толкуется как «определенная последовательность, ход чего-либо»¹, а глагол «вовлекать» в толковом словаре понимается как процесс действия².

Таким образом «порядок вовлечения» личности в уголовное судопроизводство можно охарактеризовать, как последовательный процесс уголовного преследования лица на всех его этапах Действия сотрудников правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования личности должны быть законными и обоснованными. Законность заключается в строгом выполнении требований, установленных законом для производства процессуальных и следственных действий. Требования законодательства представляют собой: условия, основания и правила, процедуры, установленные в законе. Институт процессуальных условий занимает важное место в механизме правового регулирования уголовного судопроизводства, выступая ключевым элементом, опосредующим связь между материальной предпосылкой деятельности и процедурой ее осуществления. Система процессуальных условий в уголовном процессе отличается внутренней градацией. В научной литературе, следуя логике законодателя, принято выделять общие и специальные (частные) условия. К общим условиям относятся требования универсальные для производства следственных действий (например, правила, закрепленные в ст. 164 УПК РФ: недопустимость насилия, угроз и иных незаконных мер, применение технических средств, участие понятых). Эти условия формируют общий правовой режим доказывания, пронизанный идеями законности и нравственности.

В качестве специальных условий можно выделить основания – условия для признания лица подозреваемым – ст. 46 УПК РФ, а для признания обвиняемым такие основания – условия определены в ст. 47 УПК РФ.

¹ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. – URL: <https://dic.academic.rudic.nsf/efremova/222357> (дата обращения: 21.12.2022).

² Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147547/Вовлечение> (дата обращения: 21.12.2022).

Необходимо проводить четкое терминологическое и содержательное разграничение между процессуальным условием и процессуальной процедурой (порядком), которые, будучи взаимосвязанными, выполняют различную роль. Условие есть юридический факт (совокупность фактов), порождающий право и обязанность на совершение действия. Оно отвечает на вопрос «когда и при каких обстоятельствах можно действовать?», устанавливая пределы дозволенного вмешательства. Процедура же определяет «как именно должно быть произведено это действие?», регламентируя последовательность операций, права и обязанности участников, технику фиксации результатов [23, с. 75]. Данное разграничение имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение: логика правоприменения диктует необходимость первоначальной проверки наличия всех предусмотренных законом условий и лишь затем – безукоснительное следование установленной процедуре.

Эффективность данной модели должна оцениваться в динамике, на каждом из этапов уголовного преследования: выявления и установления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением; установления причастности подозреваемого лица к совершению преступления; обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, причастность к которому подтверждено достаточной совокупностью доказательств, где меняется интенсивность государственного принуждения и степень уязвимости индивида – уголовно преследуемого лица.

1. Этап выявления установления заподозренного лица, совершившего преступление, и формирование обоснованного предположения (допроцессуальная, проверочная и оперативно-розыскная деятельность). На этом начальном этапе, предшествующем формальному наделению статусом подозреваемого, действует первый вид гарантий – гарантии-условия законного и обоснованного вовлечения. Однако именно здесь наиболее остро проявляется системный дефект нормативного элемента. Лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) или проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, пребывает в «слепой» правовой зоне, будучи лишенным законодательно закрепленного статуса – «бесстатусное лицо». Отсутствие базовых правовых гарантий (право знать суть имеющихся подозрений, право на адвоката) создает предпосылки для произвола. Деятельностный элемент, зависящий исключительно от внутренней культуры, правового сознания и добросовестности сотрудников оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования, становится единственным, но крайне ненадежным барьером. Адвокатский элемент, как правило, не активирован, лишая лицо профессиональной поддержки в момент формирования основы будущего обвинения. Таким образом, на этапе выявления триединая модель функционирует в усеченном виде, что предопределяет высокие риски нарушений.

2. Этап установления причастности и наделения статусом подозреваемого (формальное вовлечение в уголовный процесс). Момент задержания, уведомления о подозрении или возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица является моментом активации второго вида гарантий – гарантий прав лица с формальным процессуальным статусом. Нормативный элемент должен обеспечить четкий, безусловный и немедленный порядок реализации прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Однако, как демонстрирует практика, императивные нормы (право на защитника с момента задержания) сталкиваются с дисфункцией деятельностного элемента: пассивность, формализм или прямое противодействие должностных лиц (фактическое воспрепятствование встречам с адвокатом, создание искусственных препятствий). Ключевую компенсаторную и активирующую роль призван играть адвокатский элемент. Адвокат-защитник выступает в качестве «переводчика» и «реализатора» процессуальных норм в пользу подзащитного. Его оперативность, настойчивость и компетентность предопределяют, сможет ли нормативный каркас гарантий материализоваться или останется декларацией. Эффективность модели на этом этапе зависит от качества синхронизации деятельностного и адвокатского элементов.

3. Этап обличения обвиняемого и судебного поддержания обвинения (предварительное расследование и судебное разбирательство). После предъявления обвинения система

гарантий подвергается максимальной нагрузке, смещая фокус с защиты от произвольного вовлечения на обеспечение справедливого, полного и состязательного исследования доказательств. Нормативный элемент должен предоставлять стороне защиты адекватный инструментарий для оспаривания обвинения (право на заявление ходатайств, допрос свидетелей, назначение экспертиз, обязательность удовлетворения ходатайств при соблюдении условий, как в ч. 4 ст. 271 УПК РФ).

Автором предлагается трёхуровневая классификация гарантий.

Первый вид – гарантии-условия (гарантии законного и обоснованного вовлечения лица в уголовное преследование). Сюда относится определение в законе об ОРД и УПК РФ правовых статусов лиц (прежде всего «бесстатусных» лиц), а также закрепление чётких условий, оснований и порядка вовлечения лица в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность.

Второй вид – гарантии прав личности, уже подвергаемой уголовно-процессуальному преследованию (подозреваемого или обвиняемого). Их содержание раскрывается через триединство: статусные (материально-правовые) гарантии – наличие полноценного правового статуса (ст. 46, 47 УПК РФ); процедурно-формальные гарантии – наличие установленных законом условий, оснований и порядка дальнейшего преследования; инструментальные (процессуально-реализационные) гарантии – наличие эффективных средств реализации прав, включая судебный контроль и механизмы обжалования.

Третий вид (специальный) – гарантии соразмерности ограничения прав и надлежащего качества закона. Данный вид носит сквозной характер и включает: обеспечение формальной определённости и предсказуемости закона; реализацию принципа пропорциональности при применении мер принуждения; иерархическую систему судебного контроля.

Выводы

Гарантии прав уголовно преследуемого лица не могут быть сведены к статичной совокупности законодательных норм. Они представляют собой сложную динамическую институционально-деятельностную систему, эффективность которой детерминирована синхронным функционированием трёх несущих элементов: а) иерархически выстроенных и непротиворечивых правовых норм; б) добросовестной правоприменительной деятельности должностных лиц; в) активной и квалифицированной профессиональной деятельности адвоката-защитника. Дисфункция любого из этих звеньев приводит к релятивизации конституционных предписаний.

Установлено, что наиболее уязвимым этапом является допроцессуальная и оперативно-розыскная деятельность, формирующая «слепую зону», в которой лицо, фактически подвергаемое государственному принуждению, лишено формализованного правового статуса и корреспондирующих гарантий. Необходимо законодательное закрепление статуса «заподозренного лица» на этапе проведения гласных ОРМ и проверочных действий.

В целях устранения терминологической полисемии предложена трёхуровневая классификация гарантий: гарантии-условия (законного и обоснованного вовлечения); статусно-инструментальные гарантии (для лиц с формальным процессуальным статусом); специальные гарантии соразмерности и качества закона (сквозной вид).

Обоснована целесообразность законодательного закрепления категории «надлежащее качество закона, ограничивающего права и свободы» в качестве гарантийного стандарта, включающего формально-юридическое совершенство норм и наличие в нормативном акте адекватных процессуальных гарантий.

Реальность конституционных гарантий прав личности находится в прямой зависимости от преодоления правового нигилизма и обвинительного уклона, а также от ликвидации «бесстатусных» зон. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути формирования единого, сквозного гарантийного пространства, в котором приоритет прав личности выступает реальным ограничителем публично-правового усмотрения.

Список источников

1. Чупилкин, Ю. Б. Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус / Ю. Б. Чупилкин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 112-127. - EDN: WCITLW.
2. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – Москва: Юристъ, 2009. – 174, [1] с. - (Res cottidiana). - ISBN 978-5-7975-0964-6. - EDN: QQWRXF.
3. Цветков, Ю. А. Права человека вышли из моды. Как это отразится на уголовном процессе? / Ю. А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 3. – С. 8-16. - <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-3-8-16>.
4. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий; под общ. ред. А. В. Смирновой. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. - Печатается по третьему изданию, СПб., 1910. - ISBN 5-87062-032-5. - Т. 1. – 552 с.
5. Строгович, М. С. Избранные труды: в 3 т. / М. С. Строгович; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права ; редкол.: В. М. Савицкий (пред.) и др. – Москва: Наука, 1990-. - ISBN 5-02-013216-0. - Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / отв. ред. В. М. Савицкий. – 1992. – 277, [1] с.
6. Ларин, А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин; АН СССР. – Москва: Наука, 1982. – 152 с. - (Конституция СССР. Личность и право).
7. Ростовщиков, И. В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие для вузов МВД России / И. В. Ростовщиков; Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1996. – 97, [2] с.
8. Ляхов, Ю. А. Расширение частных начал в уголовном судопроизводстве России как фактор его гуманизации / Ю. А. Ляхов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 46-51. - EDN: RSUGOJ.
9. Карташов, В. Н. Юридический статус личности: понятие, логическая структура, виды / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2014. – № 13 (13). – С. 3-19. - EDN: YLFOPP.
10. Авакьян, С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование / С. А. Авакьян // Социальные интересы. – 2001. – № 4. – С. 44-47.
11. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Москва: Юрлитинформ, 2000. – 228, [2] с. - (Библиотека криминалиста). - ISBN 5-93295-015-3. - EDN: RHTJJK.
12. Гладышева, О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Гладышева Ольга Владимировна ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2013. – 478 с.
13. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.
14. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / [В. Б. Алексеев, Л. Б. Алексеева, В. П. Божьев и др.]; под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца; ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. – Москва: Юрид. лит., 1989. – 638, [1] с. - ISBN 5-7260-0097-8.
15. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов; Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва: Госюриздат, 1961. – 277 с.
16. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 114 с.
17. Юрченко, В. Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве / В. Е. Юрченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 139 с.
18. Стремовский, В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В. А. Стремовский; отв. ред. В. Е. Чугунов; Рост. н/Д ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.
19. Самощенко, И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И. С. Самощенко ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 286 с.
20. Добровольская, Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве / Т. Н. Добровольская // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 128-135. - ISSN 0132-0769.
21. Семенцов, В. А. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / В. А. Семенцов, О. В. Гладышева, Х. М. Лукожев; под общ.

и науч. ред. В. А. Семенцова. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 192 с. - (Уголовный процесс). - ISBN 978-5-4396-0306-0. - EDN: TRXVDB.

22. Володина, Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л. М. Володина; М-во общ. и проф. образования РФ, Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 171 с. - ISBN 5-88081-157-3.

23. Деришев, Ю. В. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий: монография / Ю. В. Деришев, Ю. Г. Овчинников. – Омск: ОмЮИ, 2012. – 180 с. - ISBN 978-5-9903967-1-2. - EDN: VPBNHV.

24. Чупилкин, Ю. Б. Пороки российского правосудия XXI века / Ю. Б. Чупилкин // История государства и права. – 2015. – № 4. – С. 32-35. - EDN: TWXPZD.

25. Советский уголовный процесс: учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / [Н. С. Алексеев, А. И. Бастрыкин, В. Г. Даев и др.] ; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 469, [1] с. - ISBN 5-288-00452-4.

26. Уголовный процесс: учебник / [В. К. Бобров и др.]; под ред. В. П. Божьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высшее образование, 2008. – 524 с. - ISBN 978-5-9692-0187-3.

27. Каминская, В. И. В чем значение процессуальных гарантий в уголовном процессе / В. И. Каминская // Советское государство и право. – 1950. – № 5. – С. 48-56. - ISSN 0132-0769.

28. Кротова, Л. А. Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кротова Л. А.; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1982. – 204 с.

29. Капинус, Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография / Н. И. Капинус. – Москва: Буквояд, 2007. – 409, [1] с. - ISBN 978-5-903396-07-3. - EDN: QSAWQH.

30. Гончаренко, В. Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. Д. Гончаренко; Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград, 1999. – 201 с.

31. Бойков, А. Д. Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве / А. Д. Бойков // Законность в Российской Федерации / [редкол.: В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) и др.]. – Москва: Спарк, 1998. – С. 188-201. - ISBN 5-88906-122-6.

32. Кокорев, Л. Д. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, В. З. Лукашевич // Вестник Ленинградского университета. Серия 6, История КПСС, философия, право. – 1977. – № 11. – С. 109-116.

33. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва: Наука, 1989. – 256 с. - ISBN 5-02-012893-7.

34. Мельников, В. Ю. Гарантии прав личности в уголовном процессе / В. Ю. Мельников // Российский судья. – 2008. – № 3. – С. 36-39. - ISSN 1812-9267. - EDN: JWPNRB.

References

1. Chupilkin YuB. Criminally prosecuted person: concept, types, legal status. *North Caucasus Legal Bulletin*. 2025;(4):112-127. (In Russ.) - EDN: WCITLW.

2. Orlov Yu.K. *Problems of the theory of evidence in criminal procedure*. Moscow: Yurist; 2009. 174, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-7975-0964-6. EDN: QQWRXF.

3. Tsvetkov Yu.A. Human rights have gone out of fashion. How will this affect criminal procedure? *Criminal Procedure*. 2023;(3):8–16. (In Russ.). DOI: 10.18572/2072-4411-2023-3-8-16.

4. Foinitsky I.Ya. *Course of criminal procedure: in 2 vols. Vol. 1*. 3rd ed. Smirnov A.V., editor. St. Petersburg: Alpha; 1996. 552 p. (In Russ.). ISBN 5-87062-032-5.

5. Strogovich M.S. *Selected works: in 3 vols. Vol. 2: Guarantees of individual rights in criminal proceedings*. Savitsky V.M., editor. Moscow: Nauka; 1992. 277, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-02-013216-0.

6. Larin A.M. *Presumption of innocence*. Moscow: Nauka; 1982. 152 p. (In Russ.).

7. Rostovshchikov I.V. Realization of individual rights and the activities of internal affairs bodies: a study guide for universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volgograd: Volgograd Law Institute; 1996. 97, [2] p. (In Russ.).

8. Lyakhov Yu.A. Expansion of private elements in criminal proceedings in Russia as a factor of its humanization. *North Caucasus Legal Bulletin*. 2013;(3):46–51. (In Russ.). EDN: RSUGOJ.

9. Kartashov V.N. Legal status of the individual: concept, logical structure, types. *Actual problems of the theory and history of the legal system of society*. 2014;13(13):3–19. (In Russ.). EDN: YLFOPP.
10. Avakyan S.A. Globalization, common constitutional values, and national regulation. *National Interests: Priorities and Security*. 2001;(4):44–47. (In Russ.).
11. Shadrin V.S. *Ensuring individual rights in the investigation of crimes*. Moscow: Yurlitinform; 2000. 228, [2] p. (In Russ.). ISBN 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK.
12. Gladysheva O.V. Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate interests of a person and a citizen in criminal proceedings [dissertation]. Moscow; 2013. 478 p. (In Russ.).
13. Alekseev N.S., Dayev V.G., Kokorev L.D. *An essay on the development of the science of Soviet criminal procedure*. Voronezh: Voronezh University Publishing House; 1980. 251 p. (In Russ.).
14. Alekseev V.B., Alekseeva L.B., Bozhiev V.P., et al. *The course of the Soviet criminal process. General Part*. Boykov A.D., Karpets I.I., editors. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1989. 638, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-7260-0097-8.
15. Rakhunov R.D. Participants in criminal procedural activities under Soviet law. Moscow: Gosyurizdat; 1961. 277 p. (In Russ.).
16. Kutsova E.F. *Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process*. Moscow: Moscow University Publishing House; 1972. 114 p. (In Russ.).
17. Yurchenko V.E. *Guarantees of the victim's rights in court proceedings*. Tomsk: Tomsk University Press; 1977. 139 p. (In Russ.).
18. Stremovsky V.A. *Participants in the preliminary investigation in Soviet criminal proceedings*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1966. 260 p. (In Russ.).
19. Samoshchenko I.S. *The concept of an offense under Soviet legislation*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1963. 286 p. (In Russ.).
20. Dobrovolskaya T.N. Guarantees of citizens' rights in criminal proceedings. *Soviet State and Law*. 1980;(2):128–135. (In Russ.).
21. Sementsov V.A., Gladysheva O.V., Lukozhev Kh.M. *Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings: problems and possible ways to solve them*. Sementsov V.A., editor. Moscow: Yurlitinform; 2013. 192 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4396-0306-0. EDN: TRXVDB.
22. Volodina L.M. *The mechanism for protecting individual rights in criminal proceedings*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House; 1999. 171 p. (In Russ.). ISBN 5-88081-157-3.
23. Derishev Yu.V., Ovchinnikov Yu.G. *Theoretical foundations of criminal procedure guarantees: a monograph*. Omsk: OmYuI; 2012. 180 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9903967-1-2. EDN: VPBHVB.
24. Chupilkin Yu.B. Flaws of Russian justice in the 21st century. *History of State and Law*. 2015;(4): 32–35. (In Russ.). EDN: TWXPZ.
25. Alekseev N.S., Bastrykin A.I., Daev V.G., et al. *Soviet criminal procedure: textbook for universities for specialties "Jurisprudence"*. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z., editors. Leningrad: LSU Publishing House; 1989. 469, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-288-00452-4.
26. Bobrov V.K., et al. *Criminal procedure: textbook*. Bozhyev V.P., editor. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Higher Education; 2008. 524 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9692-0187-3.
27. Kaminskaya V.I. What is the significance of procedural guarantees in criminal proceedings. *Soviet State and Law*. 1950;(5):48–56. (In Russ.).
28. Krotova L.A. Procedural guarantees for achieving the objectives of criminal proceedings [dissertation]. Kazan; 1982. 204 p. (In Russ.).
29. Kapinus N.I. Procedural guarantees of individual rights in the application of preventive measures in criminal proceedings: a monograph. Moscow: Bukvoed; 2007. 409, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-903396-07-3. EDN: QSAWQH.
30. Goncharenko V.D. The human right to freedom from torture and other cruel, inhuman, or degrading treatment or punishment: theoretical and legal aspects [dissertation]. Volgograd; 1999. 201 p. (In Russ.).
31. Boikov A.D. Legality and expediency in criminal proceedings. In: *Legality in the Russian Federation*. Moscow: Spark; 1998. p. 188–201. (In Russ.). ISBN 5-88906-122-6.
32. Kokorev L.D., Lukashevich V.Z. Procedural guarantees of the rights and legitimate interests of the individual in criminal proceedings. *Bulletin of Leningrad University*. 1977;(11):109–116. (In Russ.).

33. Petrukhin I.L. *Personal inviolability and coercion in criminal proceedings*. Moscow: Nauka; 1989. 256 p. (In Russ.). ISBN 5-02-012893-7

34. Melnikov V.Yu. Guarantees of individual rights in criminal proceedings. *Rossiyskiy Sudya*. 2008;(3):36–39. (In Russ.). EDN: JWPNRB.

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 25.07.2026; одобрена после рецензирования 01.09.2026; принята к публикации 03.09.2026.

The article was submitted 25.07.2026; approved after reviewing 01.09.2026; accepted for publication 03.09.2026.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции. **При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».**

Объем оригинальной научной статьи должен быть не менее 20 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черными, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках: - заголовок статьи; - имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»; - аннотация (300-350 слов). **Аннотация должна быть структурирована**, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы); - ключевые слова или словосочетания (не менее 10).

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор) и код EDN (коды проверять на сайте: https://elibrary.ru/find_edn_list.asp?). После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице **автором указывается:** «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». **При написании текста статьи и составлении списка источников не использовались средства искусственного интеллекта.**

Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но стремимся определить его действительное место в познании права.

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ**

РАНХиГС РОСТОВ-НА-ДОНУ

**Общественные
науки:**

исследования и практики

международная научно-практическая конференция

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

**ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ –
филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»**

приглашает принять участие в

VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**Общественные науки: исследования и практики
«СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ
В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»**

15-16 октября 2026 года

г. Ростов-на-Дону

Цель конференции: создание междисциплинарного пространства для международного сотрудничества и обмена результатами научных исследований в контексте глобальных трансформаций и иных вызовов современности.

Конференция будет проходить в смешанном формате: очно/дистанционно.

Организатор конференции:

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону).

Соорганизаторы:

Ферганский Государственный
Университет
(Республика Узбекистан, г. Фергана)

Институт экономики –
Карельский научный центр РАН
(Россия, г. Петрозаводск)

Южный федеральный
университет
(Россия, г. Ростов-на-Дону)

Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

Абхазский Государственный уни-
верситет
(Республика Абхазия, г. Сухум)

Университет социальных наук
(Турция, г. Анкара)

Институт экономики и организации
промышленного производства
Сибирского отделения РАН
(Россия, г. Новосибирск)

Академия государственного
управления при Президенте республики
Казахстан
(Республика Казахстан, г.
Астана)

Тюменский государственный
университет
(Россия, г. Тюмень)

Информационная поддержка*:

Научный и общественно-теоретический журнал «Государственное и муниципальное управление»;

Научно-практический журнал «Северо-Кавказский юридический вестник»;

Научный журнал «The EURASEANS: journal on global socio-economic dynamics».

Научный журнал «Журнал политических исследований»

К участию в конференции приглашаются: научно-педагогические работники, докторанты, аспиранты, магистранты, студенты вузов.

По итогам конференции планируется выпуск сборника статей, который будет размещен в научной электронной библиотеке (www.elibrary.ru) с последующей индексацией в наукометрической базе РИНЦ (Российский Индекс Научного Цитирования). Также сборнику статей будет присвоен ISBN.

Оргкомитет оставляет за собой право отбора поступивших материалов.

**По результатам конференции программным комитетом будут выбраны лучшие доклады для публикации в журналах, выступившими в качестве информационных партнеров мероприятия (при условии соблюдения необходимых правил оформления).*

В рамках конференции пройдут:

Пленарное заседание: «Местное самоуправление в России: поиск оптимальной модели»

Секция 1: «Современные тренды экономического развития: национальные цели и приоритеты»;

Секция 2: «Модернизация государственного и корпоративного управления в целях обеспечения стратегической устойчивости»;

Секция 3: «Правовое регулирование устойчивого развития территориальных и отраслевых экосистем»;

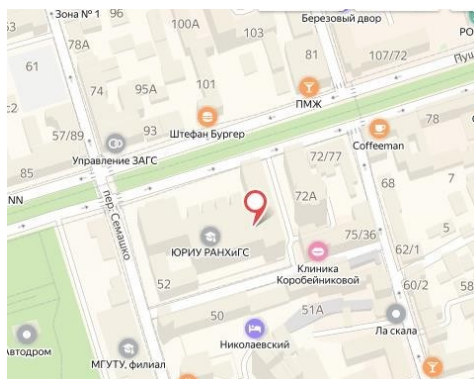
Секция 4: «Политические и социальные институты, процессы и технологии в современных условиях»;

Секция 5: «Общественные науки глазами молодых исследователей: идеи, проекты и решения» (проводится совместно со СНО)

Рабочие языки конференции:

- русский;
- английский

Адрес: г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54

Пройти регистрацию и ознакомиться с подробной информацией можно на сайте конференции: <https://social-science.ru/>

или

зарегистрироваться
путем заполнения Яндекс Формы:

<https://forms.yandex.ru/cloud/6a4183269029020631e0253f>

или заполнением заявки на электронный адрес: conf.science-uriu@ranepa.ru

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 3, 2026

Выход в свет 30.09.2026. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 4959-26

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410012, г. Саратов, ул. Университетская, зд. 36, стр. 1. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru